

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 2 (59) 2020

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Миллов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 306
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
Трибуна молодого ученого

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии «Юника», тел. 8 (343) 364-55-24

Подписано в печать 10.07.2020. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 12.
Печать цифровая. Заказ № 168 от 23.07.2020 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законода-

тельства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шеремет Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Бажанов Станислав Васильевич,

ВЫЯВЛЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОНТРОЛИРУЮЩИМИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ
ОРГАНАМИ (ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В «НУЛЕВЫЕ ГОДЫ»)

Stanislav V. Bazhanov,

DETECTION OF TAX CRIMES BY REGULATORY AND LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES
(EXPERIENCE OF NORMATIVE LEGAL REGULATION IN THE «ZERO YEARS»)7

Бажанов Станислав Васильевич, Малахов Андрей Аркадьевич,

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Stanislav V. Bazhanov, Andrey A. Malakhov,

ALPHABETICAL TRUTHS OF SEARCH ACTIVITY 14

Биченова Сирана Шалвовна,

СООТНОШЕНИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВТАНАЗИИ
И АССИСТИРОВАННОГО САМОУБИЙСТВА

Sirana Sh. Bichenova,

RELATIONSHIP AND CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS
OF EUTHANASIA AND ASSISTED SUICIDE 18

Ветрова Ольга Алексеевна, Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна,

Петрова Ольга Викторовна,

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ:
СОЦИОЛОГО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Olga A. Vetrova, Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, Olga V. Petrova,

RECIDIVISM OF FOREIGN CITIZENS ON THE TERRITORY OF RUSSIA:
SOCIO-LEGAL CHARACTERISTIC 24

Глухов Евгений Александрович,

ПРАВО И НЕФОРМАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ В ВОЕННОЙ СРЕДЕ

Evgeny A. Glukhov,

LAW AND INFORMAL REGULATORS OF BEHAVIOR IN THE MILITARY ENVIRONMENT 32

Кузнецов Александр Анатольевич,

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ (СТ. 278 УК)

Alexander A. Kuznetsov,

OBJECT OF CRIME AT FORCENT PURCHASE OF AUTHORITY (ART. 278 OF THE CRIMINAL CODE) 38

Милов Павел Олегович,

УПРОЩЕННОЕ БАНКРОТСТВО И ВЫКУП ДОЛГОВ ГРАЖДАН КАК ВАРИАНТЫ
ВЫХОДА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ИЗ КРИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Pavel O. Milov,

SIMPLIFIED BANKRUPTCY AND REDEMPTION OF CITIZENS' DEBTS AS OPTIONS
FOR INDIVIDUALS TO GET OUT OF A CRITICAL ECONOMIC SITUATION 44

Сазин Сергей Тихонович,

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
ГРАЖДАН И БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ МОРСКОМ
ТРАНСПОРТЕ С ПОЗИЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЧАСТНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Sergey T. Sazin,

ENSURING THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS
AND SAFETY IN WATER TRANSPORT FROM THE PERSPECTIVE OF THE ORGANIZATION
OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION IN PRIVATE EDUCATIONAL INSTITUTIONS 49

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Борисова Елена Викторовна,

К ВОПРОСАМ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Elena V. Borisova,

TO THE QUESTIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY 54

Чжан Дали, Кашбразиев Ринас Васимович,

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Zhang Dali, Rinas V. Kashbrasiev,

THE CURRENT STATE AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC
COOPERATION AT THE REGIONAL LEVEL (CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)..... 58

Пантелеева Татьяна Александровна,

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Tatyana A. Panteleeva,

IMPACT OF COVID-19 DISTRIBUTION ON THE ECONOMIC SECURITY
OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION..... 67

Туров Ростислав Сергеевич,

МЕТОД АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА

Rostislav S. Turov,

ACTOR NETWORK THEORY METHOD IN RESEARCHES OF RURAL TOURISM..... 74

Упоров Иван Владимирович, Перлик Максим Игоревич,

ГУЛАГ И ОТРАСЛЕВЫЕ ГЛАВКИ МВД СССР КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
В СОВЕТСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ СИСТЕМЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Ivan V. Uporov, Maxim I. Perlik,

GULAG AND SECTORAL HEADS OF THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AS MANAGEMENT
STRUCTURES IN THE SOVIET CORRECTIVE-LABOR SYSTEM OF THE POST-WAR..... 79

Трибуна молодого ученого

Крымская Ильмира Сяитьевна,

ПРОБЛЕМА НЕПРАВОМЕРНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
ПО НАЛОГОВЫМ СОСТАВАМ

Ilmira S. Krymskaya,

THE PROBLEM OF ILLEGAL CRIMINAL PROSECUTION OF ENTREPRENEURS BASED ON TAX CRIMES 87

Ященко Евгений Алексеевич,

МИРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ИХ РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ КАПИТАЛА

Yevgeny A. Yashchenko,

WORLD FINANCIAL CENTERS AND THEIR ROLE IN THE INTERNATIONAL MOVEMENT OF CAPITAL 93

УДК 343.139.1

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке, Москва,
svb-1956@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОНТРОЛИРУЮЩИМИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ (ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В «НУЛЕВЫЕ ГОДЫ»)

Аннотация. В статье даётся краткий обзор опыта нормативного правового регулирования деятельности контролирующих (налоговых) и правоохранительных органов с момента перехода экономики Российской Федерации к рыночным отношениям. Подвергается конструктивной критике состояние отдельных законодательных актов, а также ведомственных и межведомственных приказов и инструкций, регламентирующих правовой режим налогового администрирования. Внимание читателей обращается на качество той их части, которая посвящается регулированию порядка взаимодействия и информационного обмена между сотрудниками налоговых, оперативно-розыскных и следственных органов. Подчеркивается некорректность отдельных ключевых формулировок, используемых в многочисленных ведомственных и межведомственных инструкциях, часть которых была отменена или скорректирована относительно недавно. К их числу автор статьи относит, в частности, фразу «выявление обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления», с завидным упорством воспринимаемую новейшими законодательными и иными актами, в то время, как её можно было бы изложить в более приемлемом виде, сделав акцент на «выявлении признаков налогового преступления». Таким лаконичным образом разработчики налогового законодательства и (меж-) ведомственного нормативного материала, освободили бы тематический правовой потенциал от излишней семантической нагрузки.

Ключевые слова: налог, сбор, контролирующие и правоохранительные органы, налоговые преступления, финансовые (налоговые) правоотношения, доход, федеральный бюджет, налоговые органы, оперативно-розыскные органы, следственные органы, преступление, взаимодействие

Stanislav V. Bazhanov,

Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences,
retired colonel of justice, Moscow,
svb-1956@mail.ru

DETECTION OF TAX CRIMES BY REGULATORY AND LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES (EXPERIENCE OF NORMATIVE LEGAL REGULATION IN THE «ZERO YEARS»)

Abstract. The article gives a brief overview of the experience of normative legal regulation of the activities of regulatory (tax) and law enforcement agencies since the transition of the economy of the Russian Federation to market relations. The state of certain legislative acts, as well as (inter-) departmental orders and instructions governing the legal regime of tax administration, is subjected to constructive criticism. The attention of readers is drawn to the quality of that part of them, which is dedicated to regulating the order of interaction and information exchange between employees of the tax, operational-search and investigative bodies. The incorrectness of certain key formulations used in numerous (inter-) departmental instructions, some of which was canceled or adjusted relatively recently, is emphasized. Among them, the author of the article includes, in particular, the phrase "identifying circumstances that suggest a violation of the law on taxes and fees containing signs of a crime", which is perceived with enviable persistence by the latest legislative and other acts, while it could be would be stated in a more acceptable form, focusing on "identifying signs of a tax crime". In this laconic way, the developers of tax legislation and (inter-) departmental normative legal regulation would free thematic legal potential from excessive semantic load.

Keywords: tax, levy, regulatory and law enforcement agencies, tax crimes, financial (tax) legal relations, income, federal budget, tax authorities, operational investigative agencies, investigative authorities, crime, interaction

Часть 2 ст. 36 Налогового кодекса Российской Федерации¹ определяет, что при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, органы внутренних дел и следственные органы обязаны в десятидневный срок со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в соответствующий налоговый орган для принятия по ним решения².

Данные установления детализированы в Инструкции о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при осуществлении выездных налоговых проверок, утвержденной совместным приказом МВД России и ФНС России от 22.01.2004 года № 76/АС-3-06/37³ и в Инструкции о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, утвержденной совместным приказом МВД России и МНС России от 22.06.2004 года № 76/АС-3-06/37⁴.

При анализе перечисленных нормативных правовых актов обращает на себя внимание расхожая (дежурная) фраза «выявление обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления», кочующая из одного нормативного правового акта в другой. Представляется, что указанную формулировку можно было бы изложить в более презентабельном виде, сделав акцент просто на «выявлении признаков налогового преступления». Таким лаконичным образом разработчики замороченного налогового законодательства и (меж-) ведомственного нормативного правового регулирования, освободили бы соответствующий правовой потенциал от излишней семантической нагрузки.

Незначительные корректировки в перечисленные директивы были внесены Инструкцией о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесен-

ных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения, утвержденной совместным приказом МВД России и ФНС России от 30.06.2009 года (ред. от 12.11.2013 года) № 495/ММ-7-2-347⁵.

Обновленной Инструкцией о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок, в частности, устанавливается, что в случае, если проверкой установлены факты нарушения законодательства о налогах и сборах, проверяющими должны быть приняты необходимые меры по *сбору доказательств*⁶ [6]. В установленном порядке производится истребование у проверяемого лица необходимых документов, *выемка* документов и предметов, в том числе электронных носителей информации, истребование документов (информации) у контрагентов и иных лиц, располагающих сведениями о деятельности лица, в отношении которого проводится выездная налоговая проверка, *допросы свидетелей* и *другие мероприятия налогового контроля*, предусмотренные Налоговым кодексом, Законом Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (п. 14 указанной Инструкции).

По ходу заметим, что в процитированном абзаце к мероприятиям налогового контроля отнесены процедуры, более свойственные процессу доказывания, реализуемому полномочными субъектами в режиме традиционных следственных действий.

Инструкция о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения декларирует, что сведения, направляемые в налоговые органы, должны включать в себя документы, свидетельствующие о нарушениях законодательства о налогах и сборах. Указанные материалы направляются с сопроводительным письмом за подписью *начальника* (заместителя начальника) *органа внутренних дел*, которое (среди прочего) должно содержать сведения о *возбуждении уголовного дела* (п. 4 Инструкции)⁷. Однако, такое процессуальное решение, как известно, должно приниматься исключительно следователем следственного подразделения СК России⁸.

Что касается Инструкции о порядке направления материалов налоговыми органами в органы

¹ Далее – НК России.

² Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

³ Российская газета. № 46. 06.03.2004; документ утратил силу в связи с изданием приказа МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013) «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» // Российская газета. 16.09.2009.

⁴ Утратила силу: приказ МВД России № 1144, ФНС России № ММВ-7-2/774@ от 14.11.2011 // Российская газета. 15.01.2014.

⁵ Изменения внесены приказом МВД России № 900, ФНС России № ММВ-7-2/493@ от 12.11.2013 // Российская газета. 15.01.2014.

⁶ Здесь и далее курсив автора.

⁷ В ред. приказа МВД России № 900, ФНС России № ММВ-7-2/493@ от 12.11.2013.

⁸ Утратила силу: приказ МВД России № 1144, ФНС России № ММВ-7-2/774@ от 14.11.2011.

внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, то она была признанной утратившей силу⁹.

Единственным на сегодняшний день подзаконным (ведомственным) нормативным правовым актом, регулирующим взаимодействие следователей структурных подразделений СК России с сотрудниками контролирующими органами при выявлении и расследовании налоговых преступлений, является Инструкция по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, утвержденная приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 286, ФНС России ММВ-7-2/232, МВД России, СК России от 08.06.2015 года. Пункт 12 названной директивы гласит, что: «Следственными органами Следственного комитета о результатах рассмотрения материалов, поступивших из территориальных органов ФНС России, в зависимости от принятого процессуального решения в налоговые органы направляется письменное уведомление о возбуждении уголовного дела либо копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела¹⁰.

Отнесение преступлений, предусмотренных статьями 198-199.4 УК РФ, к подсудности следователей структурных подразделений СК России повлекло адекватные изменения в ст. 144 УПК РФ, которая в части комментируемых здесь вопросов стала выглядеть иначе.

Так, ч. 7 ст. 144 УПК РФ провозглашает, что при поступлении из *органа дознания* сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.1 УК РФ, следователь при отсутствии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела в срок не позднее трех суток с момента поступления такого сообщения направляет в вышестоящий налоговый орган по отношению к налоговому органу, в котором состоит на налоговом учете налогоплательщик (налоговый агент, плательщик сбора, плательщик страховых взносов), либо при поступлении из *органа дознания* сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 199.3 и 199.4 УК РФ, – в территориальный орган страховщика, в котором состоит на учете страхователь – физическое лицо или страхователь-организация, которые обязаны уплачивать страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (далее страхователь), копию такого сообщения с приложением со-

ответствующих документов и предварительного расчета предполагаемой суммы недоимки по налогам, сборам и (или) страховым взносам.

В данной норме, как нетрудно убедиться, законодатель говорит об органах дознания, которые в ч. 1 ст. 40 УПК РФ неудачно смешиваются и с органами внутренних дел, и с оперативно-розыскными органами, что всерьез осложняет восприятие нормативного правового регулирования порядка взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел при выявлении нарушений законодательства о налогах и сборах.

В соответствии с ч. 8 ст. 144 УПК РФ, по результатам рассмотрения материалов, направленных следователем в порядке, установленном ч. 7 ст. 144 УПК РФ, налоговый орган или территориальный орган страховщика в срок не позднее 15 суток с момента получения таких материалов:

1) Направляет следователю заключение о нарушении законодательства Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательства Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и о правильности предварительного расчета суммы предполагаемой недоимки по налогам, сборам и (или) страховым взносам в случае, если обстоятельства, указанные в сообщении о преступлении, были предметом исследования при проведении ранее назначенной налоговой проверки либо проверки правильности исчисления, своевременности и полноты уплаты (перечисления) страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, по результатам которых вынесено вступившее в силу решение налогового органа или территориального органа страховщика, а также информацию об обжаловании или о приостановлении исполнения такого решения;

2) Информировывает следователя о том, что в отношении налогоплательщика (налогового агента, плательщика сбора, плательщика страховых взносов) или страхователя проводится налоговая проверка или проверка правильности исчисления, своевременности и полноты уплаты (перечисления) страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, по результатам которых решение еще не принято либо не вступило в законную силу;

3) Информировывает следователя об отсутствии сведений о нарушении законодательства Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательства Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в случае, если ука-

⁹ Утратила силу: приказ МВД России № 1144, ФНС России № ММВ-7-2/774@ от 14.11.2011 // Российская газета. 15.01.2014.

¹⁰ СПС Консультант Плюс.

занные в сообщении о преступлении обстоятельства не были предметом исследования при проведении налоговой проверки либо проверки правильности исчисления, своевременности и полноты уплаты (перечисления) страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Наконец, ч. 9 ст. 144 УПК РФ провозглашает, что после получения заключения налогового органа или территориального органа страховщика, но не позднее 30 суток с момента поступления сообщения о преступлении по результатам рассмотрения этого заключения следователем должно быть принято процессуальное решение.

Уголовное дело о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, может быть возбуждено следователем до получения из налогового органа или территориального органа страховщика заключения или информации, предусмотренных ч. 8 ст. 144 УПК РФ, при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

В Федеральном законе от 26.12.2008 года № 293-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности»¹¹, к слову сказать, обращается внимание на то, что в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении *гласных оперативно-розыскных мероприятий* должностное лицо, осуществившее *изъятие*, составляет протокол в соответствии с *требованиями уголовно-процессуального законодательства* Российской Федерации (п. 1 ст. 2). Возникает вопрос, как в ходе оперативно-розыскных мероприятий, регламентированных Федеральным законом от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹², можно составить протокол, отвечающий требованиям УПК РФ? Формально такое возможно лишь при выполнении оперативными уполномоченными подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (полиции) отдельных поручений следователей в порядке п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Работая в следственно-оперативной группе, они могут выполнять подобные поручения [10, с. 40-43]. Однако означенные подробности следует комментировать особо и, по возможности, отдельно.

Таким образом, алгоритм действий должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов в ходе проведения проверок и ревизий хозяйствующих субъектов должен отвечать принципу

законности во избежание нареканий в их адрес со стороны представителей малого и среднего бизнеса.

Проблема эта во многом соотносима с институтом участников уголовного процесса, поскольку законодательная регламентация их правового положения в стадии возбуждения уголовного дела, определяющая меру дозволенного в её рамках поведения, к сожалению, далека от совершенства. Это становится первоосновой для формирования в практике проведения процессуальных проверок ненормативного их поведения. Регламентируя соответствующий правовой режим, законодатель ведет речь о заявителях, очевидцах, правонарушителях и т.д., юридический статус которых в УПК РФ не определен никак [12, с. 57-63].

Небезынтересно содержание Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденного совместным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 года № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»¹³, в котором используются такие терминологические рудименты как «органы дознания» и «сотрудники оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» (п. 2), требующие серьезного смыслового обособления.

Методологически значимый вопрос поднимает А.А. Жамков, подвергающий оценке юридический статус оперативных уполномоченных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел, нередко проводящих процессуальную проверку сообщений о преступлениях экономической направленности. Автор настаивает на том, что для положительного решения поставленного им вопроса необходимо уяснить ряд моментов: во-первых, является ли деятельность по проверке сообщений о преступлениях процессуальной; во-вторых, вправе ли оперативный уполномоченный подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел её осуществлять, принимая самостоятельные решения подобающей природы; и, наконец, в-третьих, в качестве какого субъекта процессуальной деятельности он при этом выступает?

Резюмируя свои рассуждения на сей предмет, и апеллируя к ч. 1 ст. 40 УПК РФ, относящей органы внутренних дел к органам дознания, названный автор на все перечисленные собою вопросы отвечает положительно.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. (ч. 1). Ст. 6248.

¹² Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

¹³ СПС «Консультант Плюс».

Однако, с его доводами согласиться непросто, поскольку развитие наук уголовно-правового блока идет в направлении дальнейшего размежевания оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной составляющих в деятельности органов внутренних дел как органов дознания [11, с. 284-286]; речь идет об автономном оперативно-розыском законодательстве, принятом в 1992-1995 годах, и предопределившем естественным образом их взаимную обособленность.

Отнесение органов внутренних дел к числу органов дознания является грубой методологической ошибкой законодателя. В Российской Федерации отсутствуют единые, строго централизованные государственные структуры, занимающиеся исключительно расследованием преступлений в форме дознания [9, с. 6,7].

К тому же Толковый словарь русского языка термин «орган» трактует как государственное или общественное учреждение (организация), но не как должностное лицо, хотя, надо признать, в 50-ые годы XX века встречалась и такая его интерпретация (например, у М.С. Строговича).

Да и практика возложения на оперативных уполномоченных уголовного розыска и ОБХСС процессуальных полномочий дознавателей имела распространение в период развернутого социалистического строительства, поскольку специализированные подразделения дознания имелись далеко не во всех горрайорганах внутренних дел. В настоящее же время такой подход не оправдан, что, конечно же, не исключает возможности возложения на оперативных уполномоченных процессуальных функций дознавателей (приказом начальника органа внутренних дел).

На местах, кстати, такое, подчас, и наблюдается, но только в качестве вынужденной (временной) меры.

Желательно учитывать также концептуальные установки, довлеющие в теории управления, согласно которым наиболее приемлемой в организации труда сотрудников признаётся узкая специализация (должностных лиц), в том числе в органах уголовной юстиции. Совмещение оперативных и процессуальных полномочий, проявляющееся подчас в оперативно-служебной деятельности оперативных уполномоченных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (полиции), с поправкой на положения ч. 2 ст. 41 УПК РФ, отрицательно сказывается на выполнении ими как основных, так и вспомогательных функций.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательная регламентация, ведомственное нормативное правовое регулирование проверочной деятельности сотрудников контролирующих и правоохранительных органов должно осуществляться с учетом ряда принципиальных соображений:

- оптимального построения (архитектоники) контролирующих и правоохранительных органов;
- последовательного формирования в науках уголовно-правового блока согласованного понятийного аппарата;
- четкого разграничения должностных полномочий между субъектами взаимодействия;
- строгого соблюдения узкой специализации в оперативно-служебной деятельности сотрудников налоговых, оперативно-розыскных и следственных органов [13, с. 47-51].

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 293-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. (ч. 1). Ст. 6248.
3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 16.
4. Инструкции о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при осуществлении выездных налоговых проверок, утвержденной совместным приказом МВД России и ФНС России от 22.01.2004 № 76/АС-3-06/37 // Российская газета. № 46, 6 марта 2004; документ утратил силу в связи с изданием приказа МВД РФ № 495, ФНС РФ № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013) «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» // Российская газета. 16.09.2009.
5. Инструкции о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, утвержденной совместным приказом МВД России и МНС России от 22.06.2004 № 76/АС-3-06/37 // Приказ МВД России № 1144, ФНС России № ММВ-7-2/774@ от 14.11.2011 «О внесении изменений в приказ МВД России и ФНС России от 30.06.2009 № 495/ММ-7-2-347» (утратил силу) // СПС Консультант Плюс.
6. Инструкция о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для

принятия по ним решения, утверждённой совместным приказом МВД России и ФНС России от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013) № 495/ММ-7-2-347 // Изменения внесены приказом МВД России № 900, ФНС России № ММВ-7-2/493@ от 12.11.2013 // Российская газета. 15.01.2014.

7. Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденного совместным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // СПС Консультант Плюс.

8. Приказ МВД России № 900, ФНС России № ММВ-7-2/493@ от 12.11.2013.

9. *Бажанов С.В.* Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2007. № 1. С. 6,7.

10. *Бажанов С.В.* Групповой метод расследования тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 12. С. 40-43.

11. *Жамков А.А.* Процессуальный статус сотрудников ОБЭП, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях экономической направленности // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений: материалы межвузовской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч. 1. С. 284-286.

12. *Марков О.Н.* Некоторые проблемы обеспечения прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы законодательной и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с преступностью: сборник материалов IV международной научно-практической конференции. Сыктывкар, СГУ, 2004. С. 57-63.

13. *Бажанов С.В.* Правовой режим проверок финансово-хозяйственной, торговой и предпринимательской деятельности экономических субъектов Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С. 47-51.

References

1. Federal law dated 12.08.1995 No. 144-ФЗ "On operational search activity" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Article 3349.

2. Federal Law of December 26, 2008 No. 293-ФЗ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Exclusion of Extra-Procedural Rights of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation Concerning Inspections of Entrepreneurship Activities" // Compilation of the legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. (Part 1). Art. 6248.

3. Federal Law of December 28, 2010 No. 404-ФЗ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of the Activities of Preliminary Investigation Bodies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No 1. Art. sixteen.

4. Instructions on the procedure for interaction between law enforcement bodies and tax authorities during field tax audits, approved by a joint order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Tax Service of Russia dated 01.22.2004 No. 76 / AC-3-06 / 37 // Rossiyskaya Gazeta. No. 46, March 6, 2004; the document lost its force in connection with the publication of the order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 495, the Federal Tax Service of the Russian Federation No. ММ-7-2-347 dated June 30, 2009 (as amended on November 12, 2013) "On Approving the Procedure for Interaction between Internal Affairs Agencies and Tax Authorities for the prevention, detection and suppression of tax offenses and crimes" // Russian newspaper. 09/16/2009.

5. Instructions on the procedure for sending materials by the tax authorities to the internal affairs bodies when identifying circumstances that suggest a violation of the law on taxes and fees containing signs of a crime approved by the joint order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Taxes and Duties of Russia dated June 22, 2004 No. 76 / AC-3-06 / 37 // Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1144, Federal Tax Service of Russia No. ММВ-7-2 / 774 @ 11/14/2011 «On Amendments to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Tax Service of Russia dated 30.06.2009 No. 495 / ММ- 7-2-347 "(lost force) // ATP Consultant Plus.

6. Instruction on the procedure for sending materials by the internal affairs bodies to the tax authorities when circumstances are identified that require actions attributed to the powers of the tax authorities to make decisions on them, approved by a joint order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Tax Service of Russia dated 30.06.2009 (as amended on November 12, 2013) No. 495 / ММ-7-2-347 // Amendments were made by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 900, Federal Tax Service of Russia No. ММВ-7-2 / 493 @ dated 12.11.2013 // Rossiyskaya Gazeta. 01/15/2014.

7. The model regulation on the unified procedure for the reception, registration and verification of reports of crimes, approved by a joint order of the General Prosecutor of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, emergency situations and the elimination of natural disasters, Nyusta of Russia, the FSB of Russia, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399 "On the Unified Registration of Crimes" // ATP Consultant A plus.

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 900, Federal Tax Service of Russia No. MMV-7-2 / 493 @ dated 12.11.2013.
9. *Bazhanov S.V.* The legal status of the units of the investigation and inquiry in the criminal process of the Russian Federation // Russian investigator. 2007. No. 1. S. 6.7.
10. *Bazhanov S.V.* The group method of investigating serious and especially serious crimes committed in the field of economic activity // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 12. P. 40-43.
11. *Zhamkov A.A.* The procedural status of employees of the Economic Crimes Department, checking messages on crimes of an economic nature // Actual issues of the application of criminal procedure and criminal law in the investigation of crimes: materials of the inter-university scientific and practical conference. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. Part 1. P. 284-286.
12. *Markov O.N.* Some problems of ensuring the rights of citizens at the stage of criminal proceedings // Actual problems of legislative and law enforcement in the fight against crime: a collection of materials from the IV international scientific and practical conference. Syk-Tyvkar, SSU, 2004. S. 57-63.
13. *Bazhanov S.V.* The legal regime for audits of financial, economic, trade and business activities of economic entities of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 11. S. 47-51.

УДК 343.98

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке, Москва,
svb-1956@mail.ru

Малахов Андрей Аркадьевич,

доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, полковник МВД РФ в отставке,
город Владимир,
forensic.expert@outlook.com

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Розыскная деятельность следователей, дознавателей (органов дознания), органов внутренних дел и оперативно-розыскных подразделений имеет большое значение для выявления, расследования и раскрытия преступлений. Она является неотъемлемым атрибутом государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью. Тем не менее, внимательное изучение её концептуальных основ в науках уголовно-правового блока показывает, что единого подхода к определению понятия розыска, круга его объектов и субъектов, правового режима и принципов осуществления в теориях оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права, а также в криминалистике, к сожалению, до сих пор не сложилось.

Настоящая статья является постановочной; она акцентирует внимание читающей аудитории на исходных положениях розыскной деятельности.

Ключевые слова: розыск, розыскная деятельность, оперативно-розыскные органы, органы дознания, следственные органы

Stanislav V. Bazhanov,

doctor of law, Professor, academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and arts,
retired Colonel of justice, Moscow,
svb-1956@mail.ru

Andrey A. Malakhov,

master of law, associate Professor of the Department of criminal law disciplines of the Vladimir branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation,
retired police Colonel, Vladimir,
forensic.expert@outlook.com

ALPHABETICAL TRUTHS OF SEARCH ACTIVITY

Abstract. Investigative activities of investigators, interrogators (bodies of inquiry), internal Affairs bodies and operational search authorities it is of great importance for detecting, investigating and solving crimes. It is an integral attribute of the state-legal policy of the Russian Federation in the field of fighting crime. Nevertheless, a careful study of its conceptual foundations in the Sciences of criminal law shows that a unified approach to defining the concept of search, the range of its objects and subjects, the legal regime and principles of implementation in the theories of operational search and criminal procedure law, as well as in criminology, unfortunately, has not yet developed.

This article is staged; it focuses the attention of the reading audience on the initial provisions of investigative activities.

Keywords: search, search activity, operational search bodies, inquiry bodies, investigative bodies

В уголовном процессе, криминалистике, а также в теории оперативно-розыскной деятельности актуальнейшей проблемой, нуждающейся в серьезной научной проработке, остаётся розыскная деятельность полномочных на её осуществление субъектов. Иногда её еще называют – розыск. Среди ученых юристов до сих пор не наблюдается единства мнений относительно рассматриваемого правового института, что до некоторой степени объясняется несовершенством действующего уголовно-процессуального законодательства, определяющего розыскные меры в качестве средства установления подозреваемого (обвиняемого), а не его места нахождения (п. 38 ст. 5 УПК РФ).

Сомнительной выглядит и дефиниция термина «дознатель», представленная в п. 7 ст. 5 УПК РФ. Согласно указанной норме, в качестве такового предлагается понимать должностное лицо органа дознания, тогда как органом дознания признаются не только организации, но и те же должностные лица (п. 24 ст. 5 УПК РФ).

Обращает на себя внимание статья 210 УПК РФ, регламентирующая правовой режим розыска исключительно подозреваемых (обвиняемых), хотя его объектами могут выступать потерпевшие и свидетели, а равно материальные носители доказательственной информации (вещественные доказательства, образцы, полученные для сравнительного исследования, и т.д.).

В криминалистике рассматриваемому феномену посвящается самостоятельная частная теория (учение), в рамках которой обсуждается розыск не столько подозреваемых и обвиняемых, как это должно было бы быть при надлежащем прочтении буквы закона, а преступников [7].

С юридино-семантической точки зрения подобный подход вызывает принципиальные возражения. Суть вопроса заключается в инвариантности понятия «преступник», которое с общеправовой точки зрения может толковаться весьма неоднозначно. На данное обстоятельство обращает внимание, в частности, Ю.Д. Блувштейн, исподволь увязывающий смысловую нагрузку названного термина с различными стадиями и этапами уголовного процесса, в рамках которых правовой статус лица, совершившего преступление, претерпевает соответствующие метаморфозы [8].

При этом не следует считать взаимозаменяемыми такие несовместимые словообразования как «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности», на чём настаивает, в частности, А.И. Трусов [13], с мнением которого, на взгляд авторов настоящей статьи, следует согласиться.

Разногласия у ученых проявляются также в вопросе, касающемся круга правомочных на осуществление розыска сотрудников (должностных лиц) оперативно-розыскных и следственных органов, к числу

которых в юридической литературе одинаково часто относят следователей, органы дознания (органы внутренних дел) и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, игнорируя, таким образом, субъектов административного розыска и розыска, осуществляемого в рамках гражданского или исполнительного судопроизводства.

Стало быть, отсутствие в науках уголовно-правового блока единого подхода к понятию розыскной деятельности, кругу её объектов и субъектов, к правовому режиму и принципам реализации порождает (в теории) самые разнообразнейшие инсинуации схоластического толка.

В качестве примера можно привести статью Ю.Д. Лившица и М.Б. Джанкобаева, в которой авторы, рассуждая об основных направлениях совершенствования розыска обвиняемого, тут же заявляют о назревшей потребности в легализации в УПК РФ специальной нормы, обязывающей властных участников уголовного процесса лично или через полицию принимать непосредственные меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [10].

Несколько иное, но равно неверное толкование означенного феномена предлагают и другие авторы, сводящие розыск подозреваемого и обвиняемого, то есть известных участников уголовного процесса, к установлению лица, совершившего уголовно наказуемое деяние [11].

Подобные разночтения нельзя не учитывать при формировании согласованного розыскного понятийного аппарата в пику множющимся попыткам отдельных авторов нивелировать категорию «розыскные меры», искусственно, якобы, привнесенную в теорию оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права, и в равной мере – криминалистики.

Анализ ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] позволяет, на первый взгляд, к оперативно-розыскным мероприятиям гласного толка относить и розыскные меры, отсутствующие, как понятие, в названном законодательном акте. Однако подобный взгляд вряд ли оправдан, поскольку поименованные поведенческие акты заметно разнятся по целевому назначению, правовому режиму, кругу правомочных на их осуществление субъектов, и т.д.

Что касается розыскной деятельности следователей, то единственной их функцией правильнее было бы считать расследование преступлений, хотя и она подлежала бы кардинальному переосмыслению, поскольку следственным путем, как известно, раскрывается лишь малая доля регистрируемых уголовно наказуемых деяний (1,5-2,0%). Какая же это функция?

Сегодня функция расследования трансформировалась в скороспелый суррогат – функцию уголов-

ного преследования, которая, будучи взятой в чистом виде, остроты комментируемой проблемы не умаляет. Её обновленное название («уголовное преследование») само по себе неудачно хотя бы уже потому, что заимствовано из мрачной глубины веков. Являясь махровым анахронизмом, названный термин широко употребляется в различных нормативных правовых актах вкуче со своим «аналогом» («предварительное расследование»), нередко в одной и той же норме.

Высказанные соображения приобретают особое звучание в свете ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1], декларирующей предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Отрадно, что, выделяя оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную компоненту в работе поднадзорных прокуратуре правоохранительных органов, законодатель здесь упустил из виду деятельность розыскную, проигнорировав чрезвычайно значимое направление прокурорской надзорной практики.

В то же время, понятия оперативно-розыскных органов и органов дознания в ней разграничиваются, что заслуживает всяческого одобрения и поддержки в целях обеспечения полноценного уяснения субъектами применения норм права не только предмета, но и пределов полномочий надзирающих прокуроров.

В разные годы проблемами розыска занимались маститые советско-российские учёные, перечислять имена и регалии которых в данном контексте не имеет особого смысла. Несколько позднее к этой же теме обращались и другие авторы. Так, в 2007 году в Омской академии МВД Российской Федерации вышла в свет монография Е.В. Бурякова, в которой автор предпринял попытку проанализировать розыскную деятельность оперативно-розыскных органов с позиций отраслевого законодательства и соответствующей теории [9].

В 2008 году публикуется препринт монографии профессора А.Ю. Шумилова на эту тему [14], в 2016 году – монография «Методологические основы розыска», подготовленная одним из авторов настоящей статьи [4], а в 2017 году – его же монография «Учение о розыске» [6].

Однако, единого подхода к понятию розыска в уголовно-правовой науке всё равно не сложилось, что и предопределяет наблюдаемый ныне разноречивый

по организации розыска в правоприменительной практике [5].

В условиях новейшего времени всерьез обострилась проблема розыска подозреваемых (обвиняемых), скрывшихся от органов предварительного расследования, как оказывается впоследствии, за долго до приобретения ими соответствующего правового статуса. В отдельных регионах Российской Федерации этот показатель по-прежнему выражается внушительными цифрами (от 33,2% до 44,0%), а по ранним оценкам компетентных исследователей – от 33,7 до 79,6% [12].

Такое положение свидетельствует о серьезном снижении правовой защищенности лиц, пострадавших от преступлений, провозглашенной в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Ситуация усугубляется расширенным перечнем правовых предпосылок к приостановлению предварительного следствия, которое стало допускаться сегодня в том числе в случаях не установления места нахождения подозреваемого и обвиняемого «по иным причинам» (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Видимо поэтому количество нераскрытых преступлений, уголовные дела о которых приостановлены за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, постоянно растёт, а чрезвычайно перегруженные сотрудники оперативно-розыскных и следственных органов свои усилия по-прежнему направляют на те из них, которые вновь поступают в их производство. Работа же по нераскрытым преступлениям прошлых лет отодвигается на второй план. В большинстве регионов страны их раскрываемость колеблется в пределах 2,0% от общего числа зарегистрированных (нераскрытых) уголовно наказуемых деяний.

Немаловажным обстоятельством является и то, что несвоевременное установление места нахождения скрывшихся (основных) объектов розыска (подозреваемых и обвиняемых) препятствует эффективному возмещению пострадавшим от преступлений материального ущерба, что вынуждает следователей и оперативных сотрудников органов внутренних дел (полиции) проводить трудоемкие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия для достижения «назначения уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ).

Сказанное, собственно, и предопределило интерес авторов настоящей статьи к теме, вынесенной в её заголовок.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349

3. *Бажанов С.В.* Розыскная деятельность следователя (по обнаружению скрывшихся от следствия подозреваемых и обвиняемых). М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2010. С. 3, 4.
4. *Бажанов С.В.* Методологические основы розыска: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
5. *Бажанов С.В.* Теоретические и правовые основы современной розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2016. № 2 (47). С. 41–43.
6. *Бажанов С.В.* Учение о розыске: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
7. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987. С. 177–192.
8. *Блувштейн Ю.Д.* Криминология и математика. М.: Юридическая литература, 1974. С. 53.
9. *Буряков Е.В.* Оперативно-розыскное учение о розыске: монография. Омск, Академия МВД Российской Федерации. 2007.
10. *Лившиц Ю.Д., Джанкобаев М.Б.* Некоторые проблемы теории и практики приостановления производства предварительного расследования // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по уголовным делам о тяжких преступлениях: сборник научных трудов. Караганда, ВШ МВД СССР, 1985. С. 15.
11. *Титов С.М., Титова Е.С., Джикия В.К., Ваганов С.В.* Организация розыска лиц, совершающих преступления в сфере грузовых перевозок // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008. С. 359–367.
12. *Прохорова Е.В.* Организация работы следователя по предупреждению уклонения обвиняемых от следствия и их розыску: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. С. 7.
13. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. С. 208.
14. *Шумилов А.Ю.* Сотрудничество государств – участников СНГ в розыске лиц, совершивших преступление: теория и практика: препринт / А.Ю. Шумилов М.: ИД Шумиловой И.И., 2009.

References

1. Federal law of 17.01.1992 No. 2202-1 «On the prosecutor's office of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Article 4472.
2. Federal law of 08.08.1995 No. 144-ФЗ "On operational-search activity" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Article 3349
3. *Bazhanov S.V.* Detective activities of the investigator (to detect suspects and accused who have hidden from the investigation). М.: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.S. 3, 4.
4. *Bazhanov S.V.* Methodological foundations of the search: monograph. М.: Yurlitinform, 2016.
5. *Bazhanov S.V.* Theoretical and legal foundations of modern search activity // Operative (detective). 2016. No. 2 (47). S. 41–43.
6. *Bazhanov S.V.* The doctrine of the search: a monograph. М.: Yurlitinform, 2017.
7. *Belkin R.S.* Forensics: problems, trends, prospects. General and particular theories. М.: Legal literature, 1987. S. 177–192.
8. *Bluvshstein Yu.D.* Criminology and mathematics. М.: Legal literature, 1974.P. 53.
9. *Buryakov E.V.* Operational-search doctrine of the search: a monograph. Omsk, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2007.
10. *Livshits Yu.D., Dzhankobaev M.B.* Some problems of the theory and practice of suspending the production of a preliminary investigation // Questions of forensic science and forensics in criminal cases of serious crimes: a collection of scientific papers. Karaganda, Higher School of Internal Affairs of the USSR, 1985.S. 15.
11. *Titov S.M., Titova E.S., Dzhikia V.K., Vaganov S.V.* Organization of the search for persons who commit crimes in the field of freight transportation // Problems of investigating unsolved crimes of past years: proceedings of an inter-university scientific seminar on November 13, 2008. М.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. P. 359–367.
12. *Prokhorova E.V.* Organization of the work of the investigator for the prevention of the evasion of the accused from the investigation and their search: a training manual. М.: All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987.S. 7.
13. The criminal process: a textbook for law students and faculties. М.: Mirror, TEIS, 1996.S. 208.
14. *Shumilov A.Yu.* Cooperation of the CIS member states in the search for persons who committed a crime: theory and practice: preprint / A.Yu. Shumilov М.: ID Shumilova I.I., 2009.

УДК 343.6

Биченова Сирана Шалвовна,

старший преподаватель кафедры Уголовного права и процесса,
ФГБОУ ВО Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, город Владикавказ,
sshbichenova@nosu-team.ru

СООТНОШЕНИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВТАНАЗИИ И АССИСТИРОВАННОГО САМОУБИЙСТВА

Аннотация. В статье раскрываются различные точки зрения относительно понятий «эвтаназия» и «ассистированного самоубийства» и их содержания. Проанализировав вопрос о соотношении данных понятий, а также вопросы, которые могут возникнуть при их квалификации, автор делает вывод об ошибочности признания ассистированного самоубийства видом эвтаназии.

Ключевые слова: право на жизнь, эвтаназия, ассистированное самоубийство, ассистированное врачом самоубийство, содействие совершению самоубийства

Sirana Sh. Bichenova,

senior lecturer of the Criminal Law and Procedure Department of K.L. Khetagurov
North Ossetian State University, Vladikavkaz,
sshbichenova@nosu-team.ru

RELATIONSHIP AND CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF EUTHANASIA AND ASSISTED SUICIDE

Abstract. The article reveals various points of view regarding the concepts of "euthanasia" and "assisted suicide" and their content. After analyzing the question of the correlation of these concepts, as well as questions that may arise during their qualification, the author concludes that the recognition of assisted suicide as a type of euthanasia is erroneous.

Keywords: right to life, euthanasia, assisted suicide, assisted physician suicide, assisted suicide

Право на жизнь является основным, неотчуждаемым, принадлежащим каждому от рождения универсальным правом, закрепляемым как в международных актах [2, 3], так и в Конституции РФ [1]. Желание самостоятельного распоряжения этим правом (при определенных обстоятельствах) нашло свое отражение в таком явлении как «эвтаназия».

Термин «эвтаназия» (ευθανασία) происходит от двух греческих слов: ευ (хороший, счастливый) и θάνατος (смерть), то есть, дословно ее можно определить как «счастливая смерть». Под эвтаназией понимается «относительно безболезненные, совершенные по причинам милосердия акт или практика убийства или разрешения смерти безнадежно больных или раненых особей (таких как люди или домашние животные)» [23]. Эвтаназию определяют и как «приведение к нежной или легкой смерти человека, страдающего неизлечимой и мучительной болезнью или находящегося в состоянии необратимой комы» [18], или «умышленное прекращение врачом (или другим лицом) жизни человека путем введения лекарственных средств по добровольной и компетентной просьбе лица» [19].

Статья 45 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает запрет эвтаназии, под которым понимается «ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента» [5].

Большинство авторов [8, 10, 11] указывают на два основных вида эвтаназии: активную эвтаназию, т.е. намеренное причинение неизлечимо больному человеку по его воле легкой и быстрой смерти из страдания, и пассивную эвтаназию, которая заключается в сокращении или уменьшении лечения по воле неизлечимо больных, в связи с тем, что данное лечение не улучшает их состояния, а лишь причиняет дополнительные физические и моральные муки.

Хотя эвтаназия запрещена в большинстве государств, некоторые страны, например, Нидерланды, Бельгия и Люксембург, узаконили ее применение при определенных условиях. Несколько штатов в США также допускают ее осуществление.

Отечественная уголовно-правовая доктрина исходит из того, что нельзя признавать согласие лица на причинение ему смерти обстоятельством, исключаящим преступность деяния [9], и понимает под эвтаназией убийство, совершенное по мотиву сострадания, которое в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Однако, ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает в качестве одного из квалифицирующих признаков – убийство «...лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 года, как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии «надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» [7]. Исходя из этого, беспомощность жертвы внешне может быть соотнесена с эвтаназией, поскольку и в первом и во втором случае, потерпевшие могут быть серьезно больны и не способны на самозащиту, а преступник должен быть об этом заведомо осведомлен.

На наш взгляд, отличительными чертами для разграничения эвтаназии и квалифицированного убийства будут являться, во-первых, ненасильственный характер эвтаназии, поскольку «потерпевший» сам просит о лишении его жизни, тогда как при убийстве беспомощного лица преступник действует против воли потерпевшего. А, во-вторых, наличие у преступника обязательного мотива сострадания, рассматриваемого в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ), и цели - избавить потерпевшего от мучений.

Некоторые авторы в качестве видов эвтаназии называют еще косвенную эвтаназию и ассистированное врачом самоубийство [12]. Косвенная эвтаназия выражается «в назначении обезболивающих, которые могут привести к летальному исходу в попытке облегчить страдания».

«Ассистированное врачом самоубийство», на наш взгляд, является подвидом общего понятия «ассистированное самоубийство», которое представляет собой суицид, совершаемый с чьей-либо помощью [22]. Т.е. мы не ограничиваем круг субъектов только медицинскими работниками. Согласно определению, даваемому Европейской Ассоциацией Паллиативной Помощи (ЕАРС), ассистированным можно назвать самоубийство, когда «человек преднамеренно помога-

ет другому человеку по его добровольной и компетентной просьбе прекратить его или ее жизнь» [19].

Если же говорить об ассистированном врачом самоубийстве, то его можно определить как: «пособничество медицинского работника пациентам по прекращению их жизни по их же просьбе» [20]; «преднамеренную помощь врача человеку в прекращении его жизни по его добровольной и компетентной просьбе путем предоставления лекарственных средств для их самостоятельного применения» [19].

Участие врачей обусловлено тем, что они могут выдать рецепт на использование смертельных лекарственных средств. Конечно, в первую очередь, деятельность врачей обусловлена их целями по полному излечению или улучшению состояния пациента. Изменение этой цели на причинение смерти пациенту может поставить под угрозу отношения между врачом и пациентом. Так, например, во избежание этого, федерацией врачей Нидерландов был подготовлен документ, который определяет позицию врача по отношению к эвтаназии и ассистированному самоубийству, четко описывая задачи и обязанности при выполнении действий [25]. Вовлечение врачей в процесс осуществления ассистированного самоубийства было подвергнуто критике, поскольку это может повлечь превращение медицины в простой бизнес, предназначенный для удовлетворения потребностей в медицинских услугах [17]. Была предложена концепция, согласно которой, эвтаназия и ассистированное самоубийство осуществлялись бы не врачами [13]: уйти из жизни пациентам помогали бы их дети [15] или специально обученные люди, не имеющие медицинского образования.

Исходя из всего вышеперечисленного, представляется ошибочной возможность отождествления эвтаназии и ассистированного самоубийства. В отличие от эвтаназии, где основную роль играет человек, вводящий смертельную дозу лекарственных средств, при ассистированном самоубийстве все действия выполняет лицо, которое хочет покончить с жизнью. При этом процесс принятия самого решения остается идентичным эвтаназии. Не будет считаться ассистированным самоубийством случай, когда пациент прекращает принимать пищу или пить воду, поскольку в данном случае ему не требуется для этого помощь другого человека.

В настоящее время положение об ассистированном самоубийстве закреплено в законодательстве четырех европейских стран (Нидерланды, Бельгия, Швейцария и Люксембург), Канады, Колумбии и Соединенных Штатов Америки, (штатах Орегон, Вашингтон, Монтана, Вермонт, Калифорния, Колорадо, округ Колумбия, Гавайи, Нью-Джерси и Мэн, представляющих почти 25% населения США) [21].

Швейцария является единственной страной, которая допускает ассистирование в самоубийстве не врачом. Кроме того, не граждане Швейцарии мо-

гут воспользоваться швейцарским законом, и, находясь на ее территории, получить возможность осуществить ассистированное самоубийство [16].

Что касается ответственности за ассистированное самоубийство, то, например, врачи в Германии, являясь гарантом благополучия своих пациентов, обязаны прикладывать больше, чем обычно, усилий для предотвращения самоубийства, поскольку могут понести не только гражданскую, но и уголовную ответственность за убийство бездействием, если они окажут помощь пациенту [19]. В Великобритании все формы ассистированного самоубийства признаются незаконными и, в зависимости от конкретных обстоятельств, могут повлечь ответственность по уголовному закону о непредумышленном убийстве или убийстве [14], или Законом о самоубийстве (1961) [24].

Так же как и при эвтаназии, в рамках ассистированного самоубийства речь идет о неизлечимо больном человеке, однако, как было уже сказано выше, действия по лишению себя жизни он осуществляет самостоятельно. Каким образом, в таком случае следует квалифицировать действия лица, выступившего в роли ассистента самоубийства?

Федеральным законом от 07.06.2017 года № 120-ФЗ [6] в Уголовный кодекс РФ была введена статья 110.1, устанавливающая уголовную ответственность, в том числе, за содействие совершению самоубийства. Объективная сторона данного преступления включает исчерпывающий перечень способов этой помощи, которая может выражаться в советах, указаниях, предоставлении информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранении препятствий к его совершению или обещании скрыть средства или орудия совершения самоубийства. При этом мотив самоубийства никакого влияния на квалификацию преступления не оказывает.

Исходя из всего вышеизложенного, представляется, что ответственность за «ассистированное

самоубийство» в рамках УК РФ тождественна ответственности за «содействие совершению самоубийства в отношении ... лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного», которая предусмотрена п. «а» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ. Субъектом в данном случае может быть любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Несмотря на то, что в большинстве стран запрет на убийство абсолютен, эвтаназия и ассистированное самоубийство продолжают быть горячо обсуждаемыми темами. Аргументы, используемые в дискуссиях об их легализации, носят скорее эмоциональный характер. Если же подходить к вопросу рационально, можно заметить, что в случае легализации мы столкнемся с еще большим количеством проблем, как то: необходимость четкого определения перечня «неизлечимых болезней», которые могут стать основанием для применения вышеуказанных процедур; определение круга лиц, которые будут осуществлять эвтаназию; определение порядка проведения самой процедуры и установление контроля за ним и т.д. Может статься, что количество лиц, которые видят в эвтаназии единственную возможность избавления от мучений, будет значительно ниже людей, которые попытаются использовать данную ситуацию в своих корыстных или иных низменных целях.

На наш взгляд, реальное решение проблемы заключается не в законодательном закреплении возможности осуществления эвтаназии или ассистированного самоубийства, а в улучшении системы здравоохранения, сокращении «экономических» и бюрократических отношений между пациентом и врачом. Только в этом случае, врачи смогут в полной мере реализовать свои обязанности по облегчению боли и страданий неизлечимо больных пациентов, без искусственного прерывания их жизни.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. N 31. ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. N 67.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. ст. 6
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. ст. 2954.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 23.11.2011. N 263.
6. Федеральный закон от 07.06.2017 N 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Российская газета. 09.06.2017. N 125.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. N 3.
8. *Волынец А.А.* Правовые аспекты эвтаназии // *Медицинское право: теория и практика.* 2018. Т. 4. № 2 (8). С. 156-157.
9. *Гюлишанова И.Я.* Уголовно-правовой статус потерпевшего при эвтаназии // *Законность.* 2011. № 3 (917). С. 55.
10. *Козаев Н.Ш.* К вопросу о социальной и уголовно-правовой оценке эвтаназии // *Законность и правопорядок в современном обществе.* 2012. № 10. С. 158.
11. *Момотов В.В.* Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (эвтаназия) // *Lex Russica (Русский закон).* 2019. № 10 (155). С. 10.
12. *Abohaimed S., Matar B., Al-Shimali H., Al-Thalji K., Al-Othman O., Zurba Y., Shah N.* Attitudes of Physicians Towards Different Types of Euthanasia in Kuwait. *Medical Principles and Practice.* 2019. № 28. pp. 199–207.
13. *Boudreau J D., Somerville M A.* Euthanasia is not medical treatment // *British Medical Bulletin.* 2013. Vol. 106. № 1. pp. 45–66.
14. *Emanuel E.J., Onwuteaka-Philipsen B D., Urwin J W., Cohen J., et al.* Attitudes and practices of euthanasia and physician-assisted suicide in the United States, Canada, and Europe // *JAMA.* 2016. № 316. pp. 79-90.
15. *Leget C.* Assisted dying – the current debate in the Netherlands // *European Journal of Palliative Care.* 2013. № 20. pp. 168–171.
16. *MacLeod R.D., Wilson D M., Malpas P.* Assisted or hastened death: the healthcare practitioner’s dilemma // *Global Journal of Health Science.* 2012. Vol. 4. № 6. pp. 87–98.
17. *Paris J.J.* Why involve physicians in assisted suicide? // *American Journal of Bioethics.* 2009. Vol. 9. № 3. pp. 32–34.
18. *Pearsall J., Trumble B.* (eds) *Oxford English Reference Dictionary Reference Dictionary.* Oxford: Oxford University Press. 1996.
19. *Radbruch L., Leget C., Bahr P., et al.* Board Members of the EAPC: Euthanasia and physician-assisted suicide: A white paper from the European Association for Palliative Care // *Palliative Medicine.* 2016. Vol. 30. № 2. pp. 104–116.
20. *Rathor M Y., Abdul Rani M F., Shahar M A., Ja-malludin A R., Che Abdullah S T., Omar A M., et al.* Attitudes toward euthanasia and related issues among physicians and patients in a multi-cultural society of Malaysia // *Journal of Family Medicine and Primary Care.* 2014. Vol. 3. № 3. pp. 230-237.
21. *Roehr B.* Assisted dying in US and Canada: controversy subsides after legalisation // *The British Medical Journal.* 2018. Vol. 360. № 8140.
22. Assisted suicide [Электронный ресурс]: Dictionary by Merriam-Webster, 2020. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/assisted%20suicide#h1> (дата обращения: 15.05.2020).
23. Euthanasia [Электронный ресурс]: Dictionary by Merriam-Webster, 2020. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/euthanasia#learn-more> (дата обращения: 15.05.2020).
24. Suicide Act 1961 // legislation.gov.uk, 2020. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/9-10/60/introduction/2010-02-01> (дата обращения: 20.05.2020).
25. The role of the physician in the voluntary termination of life (KNMG position paper) // Koninklijke Nederlandsche Maatschappij tot bevordering der Geneeskunst, 2020. URL: https://www.knmg.nl/zoekresultaten.htm?keyword=The%20role%20of%20the%20physician%20in%20the%20voluntary%20termination%20of%20life%20&start=0&show_pdf_files=true&facet_creation_date=all- (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (with considering amendments introduced by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 2, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // *Collected Legislation of the Russian Federation.* 04.08.2014. N 31. st. 4398.
2. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // *Rossijskaja gazeta.* 05.04.1995. N 67.
3. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly, 16 Dec. 1966 by Resolution 2200 (XXI)) // *Vedomosti Verhovnogo Soveta USSR.* 1976. № 17. st. 6
4. Criminal Code of the Russian Federation N 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on April 7, 2020) (with Amendments and Addenda of April 12, 2020) // *Collected Legislation of the Russian Federation.* 17.06.1996. N 25. st. 2954.
5. Federal Law of November 21, 2011 N 323-FZ «On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» // *Rossijskaja gazeta.* 23.11.2011. N 263.
6. Federal Law of June 7, 2017 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to commit suicidal behavior» // *Rossijskaja gazeta.* 09.06.2017. N 125.
7. On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999 N 1 (as amended on 03.03.2015) // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.* 1999. N 3.

8. *Volyneс A.A.* Legal aspects of euthanasia. *Medical law: theory and practice*. 2018. Vol. 4. No. 2 (8). pp. 156-157.
9. *Gjulishanova I.Ja.* The criminal legal status of the victim in euthanasia. *Legality*. 2011. No 3 (917). p. 55.
10. *Kozaev N.Sh.* To the question of social and criminal legal assessment of euthanasia. *Law and order in modern society*. 2012. No. 10. p. 158.
11. *Momotov V.V.* Bioethics in the context of legislation and enforcement (euthanasia). *Lex Russica*. 2019. No 10 (155). p. 10.
12. *Abohaimed S., Matar B., Al-Shimali H., Al-Thalji K., Al-Othman O., Zurba Y., Shah N.* Attitudes of Physicians Towards Different Types of Euthanasia in Kuwait. *Medical Principles and Practice*. 2019. № 28. P. 199–207.
13. *Boudreau J.D., Somerville M.A.* Euthanasia is not medical treatment. *British Medical Bulletin*. 2013. Vol. 106. № 1. pp. 45–66.
14. *Emanuel E.J., Onwuteaka-Philipsen B.D., Urwin J.W., Cohen J., et al.* Attitudes and practices of euthanasia and physician-assisted suicide in the United States, Canada, and Europe. *JAMA*. 2016. № 316. pp. 79-90.
15. *Leget C.* Assisted dying – the current debate in the Netherlands. *European Journal of Palliative Care*. 2013. № 20. pp. 168–171.
16. *Macleod R.D., Wilson D.M., Malpas P.* Assisted or hastened death: the healthcare practitioner’s dilemma. *Global Journal of Health Science*. 2012. Vol. 4. № 6. pp. 87–98.
17. *Paris J.J.* Why involve physicians in assisted suicide? *American Journal of Bioethics*. 2009. Vol. 9. № 3. pp. 32–34.
18. *Pearsall J., Trumble B.* (eds) *Oxford English Reference Dictionary*. Oxford: Oxford University Press. 1996.
19. *Radbruch L., Leget C., Bahr P., et al.* Board Members of the EAPC: Euthanasia and physician-assisted suicide: A white paper from the European Association for Palliative Care. *Palliative Medicine*. 2016. Vol. 30. № 2. pp. 104–116.
20. *Rathor M.Y., Abdul Rani M.F., Shahar M.A., Ja-malludin A.R., Che Abdullah S.T., Omar A.M., et al.* Attitudes toward euthanasia and related issues among physicians and patients in a multi-cultural society of Malaysia. *Journal of Family Medicine and Primary Care*. 2014. Vol. 3. № 3. pp. 230-237.
21. *Roehr B.* Assisted dying in US and Canada: controversy subsides after legalisation. *The British Medical Journal*. 2018. Vol. 360. № 8140.
22. Assisted suicide [Электронный ресурс]: Dictionary by Merriam-Webster, 2020. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/assisted%20suicide#h1> (appeal date: 15.05.2020).
23. Euthanasia [Электронный ресурс]: Dictionary by Merriam-Webster, 2020. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/euthanasia#learn-more> (appeal date: 15.05.2020).
24. Suicide Act 1961 // legislation.gov.uk, 2020. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/9-10/60/introduction/2010-02-01> (appeal date: 20.05.2020).
25. The role of the physician in the voluntary termination of life (KNMG position paper) // Koninklijke Nederlandsche Maatschappij tot bevordering der Geneeskunst, 2020. URL: https://www.knmg.nl/zoekresultaten.htm?keyword=The%20role%20of%20the%20physician%20in%20the%20voluntary%20termination%20of%20life%20&start=0&show_pdf_files=true&facet_creation_date=all- (appeal date: 20.05.2020).

УДК 343.971

Ветрова Ольга Алексеевна,

инспектор по надзору ОП Марьинский ОМВД России по району Марьино города Москвы,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Москва,
vetrova.olga.alekseevna@yandex.ru

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии государственного
управления, Академия управления МВД РФ, Москва,
Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Управления персоналом и кадровой политики,
Российский государственный социальный университет, Москва,
tstarshinova@mail.ru

Петрова Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры Теории и методологии государственного
управления, Академия управления МВД РФ, Москва,
5elfxf@mail.ru

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. В статье приводятся сведения о феномене этнической преступности лиц, не являющихся гражданами РФ, которая отличается организованностью, вооруженностью и устойчивыми связями с криминальными сообществами из стран их прибытия, обуславливает процессы интернационализации российской преступности; о незаконной миграции иностранных граждан, способствующей количественным и качественным изменениям общей криминогенной ситуации в стране; акцентируется внимание на том, что социально-экономическое положение населения части стран бывшего СССР и других сопредельных с Россией государств продолжает ухудшаться, что обуславливает различные конфликты и усиление потоков их граждан на территорию нашей страны в поисках работы, учебы, политического убежища; решаются задачи по обоснованию правовой сущности незаконной миграции; определяются аргументы необходимости своевременного выявления иностранных граждан, склонных к рецидивной преступности, с последующей постановкой их на учет в органы внутренних дел, учеты других информационных систем оперативно-розыскного, криминологического, профилактического и справочного назначения. В научной статье показаны содержание и основные причины рецидивной преступности иностранных граждан, их социальная опасность и пробелы в уголовной политике России; представляется теоретико-правовое обоснование категорий «опасный рецидив», «общественная опасность преступника»; наиболее важные для изучения личности рецидивиста-мигранта социально-демографические и нравственно-психологические признаки (показатели), по которым составляется портрет среднестатистического преступника из числа иностранных граждан; доказываемся, что подобная рецидивная преступность является системным фактором, способствующим терроризму, экстремизму, незаконному распространению оружия и наркотических веществ. Теоретическое обсуждение проблемы иллюстрируется результатами эмпирических исследований. В работе авторами предлагаются практические рекомендации по организационному обеспечению правоохранительных органов, их консолидации в борьбе с организованной международной преступностью, выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию правовых мер противодействия рецидивной преступности иностранных граждан.

Ключевые слова: рецидивная преступность, иностранные граждане, незаконная миграция, оперативно-розыскная деятельность, криминологические исследования, правоохранительные структуры

Olga A. Vetrova,

Oversight Inspector Maryinsky OMVD of Russia in the Maryino district of Moscow,
candidate for legal degree, Moscow,
vetrova.olga.alekseevna@yandex.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Theory and Methodology of State Management,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management
and Personnel Policy, Russian State Social University, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

Olga V. Petrova,

Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow,
5elfxf@mail.ru

RECIDIVISM OF FOREIGN CITIZENS ON THE TERRITORY OF RUSSIA: SOCIO-LEGAL CHARACTERISTIC

Abstract. *The article provides information on the phenomenon of non-Russian ethnic crime, which is characterized by organization, weapons and sustainable links with criminal communities from their countries of arrival, causes the internationalization of Russian crime; Illegal migration of foreign nationals, which contributes to quantitative and qualitative changes in the general criminal situation in the country; The emphasis is placed on the fact that the socio-economic situation of the population of part of the former countries of the USSR and other States neighbouring Russia continues to deteriorate, which causes various conflicts and increased flows of their citizens to the territory of our country in search of work, study and political asylum; The task of justifying the legal nature of illegal migration is being addressed; The arguments of the necessity of timely identification of foreign citizens prone to recidivism are determined, followed by registration of them with the internal affairs agencies, taking into account other information systems of operational-search, criminological, preventive and reference purpose. The paper shows the content and main causes of recidivism of foreign citizens, their social danger and gaps in the criminal policy of Russia; There is a theoretical and legal justification for the categories "dangerous recidivism," public danger of the offender"; The most important socio-demographic and moral-psychological characteristics (indicators) for studying the identity of a migrant recidivist, for which a portrait of the average foreign offender is drawn up; It is proven that such recidivism is a systemic factor contributing to terrorism, extremism, illicit proliferation of weapons and drugs. The theoretical discussion of the problem is illustrated by the results of empirical studies. The work proposes practical recommendations on the institutional support of law enforcement agencies, their consolidation in the fight against organized international crime, and makes concrete proposals for improving criminal legal measures to counter recidivism of foreign citizens.*

Keywords: Recidivism, foreign nationals, illegal migration, intelligence, criminological research, law enforcement structures

Россия остается относительно стабильным государством, претендующим на один из геополитических центров мира. А вот социально-экономическое положение населения части стран бывшего СССР и других сопредельных с Россией государств продолжает ухудшаться, что обуславливает различные конфликты и усиление потоков их граждан на территорию нашей страны в поисках работы, учебы, политического убежища. Это способствуют количественному росту нероссийской этнической преступности, которая отличается организованностью, вооруженностью и устойчивыми связями с преступными элементами из стран их прибытия. По мнению экспертов уровень административного контроля, осуществляемый правоохранительными структурами за пребыванием иностранных граждан, остается низким (см. рисунок 1).

Очевидно, что этот факт осложняет ситуацию с пребыванием иностранных граждан на территории России. Совершив преступление, они могут скрываться за границей, что мотивирует их преступную деятельность. Результаты исследования показали, что для нашей страны актуализировалась такая общемировая проблема как "криминальная интернациональная миграция". Она, безусловно, по закону системно изменяет тенденции развития всей криминальной ситуации в России. Правоохранительные структуры получают дополнительную функциональную нагрузку, переориентируют часть сил и средств на новые направления, ослабляя тем самым традиционные.

Опрос экспертов показал, что предпринимаемые правоохранительными структурами меры нивелируются пробелами во взаимодействии с органами

Рисунок 1. Мнение экспертов о действенности административного контроля за пребыванием иностранцев в России

правопорядка сопредельных государств. Так, например, лица, которым за различные административные и иные нарушения запрещен въезд на территорию России, в своих странах без труда выписывают себе документы с измененными фамилиями, именами, отчествами. Система же опознания лиц на пунктах пропуска работает ситуативно и не на полную мощность.

Анализ и обобщение наиболее значимых факторов, обуславливающих рост уровня преступности иностранных граждан в России, позволяет выделить следующие основные проблемные позиции:

- пробелы в нормативной правовой базе России и сопредельных с ней государств по регулированию перемещения граждан СНГ;
- политические, экономические, демографические и иные проблемы сопредельных стран, обуславливающие миграцию на территорию России активного населения, в массах которого перемещается и криминогенный состав;
- заинтересованность российского предпринимательства в дешевой рабочей силе;
- высокий уровень доходности российских криминальных структур, осуществляющих противоправную деятельность в сфере регулирования миграционных процессов;
- заниженный уровень контроля правоохранительных структур за пересечением границ России со странами СНГ;
- косвенное поощрение нелегальной миграции избытка трудоспособного населения в сопредельных странах с целью решения проблем собственной социально-политической, экономической и иной стабильности и другие.

Результаты исследования показывают, что рецидивные преступления с участием иностранцев сви-

детельствует о пробелах в российской уголовной политике, которые позволяют сохраняться устойчивой тенденции участия иностранных граждан-рецидивистов в структурах российской преступности. Безусловно, этот факт способствуют росту уровня таких преступлений как: торговля наркотиками, оружием, людьми, что способствует, например, терроризму.

Безусловно, в России создана нормативная правовая база по регулированию потенциальных угроз, связанных с перемещением и деятельностью рассматриваемой категории лиц. Например, существует положение п. «ж» ч. 1 ст. 16 Федерального закона РФ от 31.05.2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [1]. Этот документ позволяет выносить правовые решения об отказе в приеме в гражданство Российской Федерации, в восстановлении в гражданстве Российской Федерации лиц из других стран, имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленных преступлений на территории Российской Федерации или за ее пределами.

В России действует и Федеральный закон от 23.06.2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3]. Он регламентирует деятельность правоохранительных органов, в том числе и в сфере незаконной миграции. В соответствии с положениями статьи 6 указанного закона, одним из направлений профилактики правонарушений является противодействие незаконной миграции (ч.1, п.6).

Цель исследования – разработка и обоснование предложений по совершенствованию качества работы оперативных подразделений полиции в системе противодействия рецидивной преступности иностранных граждан на территории России.

Задачи – обосновать положение «незаконная миграция способствует совершению иностранными гражданами различных преступлений и правонарушений на территории Российской Федерации»; определить аргументы в необходимости своевременного выявления лиц, склонных к рецидивной преступности, с последующей организацией их учета и контроля правоохранительными структурами.

Гипотеза – уровень эффективности противодействию рецидивной преступности иностранных граждан на территории России будет повышен, если в Уголовный кодекс Российской Федерации будет возвращена категория «рецидивист», что позволит дифференцировать ответственность за подобные преступления как «повышенная общественная опасность совершённого преступления».

Технология и методы исследования. В исследовании сущности, содержания и практики рецидивной преступности иностранных граждан на территории России применялся комплекс теоретических (анализ, синтез, сравнение, аналогия, индукция, дедукция, идеализация, моделирование) и эмпирических методов (анализ документов, опрос экспертов, анкетирование, интернет-опрос и другие). Полученные результаты анализировались с использованием методов и средств статистической обработки данных.

Эмпирическая база исследования:

- нормативные правовые документы Российской Федерации, научная правовая литература;
- ОМВД Москвы (Кластеры: отделы МВД России по районам Люблино, Лианозово, Текстильщики, Дегунино, Капотня, Марьино, Печатники, Бибирево). Генеральная совокупность около 10 000 человек. Выборка – 398 чел. Ошибка выборки – 5%. Эксперты – 216 чел.

Теоретическое обсуждение проблемы и результаты исследования.

Как известно, рецидивом считается повторное проявление чего-нибудь (например, повторное преступление); рецидивист – человек, многократно совершающий преступления. Правовое содержание этого термина определено ст. 18 УК РФ. Это ... умышленное преступление, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление [4]. Рецидив может быть простой, опасный, особо опасный. Сложность рецидива определяется тяжестью (опасностью) умышленного преступления и повторяемостью. Например, рецидив считается особо опасным, когда человек совершил умышленное преступление, а ранее он три и более раз был осужден к наказанию в виде лишения свободы за умышленное тяжкое преступление либо умышленное преступление средней тяжести.

Есть понятие «пенитенциарный» и «постпенитенциарный» рецидивы. Первый – когда преступление осужденным совершается в местах лишения сво-

боды; второй – после отбытия им наказания и освобождения из мест лишения свободы.

Анализ правовой литературы позволяет утверждать, что уголовно-правовая трактовка рецидива значительно конкретнее криминологической. Это обусловлено неполным совпадением гуманитарного, криминологического и правового подходов к оценке преступлений. Так в контексте первого подхода в сфере внимания исследователей находятся практически все преступники, совершившие несколько уголовно-наказуемых преступлений, независимо от наличия судимостей.

При втором подходе исследователи-криминологи учитывают тот факт, что криминальный профессионализм (замысел рецидива) формируется часто задолго до первой судимости. Вероятно, утверждение о том, что криминальный профессионализм предшествует замыслу рецидива – методологическая ошибка или следствие недостаточных знаний психологии криминальной личности.

При третьем же подходе оценивается квалификация преступления, учитывается мера и вид наказания.

Безусловно, все три подхода основываются на общественной практике, где определяющим социальным качеством личности преступника является ее социальная опасность, которая основывается на реальной криминальной угрозе совершения им нового преступления. Т.е. признаками такой угрозы являются: характер и степень общественной опасности вероятного преступления; степень вероятности совершения лицом нового преступления.

Результаты анализа правовой литературы позволили установить, что есть концептуальное понятие категории «общественная опасность преступника» [5]. Ее суть не в том, что человек в будущем совершит преступление (это фатализм в генезисе преступности), а, прежде всего, в его преступном прошлом и настоящем [6, с.101].

Из сказанного выше следует, что рецидив – это повторяющееся преступление после осуждения за предыдущее [4]. Рецидивное преступление – обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность (п. 1 ст. 63 УК РФ) и поэтому наказывается более строго, но на основании и в пределах, предусмотренных санкциями соответствующих статей УК РФ.

Особенной частью УК РФ лицам, осужденным к лишению свободы за рецидивные преступления, назначается особый вид исправительного учреждения (ст. 58 УК), а в соответствии Федеральным законом от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» судом устанавливаются административный надзор и мероприятия индивидуальной профилактики за лицами, вернувшимися из мест лишения свободы [2].

Очевидно, что большое количество рецидивов преступлений – показатель системного неблагополучия общества, дисфункциональности как основных институтов общества, так и правоохранительной системы в целом [8, с.27].

Опрос респондентов показал, что проблема увеличившегося количества преступлений мигрантов обуславливает повышенный уровень неприязни и опасения за собственную безопасность (см. Рисунок 2), неприязнь к этой категории людей и вызывает критику действий силовых структур.

Уголовно-правовая практика позволяет судить о повышенной мере общественно-уголовной ответственности иностранных граждан-рецидивистов. Это обусловлено двумя социальными обстоятельствами: во-первых, у преступников, совершивших более двух преступлений, видна явно выраженная антиобщественная направленность их личности, что способствует формированию у них привычки преступного поведения [14, с. 56]; во-вторых, морально отягчает их преступные деяния нахождение в чужой стране и несоблюдение ее культурных принципов и традиций. Это объективно мотивирует правоохранительные структуры применять к виновному более строгое наказание, безусловно, в пределах, установленных законодательством.

В настоящее время в связи с увеличивающимися потоками миграции актуализируется проблема как гуманитарного так и криминологического изучения личности преступника-иностранца. Как известно, личность аккумулирует в себе внешние социально-психологические факторы и, если они неблагополучные, обуславливают рецидивную преступность, которая имеет кумулятивный характер. Например, на практике наблюдается такое явление : чем строже человек был наказан, чем больше раз он был осужден, чем невыносимее были условия его жизни в местах лишения

свободы, тем выше вероятность его рецидива преступления [12, с.13]. В этой связи для противодействия рецидивной преступности мигрантов необходимы системные и комплексные профилактические меры по изучению и изменению среды их пребывания, образа жизни, трудовой деятельности [10, с. 43].

В гуманитарных, правовых науках личность традиционно изучается по психологическим показателям: свойствам, состояниям, процессам, образованиям. Конкретизироваться они могут социально-демографическими и общественно-функциональными признаками [11, с. 80].

Как показали результаты анализа научной литературы наиболее важными для изучения личности рецидивиста-мигранта являются социально-демографические и психологические показатели. Они необходимы для определения социально-психологических особенностей преступников-рецидивистов.

Наиболее важным социально-демографическим показателем является возраст преступника. Возраст объективно обуславливает развитость социально-психологических показателей: психологических образований (знаний, умений, навыков, привычек, традиций, убеждений, мировоззрения); состояний (стенических, астенических). Не остаются неизменными и психолого-биологические показатели: свойства личности (способности, характер, темперамент ...); психологические процессы (познавательные, мыслительные, зрительные, слуховые ...). В комплексе они обуславливают здоровье (физическое состояние) человека, его потребности и ценности (следовательно мотивы), социальные установки, ценностные ориентации.

Анализ осужденных, проведенный Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 году, показывает следующее: общее количество осужденных – 598 214 человек, из них ино-

1. Неприязнь – 31,2 %
2. Опасность – 35,2 %
3. Скорее неприязнь – 5,8 %
4. Мне они безразличны – 21,4 %
5. Другое – 4,5 %
6. Нет ответа - 2,0%

	Частота	Проценты
1	124	31,2
2	140	35,2
3	23	5,8
4	85	21,4
5	18	4,5
6	8	2,0
Всего	398	100,0

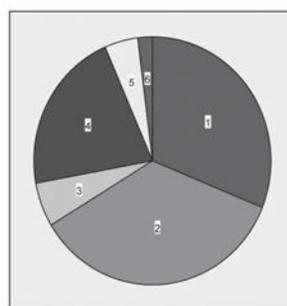

Рисунок 2. Отношение респондентов к проживанию и трудовой деятельности мигрантов на совместной территории

странных граждан и лиц без гражданства – 20 165 человек. «Таблица №11» указанного исследования о составе осужденных, о месте совершения преступлений, представляет сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, подданными и лицами без гражданства на территории России в возрасте 14-17 лет – 131; 18-24 – 4288; от 25 до 29 – 4260; 30-49 – 10053, и 50 и более лет – 1433 преступления. Наиболее криминально активными из них являются люди в возрасте от 30 до 49 лет. В структуре преступлений иностранных граждан их доля составляет 2%. На возрастную группу 18-29 лет приходится столько же – 2%. [13].

Одним из системных показателей криминологической характеристики преступника являются его знания (образование). На знаниях основывается вся социально-профессиональная структура человека, которая обуславливает весь процесс формирования личности [9, с. 240].

Правоохранительная практика свидетельствует, что интеллект очень сильно обуславливает развитие волевых качеств личности преступника. Высокий интеллект человека может иметь и антиобщественную направленность, а твердая воля быть и преступной. Поэтому интеллектуальный преступник совершает более опасные и трудные для раскрытия преступления. Между тем многими исследователями установлен такой факт: как правило, уровень классической образованности преступников ниже, чем у добропорядочных граждан этого возраста [6, с.104]. А у преступников, совершающих насильственные, корыстные преступления, он ниже, чем у других категорий правонарушителей.

Результаты анализа статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, показывают, что лица из иностранных государств, осужденные за преступления на территории Российской Федерации, в основной своей массе имеют следующие показатели по уровню образования: высшее образование – около 8%, среднее общее – 56%, среднее профессионально-техническое образование – 22%, отсутствует данные об образовании (возможно, нет классического образования) – 14%.

Безусловно, семейно-бытовое и другое социальное окружение – важный показатель для изучения личности иностранного гражданина, отбывшего наказание в виде лишения свободы. Как показывают наблюдения и практика, лица, освобожденные из мест лишения свободы, устанавливают устойчивые связи, во-первых, с семейно-родственным окружением; во-вторых, с товарищами по исправительной колонии; в-третьих, с ранее знакомыми гражданами, ведущими некриминальный образ жизни. Примечательно, что с ростом числа судимостей преступник все больше контактирует со второй категорией социального окружения.

Проведенное исследование показало, что большинство рецидивистов (опасных и особо опасных) после освобождения из мест лишения свободы не имеют постоянного источника доходов. И такие лица среди иностранных граждан – самая многочисленная общественная группа: на их долю приходится до 2,5% преступлений – 2 858 человек от общего количества рецидивистов (100% – 112 226 человек) [13].

Наблюдения и практика позволяют сделать вывод, что неоднократное и частое отбывание наказаний в местах лишения свободы, где происходит криминальная социализация личности, не в состоянии «исправить» большую часть преступников. Выходя на свободу, они, не успев обжиться в новых условиях (ресоциализоваться), вновь возвращаются в подразделения ФСИН РФ. В результате рецидивисты составляют основную часть тюремного населения, их связи «на воле» оказываются разорванными.

Количество судимостей и время изоляции от общества также является немаловажным признаком, который представляет интерес для изучения иностранного гражданина-рецидивиста. Исследование показало, что в местах лишения свободы влияние на личность осужденного других преступников является более сильным, чем влияние всего комплекса общественных институтов, т.к. общение с ними осуществляется постоянно в одной автономной социальной среде в течение многих лет [7, с. 18].

В основе криминологической классификации рецидивистов находятся глубина и стойкость антиобщественной психологической направленности личности. В зависимости от указанного критерия преступников-рецидивистов подразделяют на рецидивистов антисоциального, асоциального, «ситуативного» и неустойчивого типов [7, с. 21].

Для преступников-рецидивистов характерно постоянство способов и приемов («почерк») совершения преступлений. В этой связи, как правило, они привлекаются к ответственности по одной и той же статье Особенной части УК (тождественное преступление) или по другой статье УК, специально предусмотренной в его Особенной части в качестве квалифицирующего признака (однородное преступление).

В целом, как показали результаты исследования, у большей части преступников-рецидивистов из числа мигрантов (около 57%) имелись отягчающие вину обстоятельства: совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной преступной группы или преступного сообщества; особо активная роль в совершении преступления; неоднократность, рецидив преступлений. Обстоятельством же, смягчающим наказание, наиболее часто выступает наличие малолетних детей.

Уголовно-правовые параметры преступности граждан из зарубежных стран, как показали резуль-

таты исследований, в значительной своей части обусловлены корыстной мотивацией (см. рисунок 3).

Преступники-мигранты в российских научных трудах классифицируются по показателю «срок пребывания иностранных граждан на территории страны». По нему выделяются следующие группы иностранных граждан:

1) Визитеры (короткий срок – находятся в регионе не более трех месяцев).

2) Среднесрочные субъекты (остаются на территории Российской Федерации полгода и более, и, соответственно, нуждаются в благоустроенном жилье. Это строители, другие категории наемных рабочих).

3) Долгосрочные субъекты (иностранцы граждане, постоянно проживающие в России и зачастую сохраняющие свое гражданство).

Исходя из учета их особенностей классификация преступников-мигрантов может осуществляться по показателям:

1) Страна исхода, гражданство, пол, возраст, род занятий;

2) Занятость (легальный труд, нелегальный труд);

3) Легальность (нелегальность) пересечения границы;

4) Уровень адаптации;

5) Уголовно-правовая характеристика (направленность, вид и мотивация, длительность и интенсивность преступной деятельности, ролевое участие, степень подготовленности (организованности) и другие).

Результаты опроса экспертов показали, что устойчивые установки на совершение преступлений в России имеют около 20% прибывающих мигрантов (криминальный мотив), 45% – приезжают, чтобы заняться созидательной трудовой деятельностью (социально-экономический мотив). Однако первая категория лиц, находясь в земляческой среде, вовлекают

часть второй к совершению ситуативных преступлений, как правило, тяжких. Таким людям, как правило, не удается быстро адаптироваться к российским социально-экономическим условиям, и они образуют потенциально криминогенную среду, из которой лидеры организованных преступных группировок вербуют иных участников преступлений.

Согласно статистике в структуре преступности граждан ближнего зарубежья организованная преступность, по экспертной оценке, составляет около 80%. Их основные преступления это действия с наркотиками, контрабанда, кражи и угоны автомобилей, мошенничество в экономической сфере и другие. Из дальнего же зарубежья организованная преступность составляет порядка 30% [13]. Это объясняется преступлениями, имеющими транснациональный характер.

Заключение

Таким образом, гипотеза о том, что уровень эффективности противодействию рецидивной преступности иностранных граждан на территории России будет повышен, если в Уголовный кодекс Российской Федерации будет возвращена категория «рецидивист», что позволит дифференцировать ответственность за подобные преступления как «повышенная общественная опасность совершённого преступления», подтвердилась.

Исходя из вышеизложенной характеристики рецидивной преступности иностранных граждан, отбывших наказание в виде лишения свободы, можно раскрыть портрет среднестатистического преступника – иностранного гражданина. Это человек, не имеющий семьи и источника постоянного дохода, имеющий среднее общее образование, склонен к асоциальному образу жизни (алкоголь, наркотики, тунеядство), ранее совершавший преступления, отбывший наказание в исправительной колонии.

Рисунок 3. Мнения экспертов о мотивах мигрантов к совершению преступлений в России

Исследование показало, что из профилактических мероприятий наиболее актуальным является необходимость своевременного выявления лиц, склонных к совершению рецидивных преступлений, с последующей постановкой их на учет в органы внутренних дел, на учеты в другие информационные системы оперативно-розыскного, криминологического, профилактического и справочного назначения.

Безусловно, наиболее важную работу по выявлению и предупреждению преступлений в сфере миграции смогут осуществлять оперативные подразделения органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Федеральной службы исполнения наказаний. Таким образом, необходимо подготовить специальный межведомственный нормативный акт, регламентирующий организацию и тактику осуществления совместных оперативно-розыскных мероприятий.

Опрос экспертов, наблюдения и практика показывают, что в ближайшее время потоки миграции не будут остановлены ни закрытием границ, ни вирусными пандемиями, ни другими действиями и факторами. В этой связи необходима не только точная реализация положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года № 1772-р в части касающейся совершенствования мер превентивного характера в отношении освободившихся из мест лишения свободы иностранных граждан-рецидивистов, но и более дей-

ственные формы работы. Например мы считаем, что были бы своевременными такие социальные и психологические меры как разработка для лиц, осужденных за различные виды преступлений (преступления экстремистской и террористической направленности, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, корыстные преступления и др.), базовых (обязательных) программ психологической коррекции личности для формирования положительной социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество.

Хотя и они не являются достаточными для совершения повторных преступлений иностранными гражданами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Более действенным методом борьбы с рецидивом преступлений указанной категории граждан, может стать, к примеру, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации утраченного понятия «рецидивист», так как основанием для дифференциации ответственности осужденных к наказанию в виде лишения свободы является повышенная общественная опасность совершённого преступления, тогда как в настоящее время определение общественной опасности преступления как отягчающего ответственность обстоятельства находится в большинстве случаев в компетенции судей.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018 г.) // Российская газета, № 100, 05.06.2002.
2. Федеральный закон РФ от 06.04.2011 N 64-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета, №75, 08.04.2011.
3. Федеральный закон РФ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета, № 139 (7007), 28.06.2016.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – 736 с.
5. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // «Собрание законодательства РФ», 25.10.2010, № 43, ст. 5544.
6. Алтухова О.А. Институт мировых судей: проблемы общественного контроля / О.А. Алтухова, А.Н. Гостев // Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. Т.8. №4. Ч.1. С. 98 -105.
7. Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. М., 1975. С. 27.
8. Ветрова О.А. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими по действие административного надзора / О.А. Ветрова, А.Н. Гостев, Т.С. Демченко // Вестник Академии права и управления, № 1 (58), 2020. С. 25-32.
9. Гостев А.Н. Социальное управление трудоустройством населения: статья // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2016. № 2. С. 239-243
10. Демченко Т.С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко. М.:Изд-во СГУ, 2011. 193 с.
11. Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1995. С. 80
12. Петков В.П. Личность рецидивистов старших возрастов и особенности карательно-воспитательного воздействия на них в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / Петков Валерий Петрович. М., 1992. С. 13
13. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации (дата обращения от 12.04.2020) // <http://www.cdep.ru/index.php?id>.

14. *Филимонов В.Д.* Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 216 с.

References

1. Federal Law of the Russian Federation of 31.05.2002 № 62-ФЗ «On Citizenship of the Russian Federation» (ed. 27.12.2018)//Russian newspaper, № 100, 05.06.2002.
2. The federal law of the Russian Federation of 06.04.2011 N 64-FZ (an edition of 29.07.2017) «About administrative supervision of the persons released from places of detention»//the Russian newspaper, No. 75, 08.04.2011.
3. Federal law of the Russian Federation of 23.06.2016 No. 182-FZ «About bases of a system of prevention of offenses in the Russian Federation»//Russian newspaper, No. 139 (7007), 28.06.2016.
4. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (Article-by-Article)/under Ed. G.A. Esakov. – 7th Ed., Re. And additional – Moscow: Prospect, 2018. – 736 p.
5. Order of the Government of the Russian Federation dated 14.10.2010 № 1772-r (ed. dated 23.09.2015) «On the Concept of Development of the Penal Correction System of the Russian Federation until 2020»//»Collection of Legislation of the Russian Federation,» 25.10.2010, № 43, article 5544.
6. *Altukhova O.A.* Institute of Magistrates: Problems of Public Control/O.A. Altukhova, A.N. Gostev//Historical and Social-Educational Thought, 2016. T.8. No. 4. Ch.1. Page 98 – 105.
7. *Antonyan Yu.M.* Social environment and formation of criminal personality. M, 1975. Page 27.
8. *Vetrova O.A.* Illegal migration as a cause of commission of crimes by foreign citizens subject to administrative supervision/O.A. Vetrov, A.N. Gostev, T.S. Demchenko//Journal of the Academy of Law and Management, № 1 (58), 2020. Page 25-32.
9. *Gostev A.N.* Social Management of Employment of the Population: Article//Journal of Taganrog State Pedagogical Institute. 2016. № 2. Page 239-243
10. *Demchenko T.S.* Civil Society: Control over State Activities/A.N. Gostev, T.S. Demchenko. M.: SGU publishing house, 2011. 193 pages.
11. Criminology/Under ed. V. N. Kudryavtseva, V. E. Eminova. M, 1995. Page 80
12. *Petkov V.P.* Personality of recidivists of older ages and peculiarities of punitive-educational impact on them in correctional-labor institutions: dis... kanda. юрид. Sciences: 12.00.08/Petkov Valeriy Petrovich. M, 1992. Page 13
13. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation (date of appeal dated 12.04.2020)//<http://www.cdep.ru/index.php?id>.
14. *Filimonov V.D.* Criminological Foundations of Criminal Law. – Tomsk: University of TSU, 1981. 216 pages.

УДК 342.98

Глухов Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, полковник юстиции, заместитель начальника кафедры Уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, evgenijgluhov@yandex.ru

ПРАВО И НЕФОРМАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ В ВОЕННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Предметом исследования являются отношения между военнослужащими в военной среде, которые либо не урегулированы правовыми нормами, либо идут вразрез с их требованиями. На типовых и довольно распространенных примерах воинского быта автор иллюстрирует противоречие между нормами права и традиционными неформальными правилами поведения военнослужащих. Цель статьи – выявить те сферы жизнедеятельности военнослужащих, в которых наиболее часто действуют неформальные правила поведения, а также установить причины и условия их распространенности.

Методом комплексного анализа правовых норм различных нормативных правовых актов и их применения по отношению к организации взаимоотношений между военнослужащими автор пытается выявить также те стороны общественной жизни, которые ввиду повышенной степени зависимости подчиненного-военнослужащего от своего начальника, оказались менее социально-защищенными и реализуемыми. Путем анализа законодательства автор показывает внутренние дефекты правовых норм в указанной сфере отношений.

Статья будет интересна юристам, социологам, специалистам в области управления и военной науки, изучающим взаимоотношения в военной среде.

Результаты работы позволяют сделать вывод о широком распространении в военной среде неформальных взаимоотношений, их влиянии на эффективность руководства воинскими формированиями. По мнению автора, выявленные пробелы и дефекты правового регулирования позволят законодателю и руководителям военных ведомств повысить законность и правопорядок в подчиненных войсках и силах.

Ключевые слова: корпоративное поведение, военнослужащие, закон, выборочное применение права, причины правонарушений

Evgeny A. Glukhov,

Candidate of Law, Colonel of Justice, deputy head of the department Criminal Procedure and Forensics, St. Petersburg Military Institute of Forces National Guard, St. Petersburg, evgenijgluhov@yandex.ru

LAW AND INFORMAL REGULATORS OF BEHAVIOR IN THE MILITARY ENVIRONMENT

Abstract. The subject of the study is the relations between military personnel in the military environment, which are either not regulated by legal norms, or go against their requirements. Using typical and fairly common examples of military life, the author illustrates the contradiction between the norms of law and traditional informal rules of conduct for military personnel. The purpose of the article is to identify those areas of life of military personnel in which informal rules of behavior are most often applied, as well as to establish the reasons and conditions for their prevalence.

Using the method of complex analysis of legal norms of various normative legal acts and their application in relation to the organization of mutual relations between military personnel, the author also tries to identify those aspects of public life that, due to the increased dependence of a subordinate military officer on his boss, were less socially protected and implemented. By analyzing the legislation, the author shows the internal defects of legal norms in this sphere of relations.

The article will be of interest to lawyers, sociologists, specialists in the field of management and military science who study relationships in the military environment.

The results of this work allow us to conclude that informal relationships are widely spread in the military environment and their impact on the effectiveness of the leadership of military formations. According to the author, the identified gaps and defects in legal regulation will allow the legislator and the heads of military departments to improve the law and order in the subordinate troops and forces.

Keywords: corporate behavior, military personnel relationships, General military Regulations, selective application of law, causes of offenses

Общепризнано, что деятельность людей регулируют законы и принятые на их основе подзаконные нормативные правовые акты. В отличие от так называемой «гражданской жизни», военная сфера традиционно отличалась повышенной регламентированностью повседневной деятельности военнослужащих. Более детальная регламентация здесь выражается, к примеру, в том, что в системе военной службы жестко регламентированы такие отношения, которые отданы на «откуп» самим субъектам отношений вне военной службы и никак не урегулированы правовыми нормами. Это, например, порядок всевозможных докладов, правила ношения военной формы одежды, соблюдение правил воинской вежливости, оборудование служебных помещений, порядок обращения за медицинской помощью, выполнение мероприятий распорядка дня и т. п. Общевоинскими уставами Вооруженных Сил РФ (далее ВС РФ) [3] определено, на какой высоте от пола вывешиваются таблички в помещениях, за сколько шагов до начальника выполняется воинское приветствие и на какую высоту поднимается нога при строевом шаге [7, с. 111-117]. Наряду с детальной регламентацией, отношениям в военной среде присуща и высокая степень ответственности, наказуемости за мельчайшее отклонение от установленных предписаний поведения. Причем речь идет не только о дисциплинарной ответственности «за расстегнутую пуговичку», но и об уголовной ответственности за невыполнение приказа, самовольное оставление места службы, оскорбление военнослужащего военнослужащим и т.д.

Однако жизнь гораздо богаче и насыщеннее сферы правовой регламентации. Наряду с нормами права отношения между людьми могут регулироваться обычаями, нормами морали, религиозными либо корпоративными правилами поведения.

Учитывая изложенное, в настоящей статье автором будут выявлены некоторые противоречия между нормами права и иными регуляторами общественных отношений в системе военной службы, а также их влияние на правовую и социальную защиту личного состава, моральную атмосферу в воинском коллективе и влияние данного противоречия на эффективность выполнения главной задачи военной организации.

Рассмотрим такого рода неформальные правила поведения в военной среде на конкретных примерах.

1. Отношения начальник-подчиненный в курсантских подразделениях.

Принцип единоначалия – один из главных отличительных признаков военной организации государства. Подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы любого своего начальника и не вправе не только критиковать, но и даже обсуждать в негативном свете полученный приказ.

В армии начальники бывают не только в силу своего должностного положения и присущей должности власти, но и по имеющемуся воинскому званию. Это означает, что старший по воинскому званию, но проходящий военную службу совсем в другом воинском подразделении офицер, может быть начальником по воинскому званию для многих совершенно незнакомых ему военнослужащих.

В соответствии со ст. 36 Устава внутренней службы ВС РФ (далее УВС ВС РФ) по своему воинскому званию все сержанты и старшины являются начальниками для солдат и матросов одной с ними воинской части. Даже первичные воинские звания младшего сержанта для военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, наделяют последнего властными полномочиями приказывать и привлекать к ответственности. Следовательно, любой младший сержант из числа курсантов 1 курса обучения де-юре является начальником для любого курсанта 5 курса того же самого военного вуза в воинском звании «рядовой». Соответственно, такой младший сержант обладает полномочиями отдавать приказы такому курсанту 5 курса, требовать их исполнения, делать замечания по ношению формы одежды, привлекать последнего к дисциплинарной ответственности своей властью (объявлять ему выговор и строгий выговор).

Но на практике, естественно, такая ситуация невозможна, ибо курсант 5 курса – без пяти минут лейтенант, уже давно проходящий военную службу по контракту – не станет слушаться первокурсника из числа военнослужащих по призыву, выполнять его команды. Да и подготовлен в военном отношении он гораздо лучше (из них двоих скорее пятикурсник должен командовать первокурсником, нежели наоборот).

Таким образом, установленные Общевоинскими уставами ВС РФ правила единоначалия традиционно имеют исключения в курсантской среде, хотя законодательно это и не предусмотрено.

2. Дистанция и формализм при общении друг с другом.

Согласно ст. 67 УВС ВС РФ по вопросам военной службы военнослужащие должны обращаться друг к другу только на «Вы». Обращение должно начинаться с произнесения воинского звания визави либо с использованием слова «Товарищ». Вне строя офицеры могут обращаться друг к другу не только по воинскому званию, но и по имени и отчеству.

Как видно из вышеприведенной нормы права, общение на «Ты» не допускается даже при личном общении вне зависимости от категории военнослужащих, степени близости их отношений и количества лет совместного знакомства. Но неформальное общение, столь распространенное в обывательской жизни, не исчезает от того, что человек стал военнослужащим. Безусловно, что в реальной жизни приведенная нор-

ма Устава повсеместно не выполняется, поскольку трудно себе представить столь официальный стиль общения между людьми, евшими из одного котелка на полевым выходе или в период боевых действий, да и просто длительное время вместе делившими трудности военной службы, тем более, если они равны по служебному положению. Поэтому можно констатировать, что императивная норма права ст. 67 УВС ВС РФ об обращении только на «Вы» при взаимоотношениях равных по служебному положению лиц очень часто не выполняется, что стало привычным в военной среде, что делает саму указанную норму права декларативной. Отношения же между военнослужащими более часто регулируются правилами субординации и корпоративной культуры, нежели положениями правовых норм Устава внутренней службы.

3. Трудность инициативного взаимодействия подчиненного с командирами (начальниками) по неудобным для них вопросам.

Во-первых, по служебным вопросам военнослужащий может взаимодействовать только со своим непосредственным начальником. Лишь при необходимости и только с разрешения непосредственного начальника он получает возможность обратиться к старшему начальнику (ст. 21 УВС ВС РФ). Даже по личным, т. е. не служебным вопросам военнослужащий тоже должен обращаться к своему непосредственному начальнику, а к старшему начальнику он может обратиться в случае особой необходимости (какие случаи подлежат квалификации «как особо необходимые» – о том Общевоинские уставы ВС РФ умалчивают).

Таким образом, военнослужащий все служебные вопросы, просьбы, обращения должен доносить только одному человеку – своему непосредственному начальнику, а не кому-либо еще. Без разрешения непосредственного начальника обращаться ни к одному воинскому должностному лицу нельзя. А непосредственный начальник может быть просто не заинтересован в «выносе мусора из избы» либо иметь свою, быть может, и не основанную на законе точку зрения по вопросу, излагаемому подчиненным. Начальник сам может быть недалеким человеком, не знающим порядка разрешения поступившего обращения, желающим скрыть проблему. В конце концов, начальник может просто запретить подчиненному обращаться выше, даже если сам он (непосредственный начальник) и не прав.

Во-вторых, правила воинской вежливости, субординации и чинопочитания создали своеобразный ритуал обращения военнослужащего к начальнику. Интересно отметить, что, несмотря на широкое распространение термина субординация в военной среде, Общевоинские уставы ВС РФ не содержат его определения. В словарях субординация определяется как место человека в системе отношений. Придерживаться

субординации – значит следовать правилам общения, которые установлены между людьми, находящимися на разных ступенях иерархической лестницы [10, с. 212].

Как правило, обращение к начальнику начинается фразой подчиненного «Разрешите обратиться?». Общевоинские Уставы ВС РФ не содержат требования именно такой формы обращения к начальнику (за исключением случая обращения к начальнику в присутствии более старшего начальника), однако такая форма обращения распространена повсеместно и поддерживается командованием. При такой постановке вопроса начальник запросто может не разрешить к нему обратиться, на чем их разговор и будет закончен. Имеется в арсенале начальника в качестве ответа на вышеуказанный вопрос и замечания по прическе, по ношению формы одежды, по размещению знаков различия на форме и т. п. Логичным следствием продолжения такого «диалога» будет устранение выявленных «недостатков», а не разрешение возникшего вопроса подчиненного.

А поскольку в обязанности любого военнослужащего входит соблюдение правила воинской вежливости, поведения, выполнения воинского приветствия, ношения военной формы одежды и знаков различия (ст. 19 УВС ВС РФ), а командир вправе и обязан контролировать выполнение данной обязанности, то указанный выше стиль беседы, в принципе, соответствует требованиям законодательства. В данном примере установленные нормативно правила воинской вежливости косвенно играют роль маскировки изначального нежелания старшего начальника вникать в суть задаваемого вопроса и отвечать на него.

Сразу следует отметить, что, конечно же, не все командиры отличаются таким самодурством и злоупотреблением властью, однако начальников не выбирают. У подчиненного же военнослужащего отсутствуют законные способы защититься от показанного выше произвола командира и ухода последнего от принятия решения по обращению.

Здесь же следует отметить весьма размытую грань между возражением начальнику, высказыванием аргументированного мнения и дисциплинарно наказуемым пререканием со стороны подчиненного. Автор считает, что такое положение дел происходит ввиду того, что не существует и четкой грани между повелительной фразой начальника (пожеланием, мнением), в ответ на которую еще допускается возражение, и приказом, который не подлежит обсуждению. В военной корпоративной культуре существует и установка, что командир в споре с подчиненным изначально прав. Поэтому довольно распространенной является ситуация, когда заметивший спор начальника и подчиненного более старший начальник, не разбываясь, тут же делает замечание подчиненному за пререкание с командиром.

Следовательно, при нежелании командира общаться с подчиненным, последнему затруднительно получить устный ответ на имеющийся, порой, срочный или важный вопрос.

Обращение же к старшему начальнику по тому же вопросу, минуя начальника непосредственного, будет расцениваться как нарушение субординации, и уже само по себе может повлечь наказание просителя. Опять-таки на вполне законном основании.

Интересным в данном ракурсе представляется судебный спор, рассмотренный Верховным Судом РФ еще в 2005 году. Гражданин С. пытался оспорить положения действующей в то время Инструкции о порядке обеспечения жилыми помещениями в Вооруженных Силах РФ [4], в частности ее абз. 1 п. 27, устанавливающей, что для принятия на учет нуждающихся в получении жилых помещений военнослужащими подается *в порядке подчиненности* рапорт. С. аргументировал, что поскольку никто кроме командира воинской части и жилищной комиссии не вправе рассматривать вопрос о нуждаемости/не нуждаемости военнослужащего в жилых помещениях, то требование Инструкции направлять рапорт именно в порядке подчиненности (т.е. по цепочке всех начальников до командира военной организации) не является законным... Однако Верховный Суд РФ в удовлетворении требований С. отказал [5].

4. Прибытие и убытие со службы командиров подразделений в повседневных условиях (вне боевой службы, учений и иных подобных мероприятий).

Общепринято, что рабочее (служебное) время имеет определенные границы. В настоящее время общая продолжительность еженедельного служебного времени военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, за исключением некоторых случаев, не должна превышать 40 часов в неделю (ст. 219 УВС ВС РФ и ст. 91 Трудового кодекса РФ [1]). Начало и конец служебного времени, т.е. прибытие и убытие со службы определяются регламентом служебного времени военнослужащих.

Как правило, руководители военных организаций устанавливают в регламенте служебного времени начало рабочего дня (время прибытия на службу) в 8 часов (возможны вариации: в 8 ч. 30 мин или в 9 часов). Поэтому может показаться, что прибытие командира подразделения на службу ровно в установленный регламентом служебного времени час и будет правильным. Однако на практике такой подход практически не применяется, и, скорее всего, повлечет наказание такого командира подразделения в последующем. Объясняется такая позиция следующими доводами:

В соответствии со ст. 76 УВС ВС РФ любой командир (начальник) обязан знать действительное состояние возглавляемого подразделения, постоянно иметь точные сведения о ее штатном, списочном

и наличном составе, а также о наличии и состоянии вооружения, военной техники и другого военного имущества. Обратите внимание на фразу «постоянно иметь точные сведения...». Это означает, что вне зависимости от того, что рабочий день только начался, что на службу командир только пришел, но все сведения о своем подразделении он уже должен знать: кто и чем будет заниматься сегодня, есть ли заболевшие, что произошло ночью и т.п. Незнание этих сведений либо неправильный доклад старшему начальнику сразу же по прибытии на службу свидетельствует о недобросовестном отношении указанного командира подразделения к исполнению своих обязанностей и нарушение им положений статьи 76 УВС ВС РФ.

5. Непредусмотренные Дисциплинарным Уставом ВС РФ формы наказания [8, с. 9-13].

Все виды дисциплинарных взысканий, которые могут быть применены к военнослужащему, приведены в ст. 54 Дисциплинарного Устава ВС РФ. Среди них нет наряда на работы или наряда на службу вне очереди, дополнительных занятий по строевой подготовке, возложения нештатной обязанности эколога, метролога, ответственного за противопожарное состояние, члена конкурсной комиссии и т.п. Естественно, что все подобные санкции хоть и не являются дисциплинарными взысканиями, но весьма неприятны для адресата, влекут для военнослужащего дополнительную нагрузку и затрату сил. Затруднителен и процесс их обжалования старшему начальнику по причине отсутствия самого факта привлечения подчиненного к юридической ответственности.

На практике же такое положение довольно распространено. А объясняться со стороны старшего начальника такого рода действия будут заботой о сохранности и сбережением военного имущества, повышением выучки подчиненных, желанием повысить уровень боевой готовности или состояния внутренней службы.

6. Иные неписанные правила поведения корпорации офицеров.

Сюда можно отнести, например, довольно широко распространенное предоставление служебного автомобиля командиром части или его заместителями членам своих семей для поездок в личных целях (в магазин, отвезти и привезти супруга, ребенка). Причем указанные должностные лица, скорее всего, знают, что любому военнослужащему запрещено использовать в целях, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, имущество воинской части [2] (в т.ч. и служебные автомобили), но не относят данный запрет к своей деятельности.

Корпоративные правила поведения в военной среде допускают и иные многочисленные поблажки командирам воинских частей и подразделений. Например, почти никогда командир воинской части не

принимает пищу в том же обеденном зале, что и его подчиненные (обычно для его приемов пищи создается отдельное помещение, вдали от посторонних глаз). И уж тем более не будет командир воинской части или генерал стоять в очереди в столовой для получения пищи за своими подчиненными, сам лично на виду у подчиненных убирать за собой со стола, хотя это вовсе не запрещено нормами права. По мнению начальника, тем самым он унижает свое достоинство, также это показывает субординацию.

Вообще, командиры воинских частей и подразделений позволяют себе нарушать даже законодательные предписания, когда рядом нет более старших начальников, т.к. в этом случае и нет наказания. Так, они могут смело пользоваться смартфонами при исполнении служебных обязанностей, что запрещено п. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Совсем не часто командир воинской части и его заместители каждые полгода лично сдают зачеты по командирской подготовке, особенно если при этом нет старших проверяющих (обычно им выставляется положительная оценка без фактической сдачи предметов). Отношения зависимости, принцип «ты – мне, я – тебе» нивелируют предписания правовых норм о честности и беспристрастности выставления оценок по предметам обучения.

При поступлении приказа о присвоении очередного воинского звания многие офицеры некоторое время носят «старые погоны» с предыдущим воинским званием, не торопясь исполнять приказ до т. н. процедуры «обмывания звездочек» (представления командиру на застолье, посвященному присвоению очередного воинского звания). Старшие начальники обычно не замечают указанного нарушения в ношении формы одежды подчиненным, которому уже присвоено очередное воинское звание, но он еще продолжает носить погоны с предыдущим.

Полагаю, что такого рода примеры можно перечислять и далее. Сюда можно отнести и запрет ложиться на кровать в казарме с подъема до отбоя, запрет красить волосы, ходить в форме и с хозяйственным пакетом, с цветным зонтом, молчать при приеме пищи и т.п. В боевых действиях зачастую существуют свои неписанные правила войны: не стрелять по водоносам, не расстреливать сбитых летчиков, прыгающих с парашютом и т.п.

Проанализируем их причины.

Основополагающий принцип исторического материализма четко сформулирован Марксом: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [11, с. 7]. Поэтому, несмотря на общепризнанную повышенную детализацию нормами права общественных отношений в военной среде, существует и та часть быденной реальности военно-служебных отношений,

которая складывается из неформальных правил поведения и представлений о должном, зачастую разнящихся с действительным содержанием правовых норм. В данном вопросе в юридической литературе уже высказывалась позиция о том, что для российской ментальности характерен приоритет действительного содержания отношения, т.е. того «как было на самом деле», над формой и над юридической фиксацией отношения [12, с. 86-102].

Правила корпоративной культуры наряду с нормами права являются эффективным инструментом управления персоналом. Бывает, что корпоративные представления о должном часто формируются в противовес действующему законодательству, формируя тем самым нелегитимные правила поведения, которые становятся обязательными для всех участников отношений, в них участвующих. Сложившаяся же неформальная регламентация поведения существенно ослабляет влияние официальных правовых норм.

Профессор Д.Н. Бахрах по этому поводу пишет: «Административные обыкновения в наше время в России, во-первых, существуют как правила деятельности в отдельных государственных организациях. Во-вторых, они ни письменным, ни устным актом власти не закреплены, являются сложившимися в конкретных организациях обычаями (неформальными нормами) деятельности. В-третьих, они субъективны, в том смысле, что используются, если их признает руководитель организации» [6, с. 38].

Вот признание, допущение неписанных правил поведения воинскими начальниками является одним из главных условий их живучести в военной среде. Система устоявшегося массового нарушения норм права бывает выгодна военному начальнику по двум причинам: 1) За нарушение формальных правил почти всегда можно наказать неугодного подчиненного; 2) Неформальные правила поведения выгодны, главным образом, самому командиру в плане снижения интенсивности его работы.

В заключение настоящей статьи полагаю необходимым признать, что неписанные правила поведения довольно широко распространены в военной среде, и в некоторых случаях они выполняются не менее строго, чем законы настоящие [9, с. 8-17]. Некоторые из них произошли от воинских традиций и ритуалов, некоторые выросли в результате односторонней и выгодной интерпретации положений Общевоинских уставов ВС РФ командирами (начальниками), третьи – от несовершенства действующего законодательства. Но в любом случае, они существуют, а потому их необходимо учитывать при анализе криминологической обстановки в войсках и выборе способа корректирующего воздействия, при разработке новых нормативных правовых актов и анализе характера существующих военно-служебных отношений.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.
2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 01.03.2020) «О статусе военнослужащих» // Рос. газ. 1998. 2 июня.
3. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении Общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 19.11.2007, № 47 (1 ч.), ст. 5749.
4. Приказ Министра обороны РФ от 15.02.2000 № 80 «О порядке обеспечения жилыми помещениями в Вооруженных Силах Российской Федерации» // БНА ФОИВ. 2000. 26 июня. Документ утратил силу 08.11.2010 г.
5. Решение Верховного Суда РФ от 19.01.2005 № ВКПИ04-129 // Бюллетень Верховного Суда. 2006. № 1.
6. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: Учебник. М.: Норма-Инфра, 2000. С. 38.
7. *Глухов Е.А.* Военный бюрократизм: будет ли кто-то с ним бороться? // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2017. № 1.
8. *Глухов Е.А.* По закону или по понятиям?.. или о типовых случаях поведения военных начальников вразрез с требованиями законодательства // Военно-юридический журнал. 2018. № 6.
9. *Глухов Е.А.* Групповые (корпоративные) интересы в качестве мотивации противоправного поведения в системе военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 8.
10. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 4 т. СПб., 1907-1909.
11. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. ПСС. 2-е изд. М.: Полит. лит., 1959. Т. 13.
12. *Юдин А.В.* Некоторые особенности юридического быта современной России и их влияние на гражданское судопроизводство // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1.

References

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 24, 2020) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1), Article 3.
2. Federal Law of 05.27.1998 No. 76-FZ (as amended on 01.03.2020) "On the status of military personnel" // Ros. gas. 1998.2 June.
3. Decree of the President of the Russian Federation of November 10, 2007 No. 1495 "On the Approval of the General Military Statutes of the Armed Forces of the Russian Federation" // Meeting of the Legislation of the Russian Federation. November 19, 2007, No. 47 (1 h), Art. 5749.
4. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of February 15, 2000 No. 80 "On the Procedure for Provision of Housing in the Armed Forces of the Russian Federation" // BNA FOIV. 2000. June 26. The document expired on November 8, 2010.
5. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.01.2005 No. VKPI04-129 // Bulletin of the Supreme Court. 2006. No. 1.
6. *Bahrakh D.N.* Administrative law of Russia: Textbook. M. : Norma-Infra, 2000.S. 38.
7. *Glukhov E.A.* Military bureaucracy: will someone fight it? // Pra-v in the Armed Forces - Military legal review. 2017. No. 1.
8. *Glukhov E.A.* According to the law or concepts? .. or about typical cases of behavior of military commanders contrary to the requirements of the legislation // Military Law Journal. 2018. No. 6.
9. *Glukhov E.A.* Group (corporate) interests as a motivation for illegal behavior in the military service system // Law in the Armed Forces. 2012. No. 8.
10. Small Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: In 4 vols. St. Petersburg, 1907-1909.
11. *Marx K.* Toward a Critique of Political Economy. Foreword // K. Marx and F. Engels. PSS. 2nd ed. M. : Polit. lit., 1959.V. 13.
12. *Yudin A.V.* Some features of the legal life of modern Russia and their impact on civil proceedings // Bulletin of Civil Procedure. 2011. No. 1.

УДК 343.3

Кузнецов Александр Анатольевич,

соискатель Университета прокуратуры Российской Федерации, следователь по особо важным делам
 Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации,
 полковник юстиции, Москва,
 onikudaki@inbox.ru

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ (СТ. 278 УК)

Аннотация. *Существующие угрозы национальной безопасности, и прежде всего связанные с насильственным свержением легитимных публичных институтов власти, захватом и отторжением территорий государства, диктуют необходимость совершенствования существующих механизмов противодействия данным явлениям. Выявление общественных отношений, которым при насильственном захвате власти причиняется ущерб, является основой для понимания социальной сущности, характера и степени общественной опасности данных посягательств, а также отправной точкой выработки новых подходов как к уголовно-правовой оценке этого явления, так и формированию соответствующих уголовно-правовых запретов.*

В статье проводится анализ научных взглядов на определение объекта преступления – насильственного захвата власти, а также обосновывается авторская позиция по определению содержания объектов насильственного захвата власти и даны их определения. В качестве основных элементов объектов преступлений выделены государственная власть и государственная (национальная) безопасность.

Ключевые слова: насильственный захват власти, государственная безопасность, государственная власть, легитимность власти, объект преступления

Alexander A. Kuznetsov,

candidate of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, investigator for particularly important cases of the Main investigative Committee Department of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of justice, Moscow, onikudaki@inbox.ru

OBJECT OF CRIME AT FORCENT PURCHASE OF AUTHORITY (ART. 278 OF THE CRIMINAL CODE)

Abstract. *Existing threats to national security, and above all those related to the violent overthrow of legitimate public institutions of power, the seizure and rejection of state territories, dictate the need to improve existing mechanisms to counter these phenomena. The identification of social relations that are damaged by the forcible seizure of power is the basis for understanding the social essence, nature and degree of social danger of these attacks, as well as the starting point for developing new approaches to both the criminal-legal assessment of this phenomenon and the formation of appropriate criminal-legal prohibitions.*

The article analyzes the scientific views on the definition of the object of crime-the violent seizure of power, and also substantiates the author's position on the definition of the content of objects of violent seizure of power and gives their definitions. State power and state (national) security are identified as the main elements of the objects of crimes.

Keywords: violent seizure of power, state security, state power, legitimacy of power, object of crime

Норма об ответственности за насильственный захват власти, закрепленная в ст. 278 УК, образует основу фундамента уголовно-правового противодействия попыткам государственного переворота и содержит родовой или общий состав по отношению ко всем другим проявлениям «узурпации» власти [17, 158; 536].

Данное обстоятельство нельзя не учитывать при характеристике объекта преступления. По мнению автора наиболее убедительным и в то же время жизнеспособным подходом к его определению выступает взгляд на этот феномен объективной правовой действительности как на «охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступление причиняет ущерб или создает угрозу причинения вреда» [6, 132-134; 127; 248].

При определении родового объекта насильственного захвата власти специалисты высказывают различные мнения по поводу его содержания, которые условно можно объединить в четыре укрупненные группы. Представители самой распространенной точки зрения говорят о нем как о «государственной власти» в широком смысле, подразумевая под названной категорией группу общественных отношений, одновременно направленных на охрану основ конституционного строя и обеспечивающих безопасность государства и нормальное функционирование государственных органов, а также интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления [5, 115; 314]. Чуть более компактно определяет названный феномен А.И. Коробеев, включая в понятие родового объекта только два, но более глобальных по своему содержанию компонента: основы конституционного строя и национальную безопасность России [7, 10]. Еще более лаконично высказывается на этот счет А.Г. Хлебушкин, который сводит суть родового объекта рассматриваемого преступления к «общественным отношениям, складывающимся по поводу реализации интересов государственной власти» [16, 38]. Замыкает данную цепь группа авторов, которые предлагают рассматривать деяния, содержащиеся в разделе Уголовного кодекса РФ «Преступления против государственной власти» как «преступления, направленные против государства в целом, его важнейших институтов и условий нормального функционирования» [14, 478; 31].

На наш взгляд, при установлении родового объекта рассматриваемой группы преступных посягательств некоторые из предложенных выше подходов все-таки заслуживают критики.

Так, вряд ли имеет смысл заострять внимание на интересах государственной службы и службы в органах местного самоуправления, включая их в содержание родового объекта наряду с самими отношениями по обеспечению нормального функционирова-

ния государственных органов, поскольку последнее имманентно подразумевает первое. Нет необходимости упоминать в анализируемом определении и об органах государственной власти, так как указание на них в данном случае не несет в себе самостоятельной смысловой нагрузки.

Не совсем корректным, на наш взгляд, выглядит и определение объекта через общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации интересов государственной власти. Интересы государственной власти – слишком размытое с правовой точки зрения понятие, которое не имеет четких границ, и, при желании, в него можно вложить все что угодно.

Если исходить из традиционного толкования понятия родового объекта как группы однородных, близких по содержанию общественных отношений и благ (интересов), охраняемых нормами, расположенными в соответствующем разделе Особенной части Уголовного кодекса РФ [12, 114], и названия самого этого раздела «Преступления против государственной власти», то в качестве основы представления о родовом объекте рассматриваемой группы преступлений больше всего подходит последняя из приведенных выше точка зрения, которая сводится к пониманию его как «государства в целом, его важнейших институтов и условий нормального функционирования». Такой подход применительно к данному случаю представляется наиболее универсальным и точным в плане концентрированного отображения основной сути анализируемого явления, только его необходимо откорректировать.

Представляется, что при формировании определения родового объекта рассматриваемых преступлений прежде всего целесообразно отталкиваться от положений Конституции РФ ввиду того, что в ней при описании государственного устройства и основ конституционного строя больше говорится не о «государстве» как таковом, а о государственной власти, в том числе и в плане определения правового статуса субъектов властеотношений. Поэтому автор уверен, что именно этот термин – «государственная власть» и следует брать за основу при установлении родового объекта преступлений, посягающих на государство и его жизненно важные интересы. Отсюда наиболее рационально считать *родовым объектом рассматриваемых преступлений совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу организации и осуществления государственной власти, а также обеспечения стабильности, легитимности, суверенности и безопасности ее реализации (функционирования государственно-властных институтов)*.

По поводу определения видового объекта насильственных форм захвата власти в теории уголовного права также не наблюдается выраженного единства мнений. Название главы 29 УК «Преступления

против основ конституционного строя и безопасности государства», от которого принято отталкиваться при определении видового объекта преступлений, на наш взгляд, сформулировано достаточно удачно, и вполне точно передает общие (родственные) черты социальной сущности и правовой природы содержащихся в ней посягательств.

Большинство ученых склоняются к пониманию видового объекта насильственных форм захвата власти как общественных отношений по охране основ конституционного строя и обеспечению безопасности государства только в несколько разных интерпретациях. В обозначенном ключе, например, высказывается Е.В. Благов, рассматривающий в этом качестве неизбежность установленного Конституцией РФ государственного строя и защищенность государства от внутренних и внешних угроз [11, 312], а также С.А. Балеев, который предлагает понимать под видовым объектом всех составов преступлений, объединенных в гл. 29 УК, «общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности основ конституционного строя и безопасности государства» и другие видные представители отечественной уголовно-правовой науки [13, 824].

Однако ряд авторов, характеризуя видовой объект преступлений рассматриваемой главы, считают достаточным указать лишь на один из указанных в ее названии элементов и склоняются к толкованию его как разновидности безопасности, а именно – государственной безопасности, в том или ином значении. Так, по мнению С.В. Дьякова, видовым объектом данных преступлений выступает «безопасность государства как состояние стабильности, прочности и защищенности личности, общества и конституционного строя от тех источников опасности, которые реально имеются в современных условиях» [3, 25]. Придерживаясь аналогичной позиции, А.В. Савинский понимает под видовым объектом рассматриваемой группы преступлений также государственную безопасность только в значении «совокупности внешней (суверенитет, территориальная целостность, обороноспособность) и внутренней (основы конституционного строя) безопасности государства» [10, 22]. Несколько под другим углом этот же феномен рассматривает А.С. Ржевский, употребляя выражение «основы безопасности государства», в содержание которого автор включает «защищенность конституционного строя, суверенитета, территориальной неприкосновенности, обороноспособности и других жизненно важных интересов» [8, 85]. Наконец, наиболее радикально в заданном контексте высказывается В.А. Бурковская, которая расценивает государственную безопасность как элемент общественной безопасности, и в связи с этим считает необходимым включить главу 29 в Раздел IX УК РФ с трансформацией его в Раздел «Пре-

ступления против безопасности общества и государства» [2, 222, 225].

Уделение внимания категории «безопасность» в рассматриваемом определении обосновано, поскольку именно в таком контексте об охране основ конституционного строя часто высказывается законодатель. Данная позиция нашла официальное закрепление в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, п. 42 которой провозглашает защиту конституционного строя Российской Федерации в качестве стратегической цели государственной и общественной безопасности [15, 212], а в целом из смысла данного документа вытекает, что защита основ конституционного строя входит в содержание национальной безопасности, при этом выступая в качестве элемента безопасности государства.

Соглашаясь с данной концепцией безопасности, считаем *видовым объектом рассматриваемых преступлений совокупность общественных отношений по обеспечению закрепленных Конституцией России основ государственного устройства (конституционного строя) в части порядка формирования и осуществления государственной власти, а также национальной (государственной) безопасности.*

В вопросе установления непосредственного объекта насильственного захвата власти, предусмотренного ст. 278 УК РФ, среди всего многообразия взглядов можно выделить несколько доминирующих точек зрения. Первая группа авторов склоняется к пониманию непосредственного объекта рассматриваемого преступления как основ конституционного строя [9, 817; 392; 384]. Вторая часть специалистов, предлагает расширенный вариант его толкования, как общественных отношений, складывающихся по поводу и в связи с охраной основ политической системы России, конституционных основ государственной власти и государственного строя [4, 278]. Третья группа специалистов трактует его как «общественные отношения, регулирующие установленные Конституцией РФ основы конституционного строя в части формирования и функционирования государственной власти» [13, 943] или «политические основы конституционного строя в той части, в которой определяется порядок формирования и функционирования органов власти, легитимного получения соответствующих полномочий и их прекращения» [16, 139].

Сторонники четвертой концепции считают, что охрана основ конституционного строя, в том числе и основ политического устройства, охватывается содержанием отношений, обеспечивающих внутреннюю и внешнюю безопасность государства (национальную безопасность). В контексте данной теории, ученые называют в качестве непосредственного объекта насильственного захвата власти отношения, обеспечивающие внутреннюю безопасность [7, 10].

Государственный переворот заключается в незаконном приходе к власти тех или иных политических субъектов. И в этом плане вне зависимости от способа реализации данной цели всегда будет нарушен установленный Конституцией порядок формирования и осуществления государственной власти. При этом вне зависимости от того совершается ли захват власти посредством вооруженного мятежа или применения «бескровных» политических технологий, так называемых цветных революций, нарушение законного порядка организации и реализации властеотношений означает нарушение состояния защищенности государственной власти и самого государства (его суверенитета и территориальной целостности) со всеми вытекающими из этого последствиями, то есть – нарушение государственной (национальной) безопасности.

В то же время основы конституционного строя и государственную безопасность нельзя отождествлять между собой. На наш взгляд, в виду того, что насильственный захват власти это ни какое-то единичное действие, а сложное социально-правовое явление, представляющее комплексно организованный процесс, состоящий из системы действий, охватываемых целым рядом статей Особенной части УК, его следует считать двухобъектным преступлением.

Насильственный захват власти по своей природе посягает не на «способ» организации государства, и не на «порядок» взаимодействия между органами государственной власти или реализации власти, закрепленные в Конституции, а на властеотношения в этой сфере, и, прежде всего, их «легитимность».

Легитимность власти, это термин, который, хотя и не имеет законодательной дефиниции, в то же

время выступает фундаментальной характеристикой любого политического устройства общества и государства (режима) и наиболее универсальным мериллом представления о социальной значимости власти, ее суверенном характере, территориальной целостности государства, законности существующего порядка правления, а также осознания правящими верхами своего права на власть [1, 5], то есть, как раз выступает отображением содержательной стороны того объекта, которому рассматриваемое преступление в большей степени наносит ущерб, в совокупности с состоянием защищенности жизненно важных интересов государства, на причинение которым направлены насильственные формы захвата власти, и на которые они оказывают непосредственное воздействие.

Таким образом, основным непосредственным объектом насильственного захвата власти, по нашему мнению, наиболее правильно считать общественные отношения, обеспечивающие легитимность передачи и осуществления высшей государственной власти в стране, а также отношения, обеспечивающие государственную (национальную) безопасность.

Учитывая многогранность рассматриваемого феномена и тот факт, что насильственный захват власти всегда представляет собой систему преступных действий, в зависимости от направленности последних и фактически причиненного ущерба дополнительным непосредственным объектом рассматриваемого преступного посягательства могут выступать жизнь и здоровье человека, личная свобода, отношения собственности, общественный порядок, отношения, обеспечивающие реализацию различных публичных интересов и т.д.

Список литературы

1. Баранов П.П. Публичная власть и ее конституционная легитимность в современной России: доктрина и практика // Администратор суда. 2017. № 4. С. 5.
2. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 222, 225.
3. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. С. 25.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X – XII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4. 278 с.; Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Под общей редакцией О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. Москва, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. 1 376 с.
5. Палий В.В. Объект преступлений, предусмотренных ст. 277, 278 и 279 УК РФ: проблемы систематизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 115; Магомедов А.А., Миньковский Г.М., Ревин В.П. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2009. С. 314.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 132 – 134; Глистин В.Г. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: ЛГУ, 1979. 127 с.; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. 248 с. и др.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 5. С. 10.
8. Ржевский А.С. Экстремизм и его проявления в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 85.

9. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 2 / под ред. О.С. Капинус. Сер. 74 (2-е изд., пер. и доп.). М., 2019. С. 817; Магомедов А.А., Миньковский Г.М., Ревин В.П. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2009. 392 с.; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с.
10. Савинский А. В. Уголовно-правовая оценка посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства: монография. Архангельск: Поморский государственный университет, 2008. С. 22.
11. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. С. 312.
12. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.:Юристъ, 2006. С. 114.
13. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: монография / Под общ. ред. д.ю.н. П.В. Агапова; Университет прокуратуры Рос. Федерации. М., 2018. С. 54-55; Уголовное право России. Особенная часть: учебник / С.А. Балеев, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 824, 943.
14. Уголовное право России: Учебник для бакалавров. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2014. С. 478; Дьяков С.В., Игнатъев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 31.
15. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
16. Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: диссертация ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. С.38, 139.
17. Юсупов Т.И. Уголовная ответственность за насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ) // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-3. С. 158; Слинько Д.С. Проблемы уголовной ответственности за действия, направленные на насильственную смену или свержение конституционного строя или на захват государственной власти // В сборнике: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке материалы XII международной научно-практической конференции. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. С. 536.

References

1. Baranov P.P. Public power and its constitutional legitimacy in modern Russia: doctrine and practice // Administrator of the court. 2017. no. 4. P. 5.
2. Burkovskaya V.A. Criminal religious extremism: criminal-legal and criminological bases of counteraction: dis. ... Dr. jurid. nauk. M., 2006. P. 222, 225.
3. Dyakov S.V. Crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state: criminal law and criminological research. Saint Petersburg: Law center Press, 2012, P. 25.
4. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation. Special part. Sections X – XII: in 4 vols. (article by article) / A.V. Brilliantov, A.V. Galakhova, V. A. Davydov et al.; ed. V. M. Lebedev. M.: yurayt, 2017. Vol. 4. 278 p.
5. Paliy V.V. Object of crimes under articles 277, 278 and 279 of the criminal code of the Russian Federation: problems of systematization // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2018. no. 12. P. 115; Magomedov A. A., Minkovsky G. M., Revin V. P. Criminal law of Russia. Special part: textbook / under the editorship of V. P. Revina. 2nd ed., ISPR. and add. M.: Justicinform, 2009. P. 314.
6. Piontkovsky A.A. the Doctrine of crime. M., 1961. P. 132-134; Glistin V. G. Problems of criminal law protection of public relations (object and qualification of crimes). L.: LSU, 1979. 127 p.; Korzhansky N. I. Object and subject of criminal law protection. M., 1980. 248 p. and others.
7. Complete course of criminal law: in 5 vols. / ed. by A. I. Korobeev. Saint Petersburg, 2008, Vol. 5, P. 10.
8. Rzhnevsky A.S. Extremism and its manifestations in the Criminal code of Russia (criminal-legal characteristics): dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. Rostov n/A, 2004. P. 85.
9. Russian criminal law. Special part / ed. V. N. Kudryavtseva, A.V. Naumova. M., 2002. P. 817; Magomedov A. A., Minkovsky G. M., Revin V. P. Criminal law of Russia. Special part: textbook / under the editorship of V. P. Revina. 2nd ed., ISPR. and add. M.: Justicinform, 2009. 392 p.; Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / A. A. Aryamov, T. B. Basova, E. V. Blagov et al.; ed. by Yu. V. Gracheva, A. I. Chuchaev. M.: CONTRACT, 2017. 384 p.
10. Savinsky A.V. Criminal-legal assessment of attacks on the foundations of the constitutional system and the security of the state: monograph. Arkhangelsk: Pomor state University, 2008. P. 22.
11. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / A. A. Aryamov, T. B. Basova, E. V. Blagov and others; ed. by Yu. V. Gracheva, A. I. Chuchaev. M.: CONTRACT, 2017. P. 312.
12. Criminal law of Russia. General part: the Textbook / Under the editorship of V. N. Kudryavtseva, V. V. Luneev, A. V. Naumova. 2nd ed., reprint. and add. M.: jurist, 2006. P. 114.
13. Criminal law of Russia. Special part: textbook / S. A. Baleev, L. L. Kruglikov, A. P. Kuznetsov, etc.; edited by F. R. Sundurov, M. V. Talan. M.: Statute, 2012. Pp. 824, 943.

14. Criminal law of Russia: Textbook for bachelors. Part of the Special / Ed. L. L. Kruglikov. M., 2014. P. 478; Dyakov S. V., Ignatiev A. A., Karpushin M. P. Responsibility for state crimes. M., 1988. P. 31.
15. The decree of the President of the Russian Federation from 31.12.2015 № 683 «On the strategy of national security of the Russian Federation» // collected legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part II). St. 212.
16. *Glebushkin, A.G.*, Criminal policy of the Russian Federation in the sphere of protection of the constitutional order: thesis ... doctor of law. Saint Petersburg, 2016. P. 38, 139.
17. *Yusupov T.I.* Criminal liability for forcible seizure of power or forcible retention of power (article 278 of the criminal code of the Russian Federation) // Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms. 2016. no. 19-3. P. 158; Slinko D. S. Problems of criminal responsibility for actions aimed at forcible change or overthrow of the constitutional order or the seizure of state power // In the collection: Criminal law: development strategy in the XXI century materials of the XII international scientific and practical conference. Moscow state law University named after O. E. Kutafin (MSLA). 2015. P. 536.

УДК 347.736

Милов Павел Олегович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданского права и процесса»,
АНО ВО «Институт деловой карьеры», Москва,
nauka@ideka.ru

УПРОЩЕННОЕ БАНКРОТСТВО И ВЫКУП ДОЛГОВ ГРАЖДАН КАК ВАРИАНТЫ ВЫХОДА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ИЗ КРИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Существующие сегодня в условиях пандемии COVID-19 проблемы снижения реальных доходов населения и закредитованности граждан в Российской Федерации могут вести к росту социальной напряженности и бедности населения. Цель данной статьи заключается в анализе возможностей разрешения проблемы за счет введения процедур упрощенного и внесудебного банкротства физических лиц, а также выкупа гражданами собственных долгов у кредитных организаций с дисконтом – по цене, предлагаемой коллекторам. В ходе проведения исследования использованы материалы официальной статистики, проведен анализ экспертных мнений, ситуации разработки и принятия законопроектов в рассматриваемой области. Установлено, что наиболее близким к своей реализации выступает механизм упрощенной и внесудебной процедуры банкротства, прошедший первое чтение в Государственной Думе Федерального собрания РФ. Но ввиду существующих противоречий и недоработок его второе чтение перенесено на неопределенный срок. Процедура самостоятельного выкупа гражданами своих долгов с дисконтом у кредитных организаций выглядит привлекательной как для должников, так и для кредиторов, т.к. в ближайшее время возможно введение временного моратория на взыскание долгов. Но на сегодняшний день данный подход не получил реализации в качестве законопроекта. Сделан вывод, что в условиях негативного развития экономической ситуации, снижения доходов населения на фоне высокой закредитованности необходимо скорейшее принятие законодательных решений, позволяющих снизить социальную напряженность, что требует особого внимания законодателей и властных институтов.

Ключевые слова: несостоятельность, физическое лицо, упрощенное банкротство, внесудебное производство, выкуп долга, дисконт, проблема

Pavel O. Milov,

PhD in law, associate Professor of the Department of Civil law and process, Institute of business career, Moscow,
nauka@ideka.ru

SIMPLIFIED BANKRUPTCY AND REDEMPTION OF CITIZENS' DEBTS AS OPTIONS FOR INDIVIDUALS TO GET OUT OF A CRITICAL ECONOMIC SITUATION

Abstract. The problems existing today during the COVID-19 pandemic of reducing real incomes of the population and the debt load of citizens in the Russian Federation can lead to an increase in social tension and poverty. The purpose of this article is to analyze the possibilities of solving the problem by introducing simplified and extra-judicial bankruptcy procedures for individuals, as well as redemption by citizens of their own debts from credit organizations at a discount – at the price offered to collectors. In the course of the study, materials of official statistics were used, an analysis of expert opinions, situations of development and adoption of bills in the field under consideration was carried out. It has been established that the closest to its implementation is the mechanism of a simplified and out-of-court bankruptcy procedure, which passed the first reading in the State Duma. But in view of the existing contradictions and shortcomings, his second reading was postponed indefinitely. The procedure of independent redemption by citizens of their debts at a discount from credit organizations looks attractive for both debtors and lenders, as in the near future, a temporary moratorium on debt collection may be introduced. But to date, this approach has not received implementation as a bill. It is concluded that in the conditions of the negative development of the economic situation, the decline in incomes of the population against the backdrop of high borrowing, early adoption of legislative decisions is necessary to reduce social tension, which requires special attention of lawmakers and government institutions.

Keywords: insolvency, natural person, simplified bankruptcy, extrajudicial proceedings, redemption of debt, discount, problem

В условиях пандемии коронавируса COVID-19, охватившей более 170 стран мира, и в том числе Российскую Федерацию, в связи с самоизоляцией, карантинном, ограничением производственной деятельности, вынужденными отпусками и рядом других мер отмечается ухудшение материального положения граждан и получаемых реальных доходов, что увеличивает долговые риски домохозяйств.

Государственной Думой в начале апреля 2020 года были приняты законодательные изменения о предоставлении пострадавшим от пандемии COVID-19 гражданам права получить кредитные каникулы и о праве Правительства Российской Федерации вводить мораторий на возбуждение дел о банкротстве в исключительных случаях. Кроме этого, в отношении ряда категорий граждан были определены меры адресной финансовой поддержки. Вместе с тем, принятые решения лишь частично сгладят ситуацию падения доходов граждан, но не способны полностью разрешить кризисную ситуацию.

Возможным выходом из критической ситуации выступает проведение процедуры банкротства в отношении физического лица. Важно отметить, что динамика роста их количества отмечается уже в I квартале 2020 года – по сравнению с соответствующим периодом прошлого года количество решений судов о признании граждан банкротами увеличилось на 68%, достигнув 22 356 шт. В большинстве случаев процедуры банкротства инициируются самими должниками – 93% в I квартале 2020 года и 89,3% в I квартале 2019 года [2].

В дальнейшем же следует ожидать неизбежно ускорения роста числа банкротств граждан ввиду последствий кризисных явлений в экономике и снижения уровня доходов. Вместе с тем, несмотря на рост числа дел о несостоятельности граждан, процедура остается доступной не всем желающим из-за необходимости оплаты услуг арбитражного управляющего, сложности процедуры и ее дороговизны.

Например, согласно расчетов, проведенных специалистами «Банкрот Консалт», признание неплатежеспособности физического лица в Москве обходится заявителю не менее, чем в 52 300 руб. [5]. По другим оценкам средняя стоимость проведения процедуры банкротства физического лица находится в пределах 75-100 тыс. руб. [8] Для граждан, находящихся на стадии банкротства, такая стоимость процедуры выглядит достаточно высокой, что ограничивает возможность ее реального применения.

Поэтому следует признать, что в современных условиях назрела необходимость создания механизма недорогого и необременительного списания долга для малоимущих. Для снижения социальной напряженности необходимо предложить гражданам, пострадавшим от вызванного пандемией кризиса, недорогие и необременительные способы списания

долга – упрощенную, а также внесудебную, процедуры банкротства.

Необходимо отметить, что практически с момента создания института личного банкротства в научной среде ведется дискуссия о необходимости повышения его доступности для физических лиц. Ряд шагов в этом направлении предпринят законодателями и федеральными органами власти.

Так, в сентябре 2019 года Н.П. Николаевым, Председателем Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям, был предложен законопроект, который вводит наряду с традиционной судебной процедурой банкротства еще и внесудебную, делающую ее доступной для граждан с небольшими долгами. Минэкономразвития России также внесло предложения о поправках в Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части внесудебного банкротства гражданина. Предлагаемые подходы были объединены в единый законопроект.

По мнению Н.П. Николаева предложенный порядок реализации процедуры упрощенного банкротства должен быть доступен для граждан с долгами от 50 до 500 тыс. руб. После обращения гражданина к арбитражному управляющему на год устанавливается мораторий на удовлетворение требований кредиторов, прекращается начисление неустоек, штрафов, пеней, запрещается оформлять новые кредиты и займы. По истечении этого срока процедура, по предложению парламентария, должна заканчиваться автоматически со списанием долгов.

Минэкономразвития России в целом согласилось с предложенным механизмом внесудебного банкротства, но уточнило ряд положений. В частности, предлагалось разрешить его использование при увеличенной верхней границе долга у гражданина до 700 тыс. руб.

Кроме того, министерство считает нужным скорректировать предложенную Николаевым схему оплаты услуг арбитражных управляющих. Парламентарий предлагал сделать внесудебное банкротство для граждан абсолютно бесплатным, а гонорар за проведение этой процедуры платить из специально сформированного Фонда поддержки внесудебного банкротства граждан, который бы пополнялся за счет взносов саморегулируемых организаций управляющих (далее СРО) (по 15 тыс. руб. ежемесячно с каждой). Минэкономразвития России же считает, что граждане должны платить сами – по 3 тыс. руб. за всю процедуру от начала до конца.

Поправки Минэкономразвития России к законопроекту Николаева предусматривают также реализацию идеи министерства о введении альтернативной упрощенной процедуры банкротства граждан – судебной. Ее отличие от уже существующего порядка

признания граждан несостоятельными через суд – в необязательности участия финансового управляющего (он будет нужен, только если упрощенное банкротство инициирует кредитор), собрания кредиторов, анализа финансового состояния должника, поиска имущества и его продажи. Эти мероприятия управляющий, если его назначат в дело, будет проводить только по ходатайству и за счет лица, которое на них настояло. Правда, он сможет вернуть себе затраты из конкурсной массы после погашения всех иных расходов на процедуру, но не более суммы, которая определена законом для обычного банкротства.

Согласно внесенным поправкам ко второму чтению, внесудебная процедура банкротства будет по общему правилу доступна гражданам с долгами в 200-500 тыс. руб., а в сложных жизненных ситуациях – от 50 тыс. руб. Но тут уже должно быть соответствие субъекта-гражданина критериям сложной жизненной ситуации: такие события как инвалидность, потеря кормильца и ряд других. Для этих целей планируется дать право Правительству России по согласованию с Банком России определять дополнительные критерии соответствия человека трудной жизненной ситуации. Другой критерий допуска к процедуре упрощенного банкротства – отсутствие имущества, кроме единственного жилья.

В качестве меры борьбы с мошенничеством должников в законопроекте предлагается ввести возможность кредитора в течение года перевести процедуру в обычную судебную форму.

Согласно изначальной редакции проекта внесудебной процедурой граждан должны были заниматься только арбитражные управляющие. Но ко второму чтению законопроекта было решено, что также аналогичные услуги смогут оказывать гражданам нотариусы и многофункциональные центры (далее МФЦ). При этом подача заявления через МФЦ будет бесплатной. Согласно предлагаемому законопроекту, через год после подачи заявления о собственной несостоятельности непогашенные долги человека должны автоматически аннулироваться.

Сегодня вокруг данного законопроекта развернулась дискуссия, в частности по предложению возложить на СРО финансирование таких процедур. Кредиторы опасаются, что исключение фигуры арбитражного управляющего из процедуры может привести к дополнительным расходам со стороны кредиторов и злоупотреблениям со стороны должников.

Отсутствие надлежащего контроля со стороны финансового управляющего за действиями должника, его имуществом, перечнем обязательств создаст благоприятные условия для осуществления недобросовестных действий, включая сокрытие и вывод активов должника, а также подмену предмета залога. Это существенно усложнит защиту прав кредиторов и бу-

дет противоречить нормативно закреплённой цели процедуры банкротства – соразмерному удовлетворению их требований.

Банки также могут пересмотреть свое отношение к потребителям финансовых услуг, ужесточить подходы к оценке рисков кредитования. Если законопроект будет принят, финансовый управляющий в деле о личном банкротстве может появиться только по ходатайству участника процесса для проведения мероприятий, которые есть в обычной процедуре несостоятельности (собрания кредиторов, анализ финансового состояния должника, поиск имущества, его продажа). Но в этом случае кредитору придется самому оплатить услуги финансового управляющего. Правда, он сможет вернуть себе затраты из конкурсной массы после погашения всех иных расходов на процедуру, но не более суммы, которая определена законом для обычного банкротства

Кроме этого, возможность изменения текста закона нормативным актом правительства с Банком России, Минэкономразвития или Минфином России выглядит прецедентом правовой конструкции и имеющейся законодательной практики.

Согласно предлагаемых новелл законодательства ограничением применения процедуры упрощенного банкротства выступает то, что договор по кредиту или займу должен действовать не менее года и заемщик должен будет внести не менее 9 платежей, или не меньше 3-х, если использовал «кредитные каникулы». Поэтому Минэкономразвития России осталось недовольно законопроектом о внесудебном банкротстве физических лиц, т.к. поправки ко второму чтению в него сильно сократили число тех, кто мог бы воспользоваться процедурой.

Вместе с тем, предлагаемые законодательные изменения по введению упрощенной и внесудебной процедурах банкротства физических лиц выглядят необходимыми и своевременными, поэтому можно говорить об их позитивной направленности, которая позволит не только снизить социальную напряженность и решить долговую проблему рядовых граждан, но и окажет помощь кредитным организациям в расчистке своих балансов от безнадежных долгов, а государству поможет снизить нагрузку судей.

Введение института упрощенного и внесудебного банкротства как никогда востребована социумом. На это указывают и экспертные данные. Так, в ходе онлайн-сессии «Банкротство граждан: вызовы пандемии» Петербургского международного юридического форума (далее – ПМЮФ) отмечалось, что число потенциальных должников в рамках внесудебной процедуры банкротства граждан составит до 3,6 млн человек [3]. По расчетам Объединенного кредитного бюро, специально проведенного для сессии ПМЮФ, по состоянию на начало апреля 2020 года 3,6 млн заемщиков с долгом

50-500 тыс. руб. допустили просрочку платежей свыше 90 дней, что укладывается в рамки предлагаемого законопроекта. А вследствие пандемии коронавируса количество потенциальных банкротов может увеличиться в ближайшее время еще в 2-3 раза.

Но второе чтение законопроекта, которое должно было состояться 14 апреля 2020 года, было перенесено без обозначения следующей даты рассмотрения. По мнению экспертов, законопроект готов только на 80%, имея различные проблемные аспекты [4]. Учитывая, что в данном случае в противоречие вступают интересы граждан, арбитражных управляющих, государства, кредитных организаций, принятие законопроекта может растянуться на значительные сроки либо его принятие приведет к необходимости многократных законодательных изменений, что снизит его эффективность.

Еще одним возможным способом выхода физических лиц из критической экономической ситуации по мнению автора может выступать введение возможности самостоятельного выкупа своих долгов у кредитных организаций по цене, предлагаемой кредитором коллекторам.

Подобная возможность выкупа долга физическими лицами с дисконтом предлагалась Минэкономразвития России еще в августе 2019 года [6].

Специалисты Минэкономразвития России полагают, что при реализации данной процедуры будет значительное число ограничений, а при реализации указанного подхода требуется предварительные консультации с экспертным сообществом и обсуждение законопроекта на общественных слушаниях, чтобы прямой выкуп долга физическими лицами с дисконтом не стал «лазейкой» для недобросовестных заемщиков, которые перестают платить по долгам, чтобы потом с максимальным дисконтом их выкупить. Предполагается, что в случае введения такого механизма он сможет использоваться только в рамках реструктуризации сложных жизненных ситуаций.

Важно отметить, что самостоятельный выкуп своих долгов по цене, предлагаемой коллекторам, выглядит привлекательным в нынешней ситуации и для кредитных организаций, когда принудительное взыскание долгов с граждан может быть затруднительным и растянутым во времени.

В ходе уже опоминавшейся онлайн-сессии ПМЮФ в апреле 2020 года со стороны Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП) поступило предложение микрофинансовым организациям (далее – МФО) на полгода приостановить взыскание долгов граждан, оказавшимся в трудном финансовом положении. Аналогичное предложение подготовлено и для коллекторов. В Государственной Думе поддержали идею приостановить взыскание долгов с граждан и на сегодняшний день прорабатывается механизм подобных нововведений [7].

Кроме того, ФССП рассматривается возможность исключить до конца 2020 года непосредственный контакт приставов с должниками, в том числе арест их имущества и изъятие.

Ранее Банк России рекомендовал кредитным организациям и МФО приостановить до 30 сентября 2020 года процедуры принудительного выселения должников (бывших собственников и лиц, совместно с ними проживающих) из жилых помещений, на которые кредиторами ранее было обращено взыскание [1].

Поэтому по мнению автора ситуация самостоятельного погашения долгов гражданами, хоть и в меньшем объеме, выглядит привлекательной для кредитных организаций, чем затягивание процесса принудительного изъятия.

Вместе с тем, на сегодняшний день данное предложение так и осталось идеей, не получившей своей реализации в законопроекте. Пока не существует нормативных основ для подобных действий, а кредитные организации могут лишь самостоятельно предложить должникам провести частичную оплату долговых обязательств и исключить дальнейшие претензии.

Таким образом, проведенный автором анализ перспективных возможностей выхода физических лиц из критической экономической ситуации показывает следующее:

1) Наиболее близким к реализации выглядит механизм упрощенной и внесудебной процедуры банкротства, прошедший обсуждение в Государственной Думе. Но его второе чтение перенесено ввиду существующих противоречий и недоработок. В текущей ситуации развития коронавирусной инфекции возможно, что дальнейшая работа над законопроектом может растянуться на неопределенный срок;

2) Самостоятельный выкуп своих долгов по цене, предлагаемой коллекторам, выглядит привлекательным в нынешней ситуации для физических лиц и кредитных организаций, когда принудительное взыскание может быть затруднительным и растянутым во времени. Но на сегодняшний день данный подход существует только в виде идеи, не подкрепленной какими-либо решениями и реальными работами законопроекта;

3) Следует полагать, что в результате снижения доходов населения в ходе пандемии и дальнейшего выхода из кризисной ситуации, роста закредитованности населения в Российской Федерации значительно увеличится число физических лиц, неспособных своевременно оплачивать существующую долговую нагрузку. Поэтому указанные проблемные аспекты должны быть предметом научной и общественной дискуссии, особого внимания законодателей и властных институтов, т.к. отсутствие принятых решений в нынешней ситуации приведет к росту социальной напряженности и бедности населения.

Список литературы

1. Банк России рекомендовал до 30 сентября приостановить выселение должников из жилья // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/704714>.
2. Банкротства граждан – статистика Федресурса за 1 кв. 2020 года // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83>.
3. До 3,6 млн граждан смогут воспользоваться внесудебным банкротством – эксперты на онлайн-ПМЮФ // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/ce0f662f-70a8-4e9c-afb0-293e87bd4232>
4. *Крючкова Е.* Банкротство граждан уклоняется от закона // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322068>.
5. *Милантьев К.* Реальная стоимость банкротства физических лиц (цена процедуры для граждан) // Банкрот Консалт. URL: <https://bankrotconsult.ru/skolko-stoit-bankrotstvo-fizicheskikh-lits>.
6. *Самусева С.* Отпущение долгов // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4075028>.
7. *Соколова М.* В Госдуме поддержали идею приостановить взыскание долгов с россиян // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-gosdume-podderzhali-ideyu-priostanovit-vzyskanie-dolgov-s-rossiyan.html>.
8. Стоимость процедуры банкротства // СТОПДОЛГ. URL: http://цена-банкротства.рф/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=rsya&utm_content=банкротство20%гражданин&utm_term=img1.

References

1. The Bank of Russia recommended by September 30 to suspend the eviction of debtors from housing // Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/russia/704714>.
2. Bankruptcy of citizens – Fedresurs statistics for 1 quarter. 2020 // Fedresurs. URL: <https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83>.
3. Up to 3.6 million citizens will be able to take advantage of extrajudicial bankruptcy – experts at the online SPBILF // Fedresurs. URL: <https://fedresurs.ru/news/ce0f662f-70a8-4e9c-afb0-293e87bd4232>
4. *Kryuchkova E.* Bankruptcy of citizens evades the law // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322068>.
5. *Milantiev K.* The real cost of bankruptcy of individuals (the price of the procedure for citizens) // Bankrupt Consult. URL: <https://bankrotconsult.ru/skolko-stoit-bankrotstvo-fizicheskikh-lits>.
6. *Samuseva S.* Repayment of debts // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4075028>.
7. *Sokolova M.* The State Duma supported the idea of suspending the collection of debts from Russians // Parliamentary newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-gosdume-podderzhali-ideyu-priostanovit-vzyskanie-dolgov-s-rossiyan.html>.
8. The cost of bankruptcy proceedings // STOPDOLG. URL: http://price-bankruptcy.rf/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=rsya&utm_content=bankruptcy20%citizen&utm_term=img1.

УДК 342.734; 347.82

Сазин Сергей Тихонович,

кандидат юридических наук, профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации», Санкт-Петербург,
szsut.sazin@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ МОРСКОМ ТРАНСПОРТЕ С ПОЗИЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЧАСТНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении проблемных аспектов обеспечения безопасности на водном морском транспорте в контексте получения дополнительного профессионального образования и специальных морских свидетельств моряков в частных образовательных школах с позиции защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Предметом исследования выступают действующие нормативные требования и порядок организации дополнительного обучения и профессиональной подготовки судоводителей маломерных судов, повышения квалификации специалистов предприятий и флота. В статье на примере имеющейся практики Следственного комитета Российской Федерации автором анализируются проблемы обеспечения безопасности на водном морском транспорте, связанные с незаконным получением моряками морских свидетельств в частных школах без фактического прохождения обучения и повышения квалификации, что влияет на обеспечение безопасности человеческой жизни на море, соблюдение действующих экологических требований и сохранность судна. В отношении Министерства транспорта Российской Федерации разработаны рекомендации, согласно которым предлагается внести ряд изменений действующего порядка, регламентирующего получение моряками дополнительного профессионального образования в целях обеспечения безопасности на водном транспорте, а также с целью защиты конституционных прав граждан.
Ключевые слова: морские свидетельства моряков, международная конвенция, дополнительное профессиональное образование, частные школы, транспортная безопасность

Sergey T. Sazin,

PhD in law, Professor of the Department of State and legal disciplines, «Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation», Saint Petersburg,
szsut.sazin@mail.ru

ENSURING THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS AND SAFETY IN WATER TRANSPORT FROM THE PERSPECTIVE OF THE ORGANIZATION OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION IN PRIVATE EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract. The purpose of the article is to consider the problematic aspects of ensuring safety in water transport in the context of obtaining additional professional education and special maritime certificates of seafarers in private educational schools from the position of protecting constitutional rights and freedoms of man and citizen. The subject of the study is the current regulatory requirements and the procedure for organizing additional education and training for boatmasters of small vessels, advanced training of specialists of enterprises and the fleet. In the article, as an example of the existing practice of the Investigative Committee of the Russian Federation, the author analyzes the problems of ensuring safety in water transport associated with the illegal obtaining of maritime certificates by sailors in private schools without actually undergoing training and advanced training, which affects the safety of human life at sea, and compliance with existing environmental requirements and the safety of the vessel. With regard to the Ministry of Transport of the Russian Federation, recommendations have been developed, according to which it is proposed to introduce a number of amendments to the current procedure governing the acquisition of additional professional education by sailors in order to ensure safety in water transport, as well as to protect the constitutional rights of citizens.
Keywords: maritime certificates of seafarers, international convention, additional professional education, private schools, transport safety

Морское судоходство остается одним из самых важных средств развития цивилизации, а работа на море – отраслью, где есть гарантированный спрос на кадры.

После окончания высшего учебного заведения, для того, чтобы уйти в рейс, дипломированный специалист должен иметь в наличии действующие документы по какой-либо морской специальности. Для их получения и поддержания в актуальном состоянии выпускник регулярно проходит переподготовку на тренажерах, в связи с чем, с целью повышения квалификации специалист в области морского права, может получить дополнительное профессиональное образование путем обучения в тренинг-центре [6, с. 653].

В сети Интернет предлагается широкий выбор частных учреждений дополнительного профессионального образования, которые при прохождении обучения выдают свидетельства о прохождении курсов морской подготовки за определенную плату в соответствии с требованиями Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года [1] (далее – Конвенция 1978 года).

Переобучение и выдача свидетельства – услуга платная. По результатам в учебном заведении сдается экзамен и выдается документ о прохождении курса обучения. Но не у всех моряков есть желание и возможность учиться, особенно если судно совсем скоро должно отойти от причала, что позволяет частным школам получать немалые деньги за помощь в получении необходимых документов без всякой переподготовки. Моряку предлагается расплатиться на месте и прийти за свидетельством или дипломом в ближайшие дни [6, с. 430].

Вместе с тем, в основном причиной происшествий на море и потери судов выступает человеческий фактор. К таким последствиям приводят невнимательность, накопившаяся усталость, ошибки членов экипажа, часто связанные с недостаточной профессиональной подготовкой. Тем самым, на лицо несовершенство имеющейся практики получения дополнительного профессионального образования моряками в частных школах.

В связи с этим, с целью защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина актуальным выглядит принятие конкретных организационно-управленческих мер, направленных на предупреждение случаев предоставления образовательных услуг ненадлежащего качества с выдачей свидетельств без фактического прохождения обучения, и разработка дополнительных требований к нормативным документам с целью ужесточения контроля за организацией и ведением в частных образовательных учреждениях учебного процесса, а также качеством подготовки членов экипажей морских судов.

Необходимо отметить, что дополнительное профессиональное образование – это обучение спе-

циалистов на базе имеющегося среднего и профессионального или высшего образования в целях повышения их профессиональных знаний, совершенствования деловых качеств.

На сегодняшний день множество государственных образовательных учреждений дополнительного профессионального образования водного транспорта в соответствии с лицензиями на осуществление образовательной деятельности, выдаваемыми Департаментами образования субъектов Российской Федерации, и разработанными организационно-распорядительными документами, реализуют образовательные программы профессиональной подготовки судоводителей маломерных судов, курсы повышения квалификации специалистов предприятий и флота, тренажерную подготовку командного состава. К примеру, учебный центр дополнительного профессионального образования специалистов водного транспорта, расположенный в Государственном университете морского и речного флота имени С.О. Макарова в Санкт-Петербурге, его филиалах в г. Мурманске, г. Архангельске, факультет дополнительного профессионального образования в Московской государственной академии водного транспорта.

Но помимо государственных, дополнительное морское образование реализуется и в частных образовательных учреждениях, которые проводят подготовку по соответствующим программам для лиц командного и рядового состава морских судов и судов внутреннего водного транспорта, для лиц, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности на водном транспорте.

Вместе с тем, проблема заключается в том, что на сегодняшний день ряд некоммерческих организаций получали соответствующие лицензии для подготовки, так называемых «специалистов», без организации и проведения фактического обучения по программам дополнительной профессиональной подготовки в области морского дела.

Согласно нормативных требований Следственный комитет Российской Федерации, основными задачами которого являются оперативное и качественное расследование преступлений, выявление обстоятельств, способствующих их совершению и принятие мер по устранению таких обстоятельств, обязан незамедлительно реагировать на факты нарушения законов в целях защиты прав человека и пресекать незаконную преступную деятельность [3, 4].

Например, в апреле 2019 года в г. Петрозаводске Республики Карелия в ходе следственно-оперативных мероприятий совместно с сотрудниками Управления ФСБ России по Республике Карелия и транспортной полиции была пресечена противоправная деятельность по изготовлению подложных морских свидетельств и поддельных медицинских

документов, организованная на территории нескольких регионов страны.

По данному факту Мурманским следственным отделом на транспорте Северо-Западного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) по факту мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, которое было осуществлено должностными лицами частных учреждений дополнительного профессионального образования в г. Астрахани, г. Рыбинске и г. Петрозаводске при выдаче свидетельств о прохождении курсов в соответствии с требованиями Конвенции 1978 года.

В ходе предварительного расследования было установлено, что в период с октября 2018 года по апрель 2019 года в соответствии с разработанной преступной схемой указанными лицами, действующими на территории различных субъектов Российской Федерации, путем злоупотребления правом на предоставление образовательных услуг, была организована незаконная выдача работникам морского и речного транспорта свидетельств о прохождении курсов морской подготовки без фактического их обучения по соответствующим программам, за незаконное денежное вознаграждение.

В преступную деятельность были вовлечены несколько образовательных учреждений, расположенных в различных субъектах Российской Федерации: частное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования водного транспорта (далее – ЧОУ ДПО ВТ) в г. Рыбинске Ярославской области и частное учреждение дополнительного профессионального образования (далее – ЧУ ДПО) в г. Астрахани.

Впоследствии уголовное дело по обвинению руководящего состава обеих организаций по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ (незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции, коммерческого подкупа за незаконное действие) направлено в суд и был вынесен обвинительный приговор.

Вместе с тем, в рамках расследования уголовного дела, путем проведения следственных и процессуальных действий установлено, что работа ЧОУ ДПО ВТ в г. Рыбинске и ЧУ ДПО в г. Астрахани строилась на сетевой форме реализации образовательных программ, о чем между обеими организациями в 2018 году заключен соответствующий договор.

Вопреки положениям данного договора, на территории Ярославской области и Республики Карелия должностным лицом одной из организаций обеспечивалось лишь подыскание и привлечение потенциальных слушателей по программам дополнительных про-

фессиональных подготовок, с которыми проводилась консультационная работа и достигалась договоренность путем злоупотребления доверием о передаче денежных средств за выдачу свидетельств, якобы без необходимости фактического прохождения курсов.

При этом ни один из слушателей, сведения о которых фигурировали в уголовном деле, перед получением свидетельства никогда не посещал ни учебно-тренажерный центр ЧУ ДПО в г. Астрахани, ни образовательное учреждение ЧОУ ДПО ВТ в г. Рыбинске.

Непосредственное изготовление и выдача свидетельств происходила в ЧУ ДПО в г. Астрахани, которое единственное из двух учреждений обладало свидетельством о соответствии тренажерного центра, выданным Федеральным агентством морского и речного транспорта.

Обмен входными документами и изготовленными свидетельствами происходил между образовательными учреждениями дистанционно – посредством электронных каналов связи и курьерских услуг.

Перед выдачей свидетельства факт оформления регистрационных листов, подтверждающих проведение обучения и аттестации слушателей, и их направление в ЧОУ ДПО ВТ в г. Рыбинске не контролировался.

Таким образом, обучение и выдача свидетельств о прохождении курсов подготовки через указанные образовательные учреждения являлись неконтролируемыми со стороны государства процессами. Это позволило ЧОУ ДПО ВТ предоставлять платные услуги в сфере обучения работников морского транспорта по определенным видам морских подготовок в отсутствие официального признания на осуществление подготовки членов экипажей морских судов в соответствии с Конвенцией 1978 года.

В результате описанной преступной деятельности было выдано более 25 свидетельств, не отвечающих требованиям нормативно-правовых актов. Следственным органом приняты меры к их исключению из системы дипломирования членов экипажей морских судов Федерального агентства морского и речного транспорта Министерства транспорта Российской Федерации.

Между тем свидетельство является официальным документом, удостоверяет факт обучения слушателя в соответствии с требованиями Конвенции 1978 года и подтверждает получение кандидатом знаний и практических умений действовать в нештатных ситуациях. Таким образом, прохождение курсов морской подготовки существенно влияет на обеспечение безопасности движения и эксплуатации морского транспорта и нарушает конституционные права граждан.

Установленные в ходе расследования уголовного дела обстоятельства свидетельствовали о несо-

блюдении нормативных требований по организации и проведению дополнительного обучения и повышения квалификации специалистов в области морского и речного транспорта.

Как показали результаты расследования уголовного дела, существующая в Российской Федерации система государственного контроля за деятельностью частных морских образовательных организаций и учебно-тренажерных центров не позволила ни выявить, ни предотвратить факты совершения изложенных преступных действий, что свидетельствует о несовершенстве данной системы.

С учетом того, что качество подготовки моряков существенно влияет на уровень аварийности и безопасности мореплавания, перевозки пассажиров и перевозимых грузов, представляется, что уполномоченные организации должны существенно усилить контроль за деятельностью учебно-тренажерных центров и морских образовательных учреждений.

В целях устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений аналогичных рассмотренному выше, Министерству транспорта Российской Федерации предлагается:

– привлекать в состав комиссий по освидетельствованию учебно-тренажерных центров и признанию морских образовательных организаций экспертов в области морского образования из числа специалистов высших учебных заведений Росморречфлота и Росрыболовства;

– обязать уполномоченные Росморречфлотом организации, осуществляющие освидетельствование учебно-тренажерных центров, привлекать к первичному, периодическому и возобновляющему освидетельствованиям лиц, имеющих профильное морское образование, квалификацию в проверяемой области и прошедших повышение квалификации в пределах последних 5 лет до участия в проведении освидетельствования;

– осуществлять периодические (не менее одного раза в год) проверки учебно-тренажерных центров, включающие подготовку членов экипажей мор-

ских судов, без продления действия свидетельств об их соответствии в случаях выявления замечаний и недостатков, до их полного устранения;

– разработать и утвердить технико-эксплуатационные требования к учебно-тренажерным центрам, включающие требования к составу и функционалу тренажеров и иных технических средств обучения, к квалификации и необходимому количеству инструкторов, составу методического обеспечения, требования к морским образовательным организациям, осуществляющим подготовку членов экипажей морских судов, которые явились бы основой для проведения проверок Министерством транспорта России в установленном порядке;

– разработать график и организовать проведение внеочередных проверок учебно-тренажерных центров и морских частных образовательных организаций, на предмет их соответствия установленным требованиям.

В заключение необходимо отметить, что в современных условиях технического развития и насыщенности судов сложным оборудованием квалификация основным инструментом обеспечения охраны человеческой жизни и окружающей среды, безопасности морского судоходства и мореплавания, сохранности судового имущества становится компетентность моряков. Поэтому обозначенные автором задачи могут быть реализованы только путем проведения сложной, комплексной и многокомпонентной работы профилирующих органов, направленной на повышение уровня дополнительного профессионального образования.

В условиях серьезных последствий морских катастроф, возрастающей сложности техники, используемой на судах, увеличивающейся напряженностью судоходств, роста понимания значимости экологических факторов, автор уверен, что работа над надлежащим изменением законодательства с целью ужесточения контроля за деятельностью учебно-тренажерных центров и морских образовательных учреждений морской отрасли позволит сделать эту деятельность не только безопасной, но и более эффективной.

Список литературы

1. «Международная конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года», с поправками 1995 года (ПДНВ/STCW). Заключена в г. Лондоне 07.07.1978. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2020).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2020).
3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О Следственном комитете Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2020).
4. Указ Президента Российской Федерации от 14.01.2011 №38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2020).
5. Карасев В.В. Проблемы совершенствования морского образования // Современные исследования социальных проблем». 2015. №6 (50). С. 429-432.

6. *Сигаев Д.Б., Шатыло А.П.* Пути реализации потенциала профессии судоводителя как фактор повышения безопасности мореплавания // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. 2019. Т.11. №4. С. 652-661.

References

1. "International Convention on the Training and Certification of Seafarers and Watchkeeping of 1978", as amended in 1995 (STCW / STCW). Concluded in the city of London 07.07.1978. Access from the consultant legal system "ConsultantPlus" (accessed: 01/06/2020).
2. "The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated December 18, 2001 No. 174-FZ. Access from the consultant legal system "ConsultantPlus" (date of treatment: 01/25/2020).
3. Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ (as amended on July 29, 2017) "On the Investigative Committee of the Russian Federation. Access from the consultant legal system "ConsultantPlus" (access date: 01/20/2020).
4. Decree of the President of the Russian Federation dated January 14, 2011 No. 38 "Issues of the Investigative Committee of the Russian Federation". Access from the consultant legal system "ConsultantPlus" (access date: 01/20/2020).
5. *Karasev V.V.* Problems of improving marine education. Modern Studies of Social Problems. 2015. No. 6 (50). P. 429-432
6. *Sigaev D.B., Shatylo A.P.* Ways to realize the potential of the profession of a skipper as a factor in improving the safety of navigation. Bulletin of the State University of the Sea and River Fleet. Admiral S.O. Makarova. 2019. V. 11 No. 4. P. 652-661.

УДК 338.1

Борисова Елена Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и финансового права,
АНО ВО «Институт деловой карьеры», Москва,
e.v.borisova@bk.ru

К ВОПРОСАМ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье предприняты попытки исследования определений цифровой экономики, даны некоторые из них. Приведены исторические сведения о возникновении данного понятия, указаны «авторы-пионеры» (Р. Вакхалови, Д. Тапскотт, Н. Негропонте), которые первыми ввели его в наш обиход. Выделяются основные составляющие цифровой экономики с точки зрения исследователя – Т. Месенбурга. Отмечается скорость распространения, степень и масштабы применения цифровых технологий. В связи с чем возрастает необходимость приобретения навыков и умений в области нахождения информации с помощью современных способов, определения ее достоверности и актуальности. Сделано предположение о разнице в понятиях цифровая экономика и интернет экономика. Указано, что понятие цифровая экономика является более широким. Отражается, что использование цифровых технологий имеет двойственные тенденции, имеющие разнонаправленный характер и создающее, как возможности, так и угрозы. Отмечается, что без участия государства, невозможно регулировать деятельность участников рынка. Приведены примеры участия государства в поддержке развития цифровой экономики в России в текущий период времени, приведены высказывания Президента России по приоритетам развития науки и законодательства в области развития цифровизации. Выявлен экономический смысл цифровизации. Сделаны выводы по результатам исследований.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровые инфраструктуры, цифровые технологии, искусственный интеллект

Elena V. Borisova,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Department of Economics and Financial Law,
Institute of a business career, Moscow,
e.v.borisova@bk.ru

TO THE QUESTIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. The article attempts to study the definitions of the digital economy, some of them are given. Historical information about the emergence of this concept is given, "pioneer authors" (R. Vakhhalovi, D. Tapscott, N. Negroponete) are indicated, who were the first to introduce it into our everyday life. The main components of the digital economy are distinguished from the point of view of the researcher T. Mesenburg. The speed of distribution, the degree and extent of the application of digital technologies is noted. In this connection, the need for acquiring skills and abilities in the field of finding information using modern methods, determining its reliability and relevance is increasing. An assumption is made about the difference in the concepts of digital economy and Internet economy. It is indicated that the concept of digital economy is broader. It is reflected that the use of digital technologies has dual trends, which are multidirectional in nature and create both opportunities and threats. It is noted that without the participation of the state, it is impossible to regulate the activities of market participants. Examples of state participation in supporting the development of the digital economy in Russia in the current period of time are given, the President of Russia on the priorities of the development of science and legislation in the field of digitalization is given. The economic meaning of digitalization is revealed. Conclusions are made based on research results.

Keywords: digital economy, digitalization, digital infrastructures, digital technologies, artificial intelligence

Современное существование в мире тесно связано с применением компьютеров, информационно-коммуникативных сетей, искусственного интеллекта, роботизации и автоматизации огромного количества всевозможных процессов и производств, с использованием облачных технологий. Структуры общества стремительно изменяются путем встраивания в них самыми разными, достаточно сложными и не всегда всем понятными способами цифровых технологий и цифровых инфраструктур. Обращаясь в банки, поликлиники, в иные государственные или коммерческие организации, мы не представляем уже обмена информацией без использования баз данных цифровых сетей. Однако, цифровые структуры, которые обеспечивают нам это взаимодействие, невозможно осязать. Многие пользователи данной информации даже не подозревают, как цифровые сети влияют на их поведение и принимаемые решения. Навыки и умения владения способами получения цифровой информации становятся неотъемлемыми чертами всех членов общества, обнажая при этом слабые стороны современной цифровой действительности. Глобальность, степень и масштаб наступления цифровых технологий, стремительность их распространения во всем мире требуют изучения, понимания и тщательного анализа их преимуществ, недостатков, а также социально-экономических последствий.

Термин «цифровая экономика» уже ни у кого не вызывает вопросов, он легко воспринимается на слух, хотя был введен в обиход не так давно. Впервые привел описание цифровизации в 1971 году в своей статье Р. Вакхалови [1,2], который использовал определение цифрового общества. Само же понятие «цифровая экономика» трансформировалось Д. Тапскоттом в книге 1995 года «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки» [3] из понятия «электронная экономика», которое привел в своей книге «Быть цифровым» [4] в 1995 году американский информатик греческого происхождения Массачусетского технологического университета Н. Негропonte. Он утверждал, что все, что можно оцифровать, будет оцифровано, а также, что «достоинствами цифровой экономики являются: отсутствие физического веса продукции, который заменяется информационным объемом, низкие затраты ресурсов на производство электронных товаров, небольшая площадь, занимаемая продукцией, практически мгновенное перемещение товаров через сеть Интернет.» [2]

В исследование вопросов цифровой экономики свой вклад внесли не только иностранные ученые, например, Д. Тапскотт, Н. Негропonte, М. Порат, Т. Мессенбург, но и наши соотечественники: Е. Авдокушина, А. Демина, С. Бодрунов, А. Пороховский, Р. Мещеряков и др.

Так, Т. Мессенбург определил три основные составляющие цифровой экономики:

1. Поддерживающая инфраструктура (аппаратное и программное обеспечение, телекоммуникации, сети и т.д.);

2. Электронный бизнес;

3. Электронная коммерция. [2]

Все исследователи в той или иной степени изучали предпосылки формирования цифровой экономики, условия и причины ее возникновения, последствия от масштабов ее распространения. Но эти исследования требуют продолжения и развития, так как скорость проникновения в нашу жизнь «цифровизации» не оставляет выбора тем, кто желает оценивать выгоды и угрозы от данного явления.

Значимость исследований в данной области для России была подчеркнута в Послании Президента В. Путина Федеральному собранию 15 января 2020 года: «Сегодня скорость технологических изменений в мире многократно возрастает, и мы должны создать собственные технологии и стандарты по тем направлениям, которые определяют будущее. Речь прежде всего об искусственном интеллекте, генетике, новых материалах, источниках энергии, цифровых технологиях.» [5] Президент отметил, что необходимо формировать собственные цифровые сервисы и активно внедрять цифровые технологии и платформы, являющиеся ключом к экономическому прорыву, повышению качества жизни, что позволит последовательно идти к повышению прозрачности экономики в целом. Для того, чтобы появлялись и повсеместно внедрялись новые проекты с применением робототехники, искусственного интеллекта, электронной торговли, технологий обработки больших данных, необходимо разработать передовую законодательную базу для снятия всех барьеров на этом пути. [5] Важность таких исследований доказывает и принятая Национальная программа «Цифровая экономика России 2024», рост господдержки в рамках Национальной технологической инициативы и других мер научно-технической и инновационной политики (программы Министерства науки и высшего образования России, Минпромторга России, институтов развития).

Целью данного исследования является определение экономического смысла цифровизации.

На ранних этапах формирования цифровая экономика называлась новой экономикой, интернет-экономикой, веб-экономикой. Так, Википедия, дает следующее понятие цифровой экономики:

«Цифровая экономика (веб-, интернет-экономика, электронная экономика) – экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанная с электронным бизнесом и электронной коммерцией, и производимых и сбываемых ими цифровыми товарами и услугами. Расчёты за услуги и товары цифровой экономики производятся зачастую цифровой валютой (электронными деньгами).»[6]

Но многие экономисты считают, что понятие цифровая экономика намного шире, чем приведенные выше. Оно выходит за границы автоматизации и оцифровки, ценности, полученной из интернета. Цифровая экономика использует новые технологии, чтобы выполнять поставленные задачи быстрее, так, как раньше было невозможно.

Существует много определений, приводимых исследователями понятия «цифровая экономика».

Так, например, В. Иванов – член-корреспондент РАН дает следующее:

«Цифровая экономика – это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность». [6]

Р. Мещеряков считает, что к термину «цифровая экономика» существует два подхода: классический и расширенный. Классический подход опирается на то, что «цифровая экономика – это экономика, основанная на цифровых технологиях» (исключительно область электронных товаров и услуг: телемедицина, дистанционное обучение, продажа медиконтента (кино, ТВ, книги и пр.)). Второй подход – расширенный: «цифровая экономика – это экономическое производство с использованием цифровых технологий». [7]

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы дано такое определение:

«Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.» [8]

Следовательно, можно отметить, что цифровой экономикой можно охватить все то, что поддается формализации, превращению в логические схемы.

Процесс цифровизации всесторонне исследуют аналитики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Они отмечают, что искусственный интеллект стал базой интернета вещей и вытесняет людей с рабочих мест в различных сферах экономики. Однако, при этом не происходит значительного повышения производительности труда в национальных экономиках, исключая отрасли самой цифровой экономики (производство компьютеров, смартфонов, электронных продуктов, программного обеспечения и пр.). Темпы роста производительности труда текущей промышленной революции ниже, чем при каждой из трех предыдущих промышленных революций. [9]

Сейчас достаточно широко используется такой вид работы, как работа «удаленно». Такой вид работы был отмечен еще при первой промышленной революции. С одной стороны, это выглядит привлека-

тельным для работника, так как не требует от него личного присутствия на официальном рабочем месте (например, в офисе), создается иллюзия меньшей зависимости от работодателя. С другой стороны, такие работники, чаще всего, работают по контракту, поэтому, когда контракт заканчивается, исчезает и чувство мнимой свободы, так как возникает необходимость в поиске другого работодателя и заключения нового контракта. Работники при таком положении вещей имеют меньше социальных гарантий от работодателей и государства. Риски в данных ситуациях вынуждены брать на себя сами работники.

Роботизация процессов производства через искусственный интеллект облегчает человеку работу, освобождая его от рутин. Но возникает новая потребность в другом труде – труде, создающем прогресс. Такие две разнонаправленные тенденции способны регулировать только государство. Оно также должно брать на себя роль подготовки общества к преодолению негативных последствий

Важную роль искусственного интеллекта в нашей жизни, несомненно, никто не возьмется отрицать. Вместе с человеческим интеллектом он воздействует на предметы труда. Применение искусственного интеллекта расширяет границы наших возможностей, позволяя высвободить дополнительное время для саморазвития человека, для отдыха. Но одновременно с этим, не может полностью высвободить человека, так как именно человек должен создавать высокотехнологичные продукты.

Поэтому, с экономической точки зрения, цифровизация больше изменяет инфраструктуру экономики, включая рынок труда. При этом отношения между капиталом и трудом сохраняются, требуя вмешательства государства в коррекцию национальных моделей развития экономики.

Выводы:

1. Цифровая экономика – понятие достаточно новое, которое заслуживает внимания исследователей всего мира.
2. В России значимость изучения вопросов цифровой экономики признается как учеными-исследователями, так и представителями бизнеса, поддерживается государством.
3. Единого определения цифровой экономики не существует, но общим для многих определений является то, что цифровой экономикой можно охватить все то, что поддается формализации.
4. Цифровизация развивается очень быстро, сформировав пространство, которое явилось основой глобализации.
5. Свободный доступ к большой части информации любого человека, имеющего доступ к Интернету подключению, создает как преимущества, так и риски с угрозами.

6. Возрастает роль государства как гаранта, устанавливающего «правила игры» в рыночных условиях.

7. Цифровизация снижает с одной стороны социальную защищенность работников на рынке труда, с другой стороны, повышает требования к работникам, способным выполнять высококвалифицированные задачи.

8. С экономической точки зрения цифровизация в большей степени изменяет инфраструктуру экономики (среду ее развития), включая рынок труда.

Исследование вопросов цифровой экономики является актуальным, в дальнейшем будет способствовать нахождению решений, которые помогут противостоять вызовам, рождаемым современной цивилизацией.

Список литературы

1. *Скрипко Д.А., Силантьева А.И., Силантьев И.А., Минасова Н.Р., Казьмина М.С.* Цифровая экономика. Электронный научно-технический журнал. Теория. Практика. Инновации. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.tpinauka.ru/2018/02/Skripko.pdf>
2. *Рудченко Т.И.* Актуальные тенденции, вызовы и риски цифровой революции для современного общества. В сборнике: Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность. Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х т. 2019. С. 141-148.
3. *Don Tapscott.* The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence, McGraw-Hill, 1995. - 342p.
4. *Nicholas Negroponte.* Being Digital: Vintage Books, 1995.
5. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
6. Цифровая экономика. Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0
7. *А. Урманцева.* Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин. РИА Наука. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html>
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 о Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
9. *А.А. Пороховский.* Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации. Труды ВЭО, 218 том, Аналитические материалы МАЭФ – 2019, – с. 353-360

References

1. *Skripko D.A., Silantyev A.I., Silantyev I.A., Minasova N.R., Kazmina M.S.* The digital economy. Electronic scientific and technical journal. Theory. Practice. Innovation Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics. 2018. Electronic resource. Access Mode: <http://www.tpinauka.ru/2018/02/Skripko.pdf>
2. *Rudchenko T.I.* Actual trends, challenges and risks of the digital revolution for modern society. In the collection: Digitalization of the economy and society: problems, prospects, security. Materials of the international scientific-practical conference. In 2 volumes .. 2019.S. 141-148.
3. *Don Tapscott.* The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence, McGraw-Hill, 1995. -- 342p.
4. *Nicholas Negroponte.* Being Digital: Vintage Books, 1995.
5. Message from the President to the Federal Assembly on January 15, 2020. Electronic resource. Access Mode: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
6. Digital economy. Wikipedia Electronic resource. Access Mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0
7. *A. Urmantseva.* Digital economy: how specialists understand this term. RIA Science. Electronic resource. Access Mode: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html>
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.09.2017 No. 203 on the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030. Electronic resource. Access Mode: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
9. *A.A. Porokhovsky.* The evolution of the subject and method of political economy at the dawn of digitalization. VEO Proceedings, Volume 218, IAEF Analytical Materials – 2019, – p. 353-360

УДК 339.976

Чжан Дали,

соискатель Института международных отношений, Казанский федеральный университет, город Казань,
zhangdali@yandex.ru

Кашбразиев Ринас Васимович,

доктор экономических наук, профессор Института международных отношений,
Казанский федеральный университет, город Казань,
rkashbra@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние российско-китайского экономического сотрудничества на региональном уровне. Отмечено, что внешнеэкономическая деятельность регионов играет важную роль в экономическом сотрудничестве государств. Развитие российско-китайского экономического сотрудничества рассмотрено на примере внешнеэкономической деятельности Республики Татарстан, являющейся одним из успешно развивающихся в экономическом и инновационном отношении регионов России. Показана динамика внешнеторгового оборота Республики Татарстан с Китаем в 2015-2019 годах. Произведен анализ объема экспортно-импортных операций за 2015-2019 годы. Рассмотрена доля экспорта Республики Татарстан в Китай в общем объеме экспорта и доля импорта из Китая в Республику Татарстан в общем объеме импорта. Структура экспорта основных товаров из Татарстана в Китай проанализирована на данных 2017 года, ставшего рекордным по объему экспорта татарстанских товаров в КНР. Освещены основные перспективы развития татарстанско-китайского экономического сотрудничества.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, Россия, Китай

Zhang Dali,

PhD candidate, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan,
zhangdali@yandex.ru

Rinas V. Kashbrasiev,

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Institute of international relations, Kazan Federal University, Kazan,
rkashbra@gmail.com

THE CURRENT STATE AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC COOPERATION AT THE REGIONAL LEVEL (CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Abstract. The article considers the current state of the Russian-Chinese economic cooperation at the regional level. It is noted that foreign economic activity of the regions plays an important role in the economic cooperation of countries. The development of Russian-Chinese economic cooperation is considered on the example of foreign economic activity of the Republic of Tatarstan, which is one of the regions of Russia, successfully developing economically and innovatively. The dynamics of the foreign trade turnover of the Republic of Tatarstan with China in 2015-2019 is shown. The analysis of the volume of export-import operations for the years 2015-2019 was made. The share of exports of the Republic of Tatarstan to China in total exports and the share of imports from China to the Republic of Tatarstan in total imports is considered. The structure of exports of basic goods from Tatarstan to China was analyzed on the data of 2017, which was a record in terms of the volume of exports of Tatarstan goods to China. The main prospects for the development of Tatarstan-Chinese economic cooperation are highlighted.

Keywords: economic cooperation, foreign economic activity, foreign trade turnover, export, import, Russia, China

Укрепление экономических позиций Китайской Народной Республики (далее КНР) в Евразийском континенте, где расположены как развитые и развивающиеся страны, так и страны с переходной экономикой, на фоне общего роста КНР в мире вызывает научный интерес. Это определяет актуальность исследования приоритетов КНР в Северной Азии и Восточной Европе с точки зрения изучения тенденций и перспектив построения, а также развития экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

Вопросы российско-китайского сотрудничества к настоящему времени достаточно глубоко изучены. Как отмечается в большинстве научных источников, Китай и Россия как комплементарные экономики обладают огромным потенциалом для развития торгово-экономического сотрудничества [1, с. 67; 2, с. 2328; 3], в том числе в отраслях машиностроения [4, с. 2709], а также для укрепления и развития связей в сфере научно-технологической кооперации [5]. Необходимость дальнейшего развития двустороннего сотрудничества видится в том, что использование потенциала стран со схожими политическими и экономическими интересами является хорошей основой для построения устойчивой модели экономического взаимодействия [6].

В тоже время многие научные исследователи обращают внимание на различия в подходах России и Китая к развитию двусторонних и международных экономических отношений. Так, российский исследователь Комиссаров А.А., анализируя экономические интересы России и Китая, которые они преследуют при развитии двустороннего внешнеэкономического сотрудничества, акцентирует внимание на несовпадении интересов, на различиях «в понимании проблем и ожиданий от российско-китайского сотрудничества у обеих сторон» [7, с. 2488]. Автор критически анализирует российский и китайский подходы к стратегии развития двусторонней кооперации, в том числе обращает внимание на отсутствие у Китая долгосрочного планирования в этой сфере [7, с. 2495]. Хотя, следует отметить, что долгосрочное планирование внешнеэкономической деятельности недостаточно представлено и в России, о чем свидетельствует анализ содержания национальных проектов [8].

Об особых интересах Китая при осуществлении прямых иностранных инвестиций пишет и Самушенко Д.Н., имея в виду интерес китайских компаний к приобретению за рубежом активов в нефтегазовой, сталелитейной и угольной отраслях [9, с. 202]. Благодаря накопленным финансовым ресурсам китайские компании активно приобретают активы в странах, испытывающих нехватку финансовых средств для развития производства, особенно в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, в том числе в России.

Неполное совпадение интересов проявляется и при реализации проекта «Один пояс, один путь». Например, если для России проект «Один пояс, один путь» – это возможность для совместного с Китаем и другими участниками проекта экономического развития [10], то для Китая – это еще и политический и культурный проект, продвижение «китайской культурной ценности» [11, с. 442].

Таким образом видим что, вопросы российско-китайского сотрудничества в современной экономической литературе изучены достаточно глубоко. Однако объем, структура и направления экономического сотрудничества двух стран отличаются высоким динамизмом, и публикуемые на эту тему статьи и научные монографии не в состоянии охватить все его аспекты. К относительно слабо изученным вопросам относится развитие экономического сотрудничества между Китаем и Россией на региональном уровне. Особый интерес представляет экономическое взаимодействие Китая с географически удаленными от него регионами, расположенными в Европейской части России. Таким регионом является Республика Татарстан, один из самых успешно развивающихся в экономическом, внешнеэкономическом и инновационном отношении регион России.

Во внешнеэкономической деятельности России Татарстан принимает активное участие. По показателю «внешнеторговый оборот» Республика занимает 5 место среди субъектов Российской Федерации, а в Приволжском федеральном округе – 1 место [12].

В экономическом сотрудничестве Республики Татарстан с другими странами и регионами внешнеэкономическая деятельность занимает особое место, выступая эффективным инструментом в реализации стратегии социально-экономического развития Республики и поэтапной интеграции ее в мировую экономику. В настоящее время между Татарстаном и азиатскими странами, особенно Китаем, прослеживается широкий диапазон международных связей, которые охватывают разнообразные области общественной и экономической жизни. И можно утверждать, что на сегодня экономическая и культурная жизнь Татарстана без связей с КНР просто не представляется. Происходит существенное возрастание их объемов, постоянное расширение географии, обогащение содержания [13].

В связи с этим, исследование татарстанско-китайских связей позволит не только раскрыть солидный потенциал двустороннего сотрудничества, но и поможет решить ряд важных вопросов, а значит, будет содействовать укреплению взаимопонимания и доверия между Республикой Татарстан и Китайской Народной Республикой.

Целью исследования является изучение современного состояния и перспектив развития татарстанско-китайского экономического сотрудничества.

Гипотеза исследования – татарстанско-китайские экономические отношения (а значит и российско-китайское экономическое сотрудничество на региональном уровне) отличаются высокими темпами роста, динамизмом и стабильностью.

Методы исследования – в качестве методов исследования использованы методы анализа статистических данных, характеризующих динамику объемов экспорта и импорта, такие как сравнение, определение темпов роста и прироста, изменение абсолютных величин и другие.

Результаты исследования. Одной из основных форм экономического сотрудничества Республики Татарстан с Китаем является внешняя торговля.

Внешнеторговый оборот Республики Татарстан с Китаем в период 2015-середины 2020 года можно увидеть в Таблице 1.

Как видно из Таблицы 1, внешнеторговый оборот в 2016 году составил 372527,2 тыс. дол. США, что на 108256,6 тыс. дол. США (или 40,9%) больше по отношению к 2015 году. В 2017 году показатель равняется 565580,8 тыс. дол. США, что на 193053,6 тыс. дол. США (или 51,8%) больше по отношению к 2016 году. В 2018 году внешнеторговый оборот вырос еще на 63378,6 тыс. дол. США (темп прироста 11,2%) Таким образом, прослеживается ежегодное увеличение внешнеторгового оборота, что является положительной тенденцией. Следует предположить, что этому способствовало откры-

тие Генерального консульства Китая в Казани 14 ноября 2016 года. В 2019 году можно увидеть некоторый спад внешнеторгового оборота по сравнению с 2018 годом, однако данные за 1-й квартал 2020 года свидетельствуют о том, что поступательный рост внешнеторгового оборота Республики Татарстан с Китаем будет продолжен.

Динамику внешней торговли между Татарстаном и Китаем можно оценить с помощью анализа экспортно-импортных отношений.

Объем экспорта Республики Татарстан в Китай за 2015-середины 2020 года можно проследить по данным в Таблице 2.

Таблица 2 показывает, что объем экспорта Республики Татарстан в Китай существенно возрос с 2015 по 2017 год. Так, в 2016 году показатель составил 120997,6 тыс. дол. США, что на 54808,9 тыс. дол. США больше по отношению к 2015 году (темп прироста 82,8%). В 2017 году – 260425,8 тыс. дол. США, что на 139428,2 тыс. дол. США (или на 115,2%) больше по отношению к 2016 году. Естественно, после такого взрывного роста, в 2018 году произошла корректировка – товаров было экспортировано на 198192,2 тыс. дол. США, что на 23,9% меньше по сравнению с предыдущим годом. Данная тенденция была продолжена и в 2019 году, однако с 1-го квартала 2020 года экспорт снова пошел в рост (109,5% к первому кварталу 2019 года).

Объем импорта в Республику Татарстан из Китая за 2015-середины 2020 года можно увидеть в Таблице 3.

Таблица 1.

Внешнеторговый оборот Республики Татарстан с Китаем за 2015-2020 годы, тыс. дол. США

Внешнеторговый оборот	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (1-й кв.)	Абсолютное отклонение, +/-			
							2016 / 2015	2017 / 2016	2018 / 2017	2019 / 2018
	264270,6	372527,2	565393,5	628772,1	476360	148800	+108256,6	+192866,3	+63378,6	-152412,1

Источник: составлено автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [14], Портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации [15]

Таблица 2.

Объем экспорта Республики Татарстан в Китай за 2015-2020 годы, тыс. дол. США

Экспорт	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (1-й кв.)	Абсолютное отклонение, +/-			
							2016 / 2015	2017 / 2016	2018 / 2017	2019 / 2018
	66188,7	120997,6	260425,8	198192,2	122075	38500	+54808,9	+139428,2	-62233,6	-76117,2

Источник: составлено автором по данным Татарстанской таможни [16]

Объем импорта в Республику Татарстан из Китая за 2015-2020 годы, тыс. дол. США

Импорт	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (1-й кв.)	Абсолютное отклонение, +/-			
							2016 / 2015	2017 / 2016	2018 / 2017	2019 / 2018
	198081,9	251529,6	304967,7	430579,9	364270,6	110300	+53447,7	+53438,1	+125612,2	-66309,3

Источник: составлено автором по данным Татарстанской таможни [16]

Как видно из Таблицы 3, объем импорта в Республику Татарстан из Китая за 2015-2020 годы имеет тенденцию к возрастанию. Так, в 2016 году показатель составил 251529,6 тыс. дол. США, что на 53447,7 тыс. дол. США (или 26,9%) больше по отношению к 2015 году. В 2017 году – 304967,7 тыс. дол. США, что на 53438,1 тыс. дол. США (или 21,3%) больше по отношению к 2016 году. В 2018 году прирост импорта был равен 125612,2 тыс. дол. США (темп прироста 41,2%). В 2019 году импорт сократился на 66309,3 тыс. дол. США, но в 1-ом квартале 2020 года опять наблюдаем резкий рост (144,6% к первому кварталу 2019 года), при сохранении данных темпов роста объем китайского импорта в Татарстан в 2020 году может стать максимальным за весь наблюдаемый период.

Такое возрастание экспортно-импортных объемов вызвано отсутствием дискриминационных ограничений в торговле и других формах экономического сотрудничества между Россией и КНР, что благотворно сказывается на развитии торговых отношений этих государств.

Доля экспорта Республики Татарстан в Китай в общем показателе экспорта за 2015-2019 годы показана на Рисунке 1.

Рисунок 1 показывает, что доля экспорта Республики Татарстан в Китай в общем показателе экспорта имеет тенденцию к возрастанию (явную тенденцию, если учитывать тенденции 2020 года – 1,44%). Это обусловлено тем, что торговые войны и санкции создали для Татарстана новые уникальные возможности по наращиванию экспорта по новым направлениям, которыми Республика воспользовалась, увеличивая экспортные поставки в восточном направлении. Так, в 2016 году этот показатель составил 1,30%, что на 0,72% больше, чем в 2015 году. В 2017 году – 1,99%, что на 0,69% больше, чем в 2016 году. В 2018 и 2019 годы доля КНР в общем объеме экспорта Республики сократилась до 1,28% и 1,21%, но абсолютные объемы экспорта оставались высокими, превосходя уровень 2016 года на 77194,6 тыс. дол. США и 1077,4 тыс. дол. США соответственно.

Доля импорта в Республику Татарстан из Китая в общем показателе импорта за 2015-2019 годы показана на Рисунке 2.

Как видно из данных Рисунка 2, доля импорта в Республику Татарстан из Китая в общем показателе импорта также имеет тенденцию к росту – от 7,48% в 2015 году до 11,97% в 2019 году, даже можно сказать

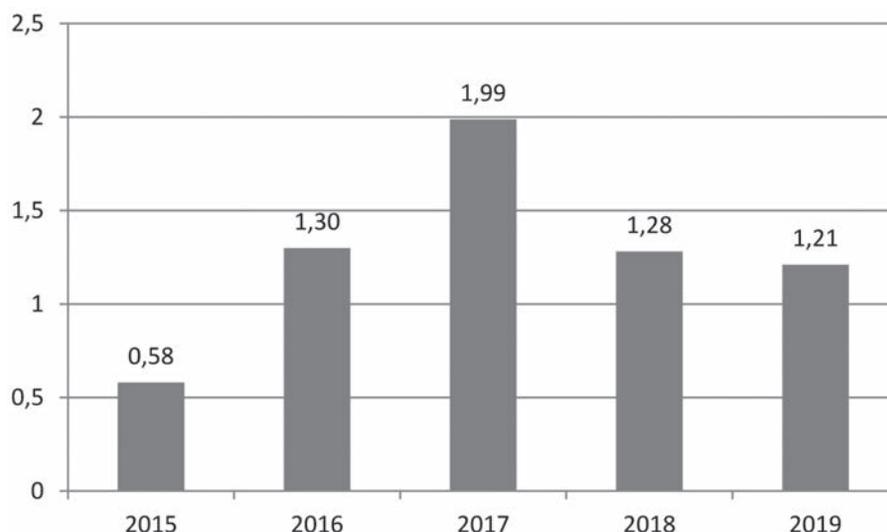

Рисунок 1. Доля экспорта Республики Татарстан в Китай в общем объеме экспорта за 2015-2019 годы, %, (составлено автором по данным Татарстанстата [14])

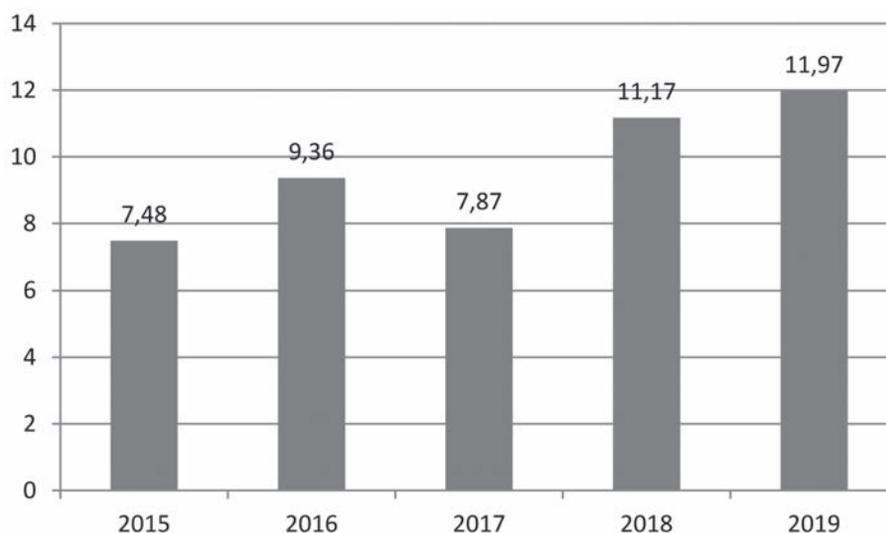

Рисунок 2. Доля импорта в Республику Татарстан из Китая в общем объеме импорта за 2015-2019 годы, %, (составлено автором по данным Татарстанстата [14])

– отчетливую тенденцию к росту, в отличие от татарстанского экспорта в Китай. Вместе с тем, существенное снижение доли импорта из Китая в Татарстан в 2017 году создает картину некоторой неустойчивости китайского импорта в Республику. Так, в 2016 году этот показатель составил 9,36%, что на 1,88% (или 53447,7 тыс. дол. США) больше чем в 2015 году. В 2017 году – 7,87%, что на 1,49% меньше чем в 2016 году, несмотря на то, что объем импорта из Китая и общий объем импорта Республики Татарстан увеличились. Вместе с тем, впоследствии устойчивый рост китайского импорта возобновился, составляя 11,17% (2018 г.), 11,97% (2019 г.) и 15,29% (1 кв. 2020 г.).

Экспорт Республики Татарстан в Китай представлен нефтепродуктами, удобрениями, машиностроительной продукцией, целлюлозно-бумажной продукцией, резинотехническими изделиями, изделиями из пластмассы, туристическими услугами. В перспективе возможно наращивания экспорта судов, плавсредств, моющих и смазочных материалов, шерсти и продукции из нее; оптики, приборов и медицинской техники, вертолетов, комплектующих авиационной техники [17]. Проанализируем структуру экспорта основных товаров из Татарстана в Китай, используя данные 2017 года, который был рекордным по объему экспорта татарстанских товаров в КНР (см. Рисунок 3).

Как видно из Рисунка 3, в 2017 году объем экспорта нефти составил 200,7 тыс. т, нефтепродуктов – 189,5 тыс. т, пластмассы и изделий из нее – 26,8 тыс. т, каучука синтетического – 33,8 тыс. т.

В стоимостном выражении, это – 98,2% экспорта в 2017 году, из них «Пластмассы, каучук и резина» 37,3%. В 2018 году стоимость этих же основных про-

дуктов составила 97,6% экспорта, из них «Пластмассы, каучук и резина» 65,3%.

Что касается товарной структуры импорта из Китая в Республику Татарстан, это – металлы и изделия из них, машины и оборудование, текстиль и другие товары.

Черная металлургия КНР представлена всеми видами собственного сырья и выпуском практически всех видов готовых продуктов. В мире по изготовлению черного металла Китай занимает почетное первое место. Что касается импорта в Республику Татарстан, то в 2017 году из Китая в Республику было импортировано 3,9 тыс. т черного металла (7,9% импорта).

Однако основная доля китайского импорта в Республику Татарстан приходится на машиностроительную продукцию. Поскольку машиностроение КНР характеризуется большим количеством предприятий, которые выпускают конкурентоспособную продукцию, растут объемы китайского экспорта продукции машиностроения в российские регионы. К тому же, Китай является в настоящее время крупнейшим по объемам продаж автомобильным рынком мира [18]. Такие известные бренды как «BYD», «Lifan», «Chang'an», «Geely», «Chery», «Hafei» составляют приблизительно 44% из производимых автомобилей. Поэтому неслучайно, что в 2017 году из Китая в Татарстан импортировано 112 легковых и несколько грузовых автомобилей. Все машины, оборудование, аппаратура составили 51,1% китайского импорта. Доля импортированных товаров из группы «Машины, оборудование и аппаратура» в 2018 году – 45%.

Несомненно, географическая удаленность Республики является сдерживающим фактором для развития крупных поставок из Китая не только про-

Рисунок 3. Объем экспорта основных товаров из Татарстана в Китай за 2017 год, тыс. т., (составлено автором по данным [16])

дукции машиностроения, но и таких товаров, как первичная сельскохозяйственная продукция, промышленное сырье и полуфабрикаты [19].

Географическая удаленность может быть частично компенсирована за счет развития институциональных механизмов международного сотрудничества регионов. Правительством Республики Татарстан проводится большая работа по заключению, обновлению и пролонгации договоров с зарубежными партнерами. При участии министерств и ведомств Республики заключено более 30 документов о сотрудничестве, в том числе Соглашение об установлении партнерских отношений между Республикой Татарстан (Российская Федерация) и провинцией Сычуань (Китайская Народная Республика) [20, 21].

В дальнейшем Республика Татарстан намерена активизировать торгово-экономическое сотрудничество с КНР и заинтересована в продвижении продукции своих предприятий на китайском рынке. Татарстан нацелен на продвижение в Китай такой продукции как грузовые автомобили, вертолеты, суда, газоперекачивающее оборудование, шины, компрессоры, медицинские инструменты и другая машиностроительная и нефтехимическая продукция. Республика заинтересована также во взаимодействии с провинцией Чжэцзян в сфере высоких технологий, электронике, энергетике, биомедицине и по другим направлениям [21].

В Республике при участии Китайской национальной химико-инженерной корпорации построен завод по производству минеральных удобрений «Аммоний». В июне 2014 года было подписано соглашение об участии данной корпорации в строительстве олефинового комплекса на «Нижнекамскнефтехиме». Также Татарстан с целью создания особых экономических зон и технопарков опирается на опыт Китая. Корпора-

ция Haier открыла завод по производству холодильников, также ведется работа по строительству на территории Республики завода этой корпорации по производству стиральных машин и кухонного оборудования. В мае 2017 года на заводе Haier насчитывалось 488 официально трудоустроенных сотрудников – жителей региона. Уровень локализации работы за один год достиг 40%. Кроме того, с целью повышения уровня локализации производства в городе Набережные Челны, была рассмотрена возможность создания первого китайского государственного индустриального парка на территории России в рамках китайской инициативы «Пояс и путь». Налажено сотрудничество с компанией Huawei в области инфокоммуникационных технологий, есть взаимодействие в области нефтехимии, машиностроения, информатизации, сельского хозяйства, строительства и здравоохранения [12].

В ближайшие годы в Республике будут реализованы масштабные инвестиционные проекты – такие, как международный транспортный коридор «Европа – Западный Китай», проходящий через Татарстан, Свяжский межрегиональный мультимодальный центр, строительство высокоскоростной магистрали Москва – Казань. Это хорошая возможность для развития бизнеса с привлечением китайских партнеров.

Для развития российско-китайского экономического сотрудничества на региональном уровне есть большой потенциал, необходимо проводить активную работу над его реализацией [12, 17]. В частности, путем проведения саммитов на уровне министров и отраслевых лидеров, а также аналитических круглых столов по развитию экономических отношений. Учитывая мировой опыт существующих учреждений, целесообразно создать эффективно действующие татарстанские и китайские неправительствен-

ные организации, которые направят свою работу на достижение нового уровня взаимоотношений между Республикой Татарстан и провинциями Китая.

На базе проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. Экономическое сотрудничество Республики Татарстан и КНР, основанное на высоком уровне координации внешнеполитических и дипломатических усилий, а также на согласовании концептуальных внешнеполитических подходов, положительно отображается на показателях экспортно-импортных операций. Внешнеторговый оборот отличается высокими темпами роста, динамизмом и стабильностью. Так, объем экспорта Республики Татарстан в Китай с 2015 по 2019 год существенно возрос. В 2016 году показатель составил 120997,6 тыс. дол. США, что на 54808,9 тыс. дол. США (или 82,8%) больше по отношению к 2015 году. В 2017 году – 260425,6 тыс. дол. США, что на 139428,2 тыс. дол. США (или 115,2%) больше по отношению к 2016 году. В 2018 и 2019 годы товаров было экспортировано меньше по сравнению с рекордным 2017 годом, но в абсолютных цифрах экспорт оставался высоким, превосходя уровень 2016 года и демонстрируя стабильность. Объем импорта в Республику Татарстан из Китая за 2015-2019 годы также имеет тенденцию к возрастанию. Так, в 2016 году показатель составил 251529,6 тыс. дол. США, что на 26,9% больше по отношению к 2015 году. В 2017 году – 304967,7 тыс. дол. США, что на 21,3% больше по отношению к 2016 году. В 2018 году темп прирост импорта был еще значительным – 41,2%. В 2019 году импорт сократился на 66309,3 тыс. дол. США, но в 1-ом квартале 2020 года снова наблюдается значительный рост (144,6% к первому кварталу 2019 года).

2. Доля экспорта Республики Татарстан в Китай в общем показателе экспорта имеет тенденцию к ежегодному возрастанию. Международные торговые войны и санкции создали для Татарстана новые уникальные возможности по наращиванию экспорта в новых направлениях, которыми Республика воспользовалась. Если в 2015 году доля экспорта Республики Татарстан в КНР в общем объеме экспорта составила 0,58%, то уже в 2016 году она достигла 1,30%, оставаясь стабильной величиной (1,28% в 2018 году, 1,21% в 2019 году). Доля импорта в Республику Татарстан

из Китая в общем показателе импорта также имеет тенденцию к росту – от 7,48% в 2015 году до 11,17% в 2018 году и 11,97% в 2019 году.

3. Товарная структура экспорта Татарстана в Китай в 2017 году, ставшим рекордным по объему экспорта татарстанских товаров в КНР, характеризуется следующими основными группами: нефть (200,7 тыс. т.), нефтепродукты (189,5 тыс. т.), пластмассы и изделия из нее (26,8 тыс. т.), каучук синтетический (33,8 тыс. т.). В стоимостном выражении, эти группы товаров дают 98,2% экспорта в 2017 году. В 2018 году стоимость этих же основных продуктов составила 97,6% экспорта, а в 2019 – 96,7%, что свидетельствует об устойчивости товарной структуры экспорта. Что касается товарной структуры импорта из Китая в Республику Татарстан, это – металлы и изделия из них, машины и оборудование, текстиль и другие товары. Однако основная доля китайского импорта в Республику Татарстан приходится на машиностроительную продукцию. Машины, оборудование, аппаратура составили 51,1% китайского импорта в 2017 году, 45% в 2018 году и 51% в 2019 году.

4. Татарстанско-китайское сотрудничество имеет глобальный контекст, потому что дает возможность для обеих стран понять, как управлять силами, которые формируют глобализированный мир, с целью достижения процветания и прогресса. Развитие стратегического партнерства и достижение нового уровня отношений требует усилий обеих сторон и сосредоточения на глобальных проектах: китайская инициатива «Пояс и путь», формирование международного транспортного коридора «Европа – Западный Китай», строительство высокоскоростной магистрали «Москва–Казань», промышленная кооперация в высокотехнологичных сферах и т.д.

5. Стратегический диалог между сторонами следует сделать всесторонним, чтобы способствовать решению важных вопросов татарстанско-китайского сотрудничества в экономической сфере: проведение регулярных встреч на высшем уровне с участием отраслевых лидеров и аналитических круглых столов по развитию экономических отношений, создание институциональных механизмов международного сотрудничества регионов, налаживание постоянного диалога с участием гражданского общества.

Список литературы

1. Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017. – 264 с.
2. *Вартанова М.Л., Дробот Е.В.* Перспективы расширения евразийского пространства в контексте укрепления торгово-экономического и финансового сотрудничества России и Китая // Российское предпринимательство. – 2018. – Том 19. – № 9. – С. 2323-2344.
3. *Суслов Д.В.* Российско-китайские экономические взаимоотношения: текущая конъюнктура // Пространственная экономика. – 2018. – № 4. – С. 139-161.
4. *Гурова И.П.* Торгово-экономические отношения России со странами Шанхайской организации сотрудничества // Экономические отношения. – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 2705-2716.

5. *Беляков Г.П., Беляков С.А., Шпак А.С.* Опыт КНР по реформированию системы стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием // *Экономические отношения*. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 1575-1586.
6. *Дорожкина Т.В., Щербакова Е.С., Гусакова А.А.* Российско-китайские отношения в свете решения стратегических задач РФ // *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет*. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 14. – С. 19-21.
7. *Комиссаров А.А.* Внешнеэкономические интересы России и Китая в двустороннем сотрудничестве: проблемы и рекомендации // *Экономические отношения*. – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 2487-2500.
8. *Балынин И.В.* Как исправить ключевые ошибки подготовки и реализации национальных проектов в российской федерации? // *Аудиторские ведомости*. – 2020. – № 1. – С. 117-119.
9. *Самусенко Д.Н.* Инвестиционные стратегии китайских транснациональных корпораций // *Экономические отношения*. – 2018. – Том 8. – № 2. – С. 193-206.
10. *Выходец Р.С.* Российско-китайские стратегические коммуникации в рамках проекта «Один пояс – Один путь» // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. – 2019. – № 2 (28). – С. 87-92.
11. *Абрамкина М.С.* Политические риски китайского проекта «Один пояс, один путь» // *Экономические отношения*. – 2018. – Том 8. – № 3. – С. 437-444.
12. Об итогах деятельности министерства экономики Республики Татарстан за 2018 год и задачах на 2019 год и на период до 2024 года: Казань, 2019. – 92 с.
13. *Внешние связи Республики Татарстан: Методическое пособие / Т.Ю. Акулов, И.Л. Савельев, И.Р. Насыров* Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2005. – 68 с.
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан – Татарстанстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tatstat.gks.ru/> (дата обращения 05.01.2020).
15. Портал внешнеэкономической информации. Китай. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/analytic_cn/?analytic=17 (дата обращения 05.01.2020).
16. Татарстанская таможня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://customs.tatarstan.ru/rus/> (дата обращения 05.01.2020).
17. Стратегия по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности в республике Татарстан до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/543564776> (дата обращения 05.01.2020).
18. Китай стал крупнейшим авторынком мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infox.ru/news/32/37537-kitaj-stal-krupnejsim-avtorynkom-mira> (дата обращения 05.01.2020).
19. *Кашбразиев Р.В., Товмасын Л.* Роль международных транспортных коридоров в развитии российского рынка логистических услуг // *Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф.: [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; гл. ред. Е. В. Дроботушенко*. – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 66-71.
20. *Насыров И.Р.* Международное сотрудничество регионов. Мировая практика и опыт Татарстана. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – 330 с.
21. *Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан / Под. ред. И. Р. Гафурова, Р. Р. Гиматдинова*. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 472 с.

References

1. *Contemporary russian-chinese relations / Ed. by S.G. Lousianin (Executive editor), A.G. Larin (Compilation), E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina* – Moscow: 2017.
2. *Vartanova, M.L., & Drobot, E.V.* (2018) The prospects for expanding the eurasian space in the context of strengthening trade-economic and financial cooperation of russia and china. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 19(9), 2323-2344. doi: 10.18334/rp.19.9.39331 (in Russian)
3. *Suslov D.V.* Russian-Chinese Economic Relations: Current Situation. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 4, pp. 139–161. DOI: 10.14530/ se.2018.4.139-161. (In Russian).
4. *Gurova I.P.* (2019) Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Rossii so stranami Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva [Trade and economic relations of Russia with the countries of the Shanghai Cooperation Organisation]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 9. (4). – 2705-2716. doi: 10.18334/eo.9.4.41397
5. *Belyakov G.P., Belyakov S.A., Shpak A.S.* (2019) Опыт КНР по реформированию системы стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием [China's experience in reforming the system of strategic planning and management of scientific and technological development]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 9. (3). – 1575-1586. doi: 10.18334/eo.9.3.40857
6. *Dorozhkina T.V., Scherbakova E.S., Gusakova A.A.* RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE LIGHT OF DECISION OF STRATEGIC TASKS OF THE RUSSIAN FEDERATION // *Bulletin of the educational consortium University of Central Russia*. Series: Economics and Management. – 2019.- No. 14. – P. 19-21.
7. *Komissarov A.A.* (2019) Vneshneekonomicheskie interesy Rossii i Kitaya v dvustoronnem sotrudnichestve: problemy i rekomendatsii [Foreign economic interests of Russia and China in bilateral cooperation: problems and recommendations]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 9. (4). – 2487- 2500. doi: 10.18334/eo.9.4.41516

8. *Balynin I.V.* How to Fix Key Mistakes of Preparation and Implementation of National Projects in the Russian Federation? // *Auditorskie vedomosti*. – 2020. – No 1. – С. 117-119.
9. *Samusenko D.N.* (2018) Investitsionnye strategii kitayskikh transnatsionalnyh korporatsiy [Investment strategies of Chinese transnational corporations]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 8. (2). – 193- 206. doi: 10.18334/eo.8.2.39033
10. *Vikhodets R.S.* Russian Chinese Strategic Communications in the Framework of the Project “One Belt, One Road” // *Eurasian integration: economics, law, politics*. – 2019 . – No. 2 (28). – P. 87-92.
11. *Abramkina M.S.* (2018) Politicheskie riski kitayskogo proekta «Odin po yas, odin put» [The political risks of the Chinese project «One Belt, One Way»]. *Ekonomicheskie otnosheniya*. 8. (3). – 437-444. doi: 10.18334/eo.8.3.39280
12. On the results of the activities of the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan for 2018 and tasks for 2019 and for the period until 2024: Kazan, 2019.- 92 p.
13. External Relations of the Republic of Tatarstan: Methodological Manual / T.Yu. Akulov, I.L. Saveliev, I.R. Nasyrov Kazan: Academy of Management «TISBI», 2005. – 68 p.
14. The territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Tatarstan – Tatarstanstat [Electronic resource]. – URL: <https://tatstat.gks.ru/> (accessed 05.01.2020).
15. Portal of foreign economic information. China. [Electronic resource]. – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/analytic_cn/?analytic=17 (accessed 05.01.2020).
16. Tatarstan Customs [Electronic resource]. – URL: <http://customs.tatarstan.ru/rus/> (accessed 05.01.2020).
17. Strategy to ensure favorable conditions for the development of export activities in the Republic of Tatarstan until 2025 [Electronic resource]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/543564776> (accessed 01.01.2020).
18. China has become the largest car market in the world [Electronic resource]. – URL: <https://www.infox.ru/news/32/37537-kitaj-stal-krupnejsim-avtorynkom-mira> (accessed 05.01.2020).
19. *Kashbrasiev R.V., Tovmasyan L.* The role of international transport corridors in development of the Russian market of logistics services // *Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation: proceedings of the international scientific conference* : [3 p.] / Transbaikal State University ; [Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko]. – Chita : Transbaikal State University, 2017.- P. 66-71.
20. *Nasyrov I.R.* International cooperation of the regions. World practice and experience of Tatarstan. – Kazan: Kazan State University, 2007. – 330 p.
21. International and foreign economic relations of the regions of Russia: the experience of the Republic of Tatarstan / Ed. I.R. Gafurov, R.R. Gimatdinov. – Kazan: Kazan University publishing house, 2017. – 472 p.

УДК 338.1

Пантелеева Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой Менеджмента, Институт мировых цивилизаций,
Москва,
tatata070707@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние последствий распространения новой коронавирусной инфекции на функционирование субъектов предпринимательской деятельности агропромышленного сектора Российской Федерации. Управление экономической безопасностью исследуется как системный процесс. В статье отмечаются основные факторы внешней и внутренней среды, формирующие экономическую безопасность агропромышленного предприятия, подчеркивается влияние пандемий на общую экономическую стабильность секторов экономики. Положительная динамика развития агропромышленного комплекса в 2000-2019 годах рассматривается как сформированная база для регулирования негативных направлений и показателей развития агропромышленных предприятий в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией. В качестве негативных факторов, оказывающих влияние на деятельность агропромышленных предприятий, рассматриваются нарушения в транспортно-складской системе. Оценивается роль ускорения продовольственной инфляции, обусловленной девальвацией отечественной валюты, определяется низкий уровень покупательской способности населения, что влечет за собой снижение продаж агропродуктов высокой и средней ценовой категории и увеличение себестоимости продаж. В качестве путей снижения негативного влияния кризиса определяется обнуление ввозных таможенных пошлин на расходные товары, в отношении которых агропромышленный комплекс представляется импортозависимым. Снизить задержки по закупкам и увеличить скорость логистики предлагается путем внедрения цифровых технологий на предприятиях, в том числе путем использования онлайн торговых площадок и электронных бирж.

Ключевые слова: экономическая безопасность, агропромышленный комплекс, риски, пандемия, COVID-19

Tatyana A. Panteleeva,

candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management,
Institute of World Civilizations, Moscow,
tatata070707@mail.ru

IMPACT OF COVID-19 DISTRIBUTION ON THE ECONOMIC SECURITY OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers the impact of the consequences of the spread of coronavirus infection on the functioning of business entities in the agro-industrial sector of the Russian Federation. Economic security management is studied as a system process. The article highlights the main factors of the external and internal environment that form the economic security of an agro-industrial enterprise, and emphasizes the impact of pandemics on the overall economic stability of economic sectors. The positive dynamics of the development of the agro-industrial complex in 2000-2019 is considered as a formed basis for regulating the negative trends and indicators of the development of agro-industrial enterprises in the conditions of the economic crisis caused by the pandemic. Violations in the transport and storage system are considered as negative factors affecting the activities of agro-industrial enterprises. The role of acceleration of food inflation caused by the devaluation of the domestic currency is assessed, the low level of purchasing power of the population is determined, which leads to a decrease in sales of agricultural products of high and medium price categories and an increase in the cost of sales. As a way to reduce the negative impact of the crisis, it is determined to reset import customs duties on consumable goods, for which the agro-industrial complex appears to be import-dependent. It is proposed to reduce procurement delays and increase the speed of logistics by introducing digital technologies for enterprises, including the use of online trading platforms and electronic exchanges.

Keywords: economic security, agro-industrial complex, risks, pandemic, COVID-19

Условия пандемии в том числе определяют специфику функционирования предприятий сельскохозяйственного сектора. В качестве основных проблем можно назвать сокращение продаж, персонала и выручки, рост долговых обязательств перед банками, сокращение инвестиций. Ограничение действия транспортно-логистических цепей повлекло за собой сбои распределительного сектора агропромышленного комплекса, вызвало трудности в снабжении предприятий кормами, удобрениями, пестицидами.

Базисом успешного функционирования любого предприятия и страны в целом является экономическая безопасность. Экономическая безопасность предприятий агропромышленного сектора выступает в качестве фундамента безопасности Российской Федерации и определяется «степенью защищенности от любых угроз извне и внутри самого предприятия, а также возможностью данного предприятия противодействовать данным угрозам» [7]

В качестве основных индикаторов экономической безопасности сектора агропромышленного комплекса (далее АПК) исследователями определяется возможность и способность субъектов предпринимательской деятельности агропромышленного комплекса к непрерывному обеспечению пропорциональности факторов воспроизводства и требуемыми темпами развития в условиях нестабильности и риска [3]

Так Головин А.А. и Пархомчук М.А. в качестве значимых показателей акцентируют внимание на экспортном и импортном объеме продовольствия, а также на размере таможенных пошлин касательно продукции АПК [1]. Не обходят данные авторы стороной и искусственное завышение продажных цен сельскохо-

зяйственной продукции, что в контексте девальвации рубля и скачков ставки рефинансирования «значительно снижает выигрыш предприятий от эмбарго» [2]

Зимин Н.Е. в качестве тормозящего фактора достижения экономической безопасности агропромышленных предприятий в современных условиях выделяет «наличие диспаритета цен, который ежегодно отмечается отечественной статистикой на уровне 10 % и выше» [4]

Таким образом, формирование экономической безопасности сектора АПК является сложным системным процессом, включающим в себя учет большинства факторов внешней и внутренней среды. При этом неблагоприятные экономические условия функционирования в контексте с нестабильностью природных явлений усложняют управление стабильностью субъектов предпринимательской деятельности агропромышленного комплекса, в чем сходятся большинство исследователей.

Следует отметить, что до начала пандемии сектор АПК в Российской Федерации характеризовался положительной динамикой развития. В качестве положительных факторов, оказывающих влияние на показатели, выступали высокий уровень государственной поддержки, наращивание собственного производства, позволяющее увеличить экспорт на фоне низкого курса отечественной валюты. Все это позволило расширить перечень экспортируемой продукции с классических для РФ зерновых и подсолнечного масла до мяса птицы и различных видов сахаров.

Динамика роста объемов сельскохозяйственной продукции представлена на Рисунке 1.

Положительную динамику соответственно демонстрирует и индекс производства аграрной продукции (Рисунок 2)

Рисунок 1. Динамика роста объемов сельскохозяйственной продукции в 2000-2019 годах, млрд руб., (по данным Федеральной службы государственной статистики РФ)

Индекс производства продукции сельского хозяйства

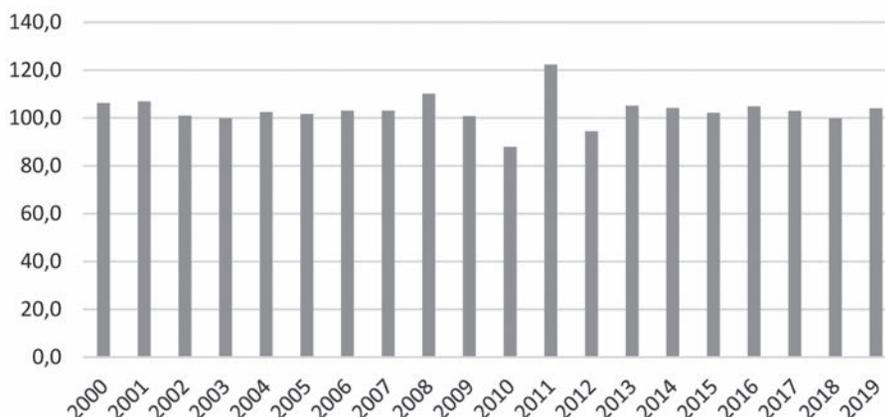

Рисунок 2. Динамика индекса производства сельскохозяйственной продукции 2000-2019 годах (по данным Федеральной службы государственной статистики РФ)

Основным драйвером сектора АПК по итогам 2019 года можно уверенно считать растениеводство, продемонстрировавшего прирост объема производства на 6,1%, сектор животноводства продемонстрировал более низкую, но все же положительную динамику – 1,6%. Высокие показатели по итогам 2019 года отмечены в сфере сбора зерновых и подсолнечника – 6,5% и 18,4% соответственно. Прирост объемов сбора сахарной свеклы (20,7%), в том числе, за счет повышения урожайности, позволил нарастить экспортные объемы сахаров.

Положительные показатели динамики позволили РФ по ключевым показателям продовольственной безопасности констатировать достаточный уровень самообеспеченности. При дальнейшем росте валового продукта в АПК и увеличении числа экспортных рынков можно с достаточной долей уверенности говорить о дальнейшем положительном развитии отрасли. Так, производители молочной продукции в меньшей степени подвержены колебаниям цен на переработку, поскольку большая часть контрактов на сегодня функционирует в категории cost+. Растениеводство, как отрасль с экспортной ориентацией и характеризующаяся не очень длительным циклом на фоне понижения курса рубля, останется на своем уровне, а при увеличении экспорта – превзойдет показатели 2020 года.

Положительным моментом является и заверченный закуп семян, при этом крупнейшие семенные компании фиксировали продажные цены в рублях для продаж текущего сезона, что обеспечило возможность сельхозпроизводителям произвести закупку без учета влияния скачков валют.

Следует отметить и снижение рисков в сфере закупок сельскохозяйственных удобрений. Заклю-

ние значительного числа контрактов зимой 2020 года позволило многим сельскохозяйственным предприятиям зафиксировать покупную цену, что снизило влияние девальвации рубля на итоговую себестоимость агропродукции.

При этом, влияние кризисных явлений, вызванных пандемией, является очень ощутимым в секторе АПК.

Основные факторы, оказывающие негативное влияние на исследуемую отрасль, отражены на Рисунке 3.

Отрицательные последствия влияния распространения COVID-19 в первую очередь затронули рыбные хозяйства, отрицательно сказываясь на всей производственно-сбытовой цепи. Меньшей угрозой подвергаются производители зерновых и молочной продукции, однако, тревожные сигналы идут и от представителей компаний этих крупнейших отраслей.

В особенно сложных финансовых условиях в текущий момент функционируют небольшие фермерские хозяйства, в том числе ориентированные на уличную торговлю и обеспечение сектора общепита.

К самому сильному по уровню негативного воздействия фактору относится ускорение продовольственной инфляции, обусловленной девальвацией отечественной валюты. Цены на импортные комплектующие для агротехники и перерабатывающих комплексов, импортные препараты (ветеринарные, химикаты, удобрения) оказывают влияние на все направления АПК, причем, если на работу производителей молочной продукции они влияют опосредованно, то для производителей зерновых и животноводства это влияние будет проявляться в большей степени. Несмотря на стратегию импортозамещения, в аграрных хозяйствах используется высокая доля импортного оборудования и техники не отечественного

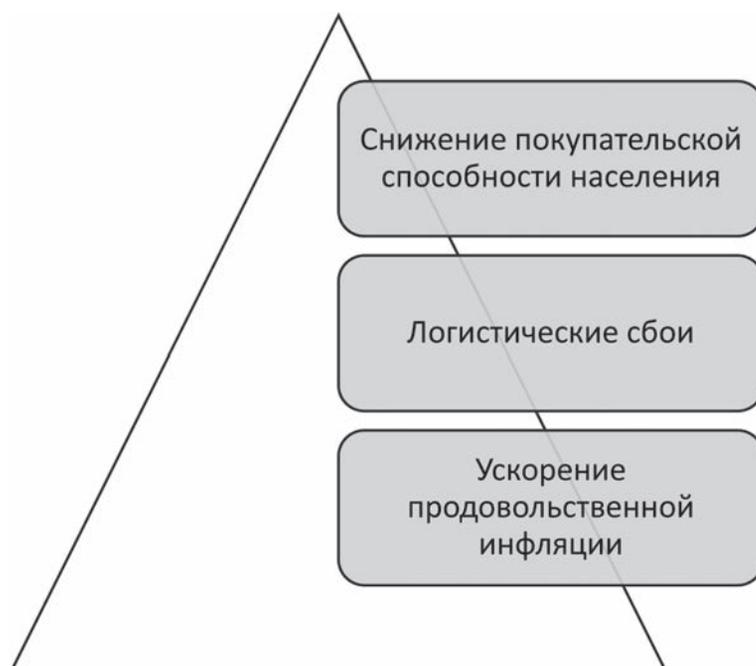

Рисунок 3. Факторы, снижающие уровень экономической безопасности предприятий сектора АПК в условиях пандемии

производства. Достаточный процент оборудования представляет собой синтез отечественных и зарубежных составляющих. Снижение курса рубля влечет за собой увеличение сумм на обслуживание импортной техники и закупку запчастей. Увеличение себестоимости продукции за счет увеличения издержек в рамках сниженной покупательской активности населения может оказать серьезное влияние на экономическую безопасность субъектов предпринимательской деятельности агропромышленного комплекса РФ.

Снижение покупательской способности населения в контексте переориентации на товары первой необходимости конечно в меньшей степени затронет сектор АПК по сравнению с иными секторами производства в РФ, например по сравнению с сектором общественного питания или услуг. При этом следует помнить об ограничении сроков годности товаров, производимых субъектами предпринимательской деятельности АПК. И если производителей зерновых это коснется в меньшей степени, то компании, ориентированные на производство дорогих фруктов, мяса, рыбы, скоропортящихся салатов, окажутся в условиях, далеких от финансовой стабильности.

Серьезный удар в период распространения COVID-19 был нанесен по всей логистической цепи. Снижение общего числа перевозок, временная самоизоляция, ограничение на въезд и выезд на территорию РФ и территории других стран, сложности с контролем состояния водителей и рабочих складов, переполненность складских помещений из-за отсутствия работающих точек продаж – привело ситу-

ацию к временному коллапсу. На сегодняшний день, ситуация все еще остается достаточно напряженной. Отсутствие или сокращение реализации товаров в контексте ограниченных сроков годности – нанесло серьезный урон агрокомпаниям. И если крупные холдинги смогли выйти с меньшими потерями, перераспределив собственные транспортные каналы и складские помещения, то фермерские хозяйства оказались в практически безвыходной ситуации.

Сектор АПК в условиях распространения COVID-19 нуждается в действенных антикризисных мерах. Следует отметить, что бюджет России на 2020-2022 годы включает дополнительное финансирование программы развития агропромышленного комплекса в объеме более 300 млрд руб. ежегодно.

В качестве основных факторов поддержки агропроизводителей выступают внедрение модернизации предприятий, позволяющих выйти на высокие уровни производительности в контексте сокращения издержек на обслуживание и энергозатраты. Высокоэффективное увеличение мощности, как индикатор роста уровня предприятий АПК, отмечают в своих исследованиях Щепакин М.Б. и Хмельницкая С.В [9]. Значимость роли государственной поддержки отмечает в своих трудах и Матюшкина И.А. [6]

Пути повышения экономической безопасности предприятий АПК в условиях распространения COVID-19 представлены на Рисунке 4.

Одной из мер поддержки со стороны государства выступает «обнуление» ввозных таможенных пошлин. Следует отметить, что данная мера имеет дву-

Рисунок 4. Пути повышения экономической безопасности предприятий АПК в условиях распространения COVID-19

направленное действие. Так, для тех направлений, где импортозависимость остается значимой (препараты для ветеринарии, оборудование для уборки и переработки продукции, запасные части для техники) она создает возможность снижения себестоимости издержек в контексте девальвации рубля и, в итоге, снижения продажной цены продукции. При этом, отечественные производители товаров тех же категорий окажутся в ситуации повышения конкуренции со стороны иностранных компаний, что крайне нежелательно при учете соотношения цена-качество. Снижение спроса на отечественные комплектующие на фоне снижения цены импортных повлечет сильнейшее падение доходов отечественного сектора. Обнуление ввозных пошлин негативно скажется и на рыбных хозяйствах, для которых открытие границ чревато увеличением числа импортных продавцов с низкой отпускной ценой и невысоким уровнем качества продукции.

Таким образом, данная мера тактически позволит обеспечить снижение себестоимости производства агротоваров за счет снижения цен на материально-техническое обслуживание АПК, при этом нулевые таможенные пошлины на готовую сельхозпродукцию представляются необоснованным решением, увеличивающим нагрузку на отечественных предпринимателей, итак находящихся в условиях финансовой нестабильности и высокого риска.

Акцентирование внимания руководителей предприятий АПК на внутрихозяйственном контроле является необходимым в стесненных экономических

условиях. Согласно мнению Лосевой А.С., Коробкиной А.В. и Копыловой Е.С., это позволит «своевременно выявить возможные противоречия и зарождающиеся угрозы» [5].

Не менее важным представляется дальнейшее развитие внедрения цифровых технологий субъектами предпринимательской деятельности АПК.

Активное использование цифровых коммуникаций позволяет своевременно производить закупки и фиксировать закупочные цены [8]. Одним из примеров таких платформ является торговая онлайн-платформа «ФосАгро». Значимым представляется и развитие электронных биржевых торгов на товарно-сырьевых биржах, регулирующих направленность закупочно-логистических процессов крупных производителей.

Заморозка ставок кредитования может выступать как регулятором государства, так и методом стимулирования продаж от поставщиков предприятий АПК. В условиях кризиса отсрочка платежа на 1 год и инфляционные издержки при сохранении клиента является более выгодным актом, чем потеря клиента. Подобные антикризисные программы и сейчас есть у крупных производителей техники, и предполагается, что подобная практика в случае расширения ореола ее распространения, будет вносить ощутимый вклад в поддержку сектора АПК в условиях распространения COVID-19.

Последствия пандемии отразятся и в переориентации некоторых производителей на другие, менее затратные культуры. Замена составляющих на более удобные по цене может повлечь за собой снижение

качества продукции, поскольку снижение покупательской способности располагает к поставкам на рынок товаров низкой и средней ценовых категорий. При этом, влияние распространения COVID-19 может быть и продуктивным. С учетом режимов самоизоляции в Европе, закрытия границ для временных рабочих, Россия может нарастить экспортные поставки.

Таким образом, формирование экономической безопасности как отдельных субъектов предпринимательской деятельности агропромышленного сектора экономики, так и всего сектора в целом является сложным системным процессом, учитывающим большинство факторов внешней и внутренней среды. Неблагоприятные экономические условия функционирования в контексте с нестабильностью природных явлений,

снижают управляемость экономической стабильностью предприятий. Распространение COVID-19 повлекло за собой значительный экономический кризис, под воздействием которого оказались и предприятия сектора АПК в Российской Федерации. Основными факторами, оказывающими негативное воздействие на безопасность АПК, являются логистические сбои, ускорение продовольственной инфляции на фоне девальвации рубля и снижение покупательской способности населения. В качестве компенсационных мер могут выступать обнуление таможенных пошлин, развитие цифровых технологий в формате онлайн торговых площадок и электронных бирж, заморозка кредитования и стимулирование экспорта товаров, производимых предприятиями агропромышленного сектора РФ.

Список литературы

1. Головин А.А., Пархомчук М.А., Головин А.А. Критерии оценки внешних условий, формирующих экономическую безопасность регионального АПК Успехи современной науки. 2017. Т. 4. № 3. С. 149-151.
2. Головин А.А., Пархомчук М.А., Головин А.А. Оценка факторов, формирующих внутреннюю экономическую безопасность предприятий АПК региона Вестник АПК Верхневолжья. 2017. № 2 (38). С. 59-63.
3. Данилова С.Н. Устойчивое развитие АПК как элемент экономической безопасности территории В сборнике: Экономическая безопасность России: вызовы XXI века материалы международной научно-практической конференции. отв. ред. И.А. Сушкова. 2016. С. 60-67.
4. Зимин Н.Е. «Современные тенденции воспроизводства экономических отношений и обеспечения экономической безопасности организаций АПК» В сборнике: Качество управленческих кадров и экономическая безопасность организации. Тринадцатые Ходыревские чтения Сборник материалов национальной научно-практической конференции. под ред. В.Н. Ходыревской. 2019. С. 313-317.
5. Лосева А.С., Коробкина А.В., Копылова Е.С. Внутрихозяйственный контроль и оценка рисков в системе обеспечения экономической безопасности предприятий АПК В сборнике: Научные достижения и открытия 2017. С. 66-68.
6. Матюшкина И.А. Продовольственная безопасность в системе обеспечения экономической безопасности АПК России В сборнике: Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 278-283.
7. Пантелеева Т.А. Обеспечение экономической безопасности промышленной корпорации (в системе АПК) путем управления кадровыми рисками Экономика и социум: современные модели развития. 2018. Т. 8. № 1 (19). С. 97-108.
8. Пантелеева Т.А., Бойков А.И. Анализ внедрения цифровых технологий в деятельность предприятий агропромышленного сектора экономики на примере использования онлайн-касс Вестник Академии права и управления. 2020. № 1 (58). С. 94-98.
9. Щепакин М.Б., Хмельницкая С.В. Модернизация предприятий АПК как фактор обеспечения продовольственной и экономической безопасности России Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2018. № 6. С. 470-485.

References

1. Golovin A.A., Parkhomchuk M.A., Golovin A.A. Criteria for assessing the external conditions that form the economic security of the regional agro-industrial complex Successes in modern science. 2017.V. 4. No. 3. P. 149-151.
2. Golovin A.A., Parkhomchuk M.A., Golovin A.A. Assessment of factors forming the internal economic security of agricultural enterprises in the region. Vestnik of the agricultural sector of the Upper Volga region. 2017. No. 2 (38). S. 59-63.
3. Danilova S.N. Sustainable development of the agro-industrial complex as an element of the economic security of the territory. In the collection: Economic Security of Russia: Challenges of the 21st Century Materials of an International Scientific and Practical Conference. Hole ed. I.A. Sushkova. 2016.S. 60-67.
4. Zimin N.E. «Current trends in the reproduction of economic relations and ensuring the economic security of agricultural organizations» In the collection: The quality of managerial personnel and the economic security of the organization. Thirteenth Khodyrev readings Collection of materials of the national scientific-practical conference. under the editorship of V.N. Khodyrevsky. 2019. S. 313-317.

5. *Loseva A.S., Korobkina A.V., Kopylova E.S.* On-farm control and risk assessment in the system of ensuring the economic security of agricultural enterprises In the collection: Scientific achievements and discoveries 2017. P. 66-68.
6. *Matyushkina I.A.* Food security in the system of ensuring economic security of the agro-industrial complex of Russia. In the collection: Management of socio-economic systems and legal research: theory, methodology and practice. Materials of the international scientific-practical conference. 2017.S. 278-283.
7. *Panteleeva T.A.* Ensuring the economic security of an industrial corporation (in the agro-industrial complex system) by managing personnel risks Economics and society: modern development models. 2018. Vol. 8. No. 1 (19). S. 97-108.
8. *Panteleeva T.A., Boykov A.I.* Analysis of the introduction of digital technologies in the activities of enterprises in the agro-industrial sector of the economy by the example of the use of online cash desks Vestnik Academy of Law and Management. 2020. No. 1 (58). S. 94-98.
9. *Schepakin M.B., Khmel'nitskaya S.V.* Modernization of agribusiness enterprises as a factor in ensuring food and economic security of Russia Electronic network political journal «Scientific works of KubGTU». 2018. No. 6. S. 470-485.

УДК 338.48; 316.728

Туров Ростислав Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры Философии и социально-гуманитарных наук,
Государственный аграрный университет Северного Зауралья, город Тюмень,
turov.rostislav@yandex.ru

МЕТОД АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА

Аннотация. Статья посвящена особенностям применения акторно-сетевой теории в исследованиях сельского туризма как особого вида туризма. Показаны основные преимущества данной методологии. Автор делает вывод, что несмотря на сравнительную популярность и исследовательский интерес к акторно-сетевой теории в России, можно констатировать определенный дефицит публикаций. Анализ зарубежных статей позволяет сделать вывод, что применение акторно-сетевой теории плодотворно не только для определения содержания отношений, характеризующих сельскую повседневность в аспекте туристской деятельности, но и для построения перспективных планов территориального развития.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, актор-сеть, сельский туризм, туризм, актант, актор, перевод

Rostislav S. Turov,

candidate of Philosophy, Associate Professor Department of Philosophy and Social Sciences,
State Agricultural University Northern Trans-Urals, Tyumen,
turov.rostislav@yandex.ru

ACTOR NETWORK THEORY METHOD IN RESEARCHES OF RURAL TOURISM

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of applying the actor-network theory in studies of rural tourism as a special type of tourism. The main advantages of this methodology are shown. The author concludes that, despite the comparative popularity and research interest in actor-network theory in Russia, a certain shortage of publications can be noted. An analysis of foreign articles allows us to conclude that the use of actor-network theory is fruitful not only for determining the content of relations that characterize rural everyday life in the aspect of tourism activity, but also for building long-term plans for territorial development.

Keywords: actor-network theory, actor network, rural tourism, tourism, actant, actor, translation

Сельский туризм как социокультурное (и, в каком-то смысле, экономическое) явление не существует в отрыве от понятий сельской культуры и сельской повседневности. Ранее в опубликованных научных работах автора была показана важность исследования сельской культуры и повседневной сельской жизни как ключевого составляющего признака сельского туризма при формировании туристского продукта и туристского интереса, а также показана основная проблематика, так или иначе связываемая с экзотизацией местного сообщества и территориально-специфических практик. [3]

Однако важным остается вопрос - существуют ли методы исследования сельской культуры в целом и сельского туризма в частности, при помощи которых можно будет определить их содержательные характеристики, оценить текущее состояние, выявить соотношение с прочими явлениями общественной

жизни? Предполагая положительный ответ на данный вопрос, заметим, что определенный потенциал здесь имеет изначальный подход, строго не разделяющий научные методы на методы отдельных наук, построение каких-либо иерархий научного знания, выбора конкретных дисциплин. Комплексный, сложный характер современных процессов и явлений подталкивает к отходу от жесткого противопоставления методов, например: культурологии и истории методам социологии и экономических исследований. Важность приобретает фокусировка не столько на предмете исследования, сколько на комплексе проблем. В этих условиях меняется не только подход к самим исследованиям, к их организации, но и к выбору методологий исследований, их разработке и оценке потенциала применительно к изначальной проблеме, да и сам метод, будучи разрабатываемым в таких условиях, становится все более универсальным в понимании

его независимости от какой-либо научной дисциплины. На наш взгляд, это характерно для метода познания, применяемого в акторно-сетевой теории (далее АСТ), активно разрабатываемой Бруно Латуром и его последователями по всему миру. Её положения все чаще применяются в отношении широкого спектра проблем, выходящих за рамки собственно социологических исследований и изучения науки и технологий (что поначалу выступало приоритетным направлением, «колыбелью» метода) в сторону все большего охвата явлений и практик. По всей видимости, это то самое плодотворное доказательство «важности междисциплинарного подхода», что стало уже общим местом множества гуманитарных исследований.

Целью статьи выступает формирование авторской оценки потенциала методологии акторно-сетевой теории Бруно Латура применительно к проблематике исследований сельской культуры как ключевой составляющей сельского туризма.

Материалы и методы. Для решения сформулированной системы задач целесообразно указать на следующее. Методология АСТ является сравнительно новой для российских гуманитарных исследований, тем более, для исследований, связанных с проблемами развития сельской местности. Это обстоятельство определяет необходимость обращения к новейшим научным публикациям, посвященным тематике акторно-сетевой теории, её критике и возможностям применения для поддержания методологического инструментария и представлений о содержании теории в актуальном состоянии. Также следует учитывать, что в зарубежных публикациях акторно-сетевая теория как в отношении исследования проблем туризма, так и в целом, получила значительно более серьезную и давнюю разработку.

Другим обстоятельством, на которое следует обратить внимание, выступает система отношений «частное-общее», когда речь заходит об использовании методологии АСТ применительно, во-первых, к сфере туризма, во-вторых, к сфере сельской культуры. Сельский туризм является частным по отношению к явлению туризма, сельская культура – частным по отношению к культуре вообще. Это определяет тематический круг вовлекаемых в исследование источников, позволяющий учитывать как общие, так и частные аспекты данного явления, понимать его в комплексе взаимосвязей.

Результаты и обсуждение. Акторно-сетевая теория акцентируется на «относительной материальности» нашей среды, что, в свою очередь, основывается на постструктуралистской семиотике Фуко. Определяющей особенностью АСТ выступает принцип общей симметрии, предполагающий отрицание принципиальной разницы между классами субъектов, будь то предметы естественного или искусственного проис-

хождения, локальными или глобальными явлениями. Ключевым является процесс построения и консолидации данных объектов в действующие сети. Мир в понимании АСТ предстает в виде сети разнородных отношений между людьми и «не-людьми», понимаемыми как акторы всевозможных сетей отношений (подробнее см. об этом, напр. в [2]). В России всплеск интереса к АСТ прослеживается с середины 2010-х годов.

Одно из первых упоминаний перспективного характера АСТ применительно к исследованиям, связанным с местным сообществом, содержится в работе Д. Мердока, посвященной пониманию местного сообщества как сети, опубликованной им в 2000 году. Автор указывает на необходимость многомерного представления связей, которые возникают при функционировании агропромышленного сектора, для чего акторно-сетевая теория подходит наилучшим образом. Применение сетевого подхода в агропродовольственном секторе позволяет привлечь внимание к тому, как различные экономические, социальные, технические и природные ресурсы объединяются в цепочках агропромышленного производства и показывает, как сети взаимодействуют с различными компонентами, которые «конфигурируют» сельское пространство. Традиционные экономические методы анализа производственных цепочек не подходят в данном случае, так как, во-первых, не учитывают возможности для роста несельскохозяйственного сектора, во-вторых, склонны упрощать происходящие в сельской местности явления [8]. Отметим, что сельский туризм как раз-таки выступает подобной возможностью несельскохозяйственного экономического роста, который может обеспечить развитие территории.

Потенциал применения АСТ к проблематике туризма является предметом научного интереса исландского исследователя Гуннара Йоханессона. В статье, вышедшей в 2005 году, автор рассуждает в том ключе, что в исследованиях туризма только относительно недавно появился подход, который автор называет поворот к перформативности (“performance turn” в терминологии Йоханессона) согласно которому туризм должен рассматриваться как многомерная пространственная практика, включающая культурные, материальные и социальные элементы. Чтобы понять развитие туризма, как туризм осуществляется в определенных местах, становится логичным взглянуть на упорядочение отношений в сфере туризма, что и делает АСТ методологически ценным инструментом. В особенности ученый указывает на следующие два момента, которые формируют потенциал теории. Первый заключается в плодотворном характере идеи «перевода», исходя из которой АСТ подчеркивает, что для понимания самого объекта необходимо рассматривать его в становлении, в движении,

а не начинать с того эффекта, который даёт объединение в сети. Второй момент заключается в том, что АСТ предполагает исследование взаимопересечения различных пространств, потому что некая местность в глазах туриста возникает как пересечение разных пространств. «Перевод» касается практик движения в пространстве, поэтому туристскую дестинацию (термин, который широко применяется в индустрии туризма при описании сложной совокупности опыта, места и организации времени) следует понимать как конечный результат действия актор-сетей, в основе которого лежит рекурсивный процесс перевода. Понимание данного процесса даёт возможность продвигаться в понимании того, как работает туризм[7].

Развивая авторскую мысль, в работе уже 2013 года Йоханессон с соавторами анализирует плодотворные исследования туризма в русле АСТ. Он рассуждает о том, что данная методология предлагает принципиально новый способ описания туризма путем критического исследования его онтологических условий. Автором выделяются следующие преимущества АСТ применительно к построению таких условий и формированию общей направленности исследований:

- способность выявлять непредвиденные обстоятельства и деконструировать обычные категории анализа, основанные на здравом смысле, что показывает сложность отношений туризма, а не упрощает их. Иными словами, вопросы, относительно которых, как кажется, было достигнуто согласие, при помощи данной методологии снова проблематизируются;

- эволюционный характер метода: если ранние исследования туризма с применением методологии АСТ предполагали воспроизведение традиционного понимания роли определенных субъектов, формирующих сетевой порядок, то более поздние исследования позволили выявить тех субъектов актор-сети, которые играли значимую роль в создании порядка сети. Предполагается, что связи и актор-сети могут формироваться на разных уровнях и в разных пространствах (экономических, культурных, транспортных и т.д.). В данном случае значение приобретает условие множественности сетей, которое предполагает, что явления, такие как, например, туризм, могут проявляться в различных формах и порядках. Раскрытие различных версий этих порядков и отношений, как возникают эти связи – все это формирует ядро будущей программы исследований, основанных на АСТ;

- восприятие предметов с точки зрения их активности, «перформативности» позволяет АСТ сгладить остроту противоречия между объективным и субъективным знанием: реальность постигается через совокупность отношений между объектами, не столь важно, насколько они реальны, реальное полагается таковым до тех пор, пока существует в сети и понимается как реальное её акторами.

Все эти обстоятельства приводят ученого к выводу, что применение данной методологии потенциально обеспечивает более сложное понимание отношений, которые создают и делают возможным сам туризм, его участников, объекты, разные культуры и идентичности, что реализуется не только в специальных исследованиях, но также и в практике управления и продвижения туристской дестинации[6]. Иными словами, авторам удалось показать практикоориентированный характер методологии АСТ применительно к явлению туризма: он выступает не только как инструмент исследователя, движимого различными по своей природе интересами, но и как метод, позволяющий принимать решения всем заинтересованным в развитии туристского продукта лицам, к которым могут относиться представители бизнеса, власти и обществ.

Одной из первых работ, где акторно-сетевая теория упоминается применительно к проблематике сельского туризма, выступает диссертационное исследование 2002 года под авторством Жанин Калдерс, где автор характеризует акторно-сетевой подход к сетям как потенциальное направление исследований. При исследовании конкретных случаев организации сельского туризма в Оверне (Франция) и Нидерландах автор обращается к применению сетей в отношении данного процесса как противоположности метода иерархий. Ученый вводит понятие «качество сельской территории», но так как оно не может быть определено объективно, предлагает подходить к нему с точки зрения различных вовлеченных сторон, чему и отвечает сетевой подход. В результате был сделан вывод, что при разработке программ развития сельских территорий, важно исследовать и описывать местное сообщество с позиции представленности его в качестве многомерной сети [5].

Специфика современных исследований сельского туризма в контексте развития АСТ предполагает ярко выраженный локальный характер таких работ – это означает, что все публикации на данную тему предполагают анализ весьма конкретных ситуаций, специфичных для данной местности. Применительно к проблематике сельского туризма и использования АСТ можно выделить достижения китайских исследователей, что в немалой степени объясняется развитием туризма и заявляется как один из приоритетов этой страны. В качестве одного из примеров можно привести результаты исследования Г. Танга с соавторами. В ходе работы авторам удалось построить актор-сеть, где акторами выступили местные власти, местные сельские жители, вовлеченные в ежедневные процессы выпаса своего рогатого скота в районе рисовых террас в Южном Китае, которые являются объектами культурного наследия ЮНЕСКО и одновременно дестинацией сельского туризма и

местом традиционного сельского хозяйства. Проблематику исследования сформировали практики традиционного, но противоречащего правилам санитарии содержания скота рядом с жилищем. При помощи АСТ исследователями были определены возможные варианты изменения расположения стойл, при которых, во-первых, возможно снижение вероятности распространения заболеваний (зоонозов) и повышение качества жизни местных жителей, во-вторых, построение таких маршрутов выпаса скота, которые бы сохраняли специфику местности и отвечали представлениям туристов о сельской местности, сохраняя их при этом от риска заразиться заболеваниями, переносимыми животными. Учеными были выделены акторы-люди (жители, туристы, правительство) и не-люди (стойла, животные, дома), на основании чего затем были построены возможные способы взаимодействия акторов между собой [9].

Другое исследование с применением методологии АСТ, касающееся развития одной из китайских приграничных деревень в провинции Ляонин, было проведено Л. Чжэном. Автор, исследуя процесс перевода, приходит к выводу, что он может преобразовывать деятельность различных гетерогенных акторов в актор-сеть при развитии сельского туризма. По сути, перевод представляет собой преобразование действия данных акторов в построение актор-сети сельского туризма. Посредством развития производства и продажи традиционных продуктов питания, участия в мероприятиях, организации досуга и защитных мер строительство сети участников сельского туризма способствует интеграции между городом и деревней и трансграничной туристической деятельности, включая строительство приграничной зоны свободной торговли. Эти процессы позволяют использовать сельский ландшафт пограничной зоны как своеобразный фактор производства благодаря комплексному развитию сельских районов, ориентированному на туризм [10].

Резюмируя, можно сказать, что упомянутые китайские исследования в значительной степени фокусируются на использовании потенциала АСТ для согласования интересов государства, местных жителей и инвесторов, что объясняется спецификой китайской экономики и направленностью исследований.

Что касается российского опыта использования методологии АСТ применительно к сфере туризма, то можно заметить, что при исследованиях сельского туризма данная методика не используется. В то же время, потенциал методологии актор-сетей осмысливается применительно к иным комплексным проблемам. В этой связи, хотелось бы упомянуть о такой особенности метода как наглядность. Актор-сети предполагают возможность графического их отражения, в частности, с использованием принятой нотации RDF, как об этом пишут А.А. Целых и М.А. Дедулина [4].

Данное представление позволяет наглядно отразить связи между акторами в сети, топографически отразить данные отношения. Свойство наглядности важно, так как материалы исследований сельского туризма могут быть использованы в деятельности органов исполнительной власти субъектов и муниципального управления: при иллюстрации планов развития отдельных сельских территорий, а также целых хозяйственных комплексов регионов и межрегиональных туристических кластеров.

Также нужно сказать, что теория АСТ разделяется не всеми исследователями-социологами. Одной из альтернатив выступает онтология имматериализма Грэма Хармана. Принципиальное отличие этого подхода заключается в отходе в процессе познания от понятия перформативности, подвижности вещи как обязательного свойства её существования. Напротив, Харман полагает, что вещь реальна тогда, когда она стабильна. Этот взгляд, вероятно, лучше подходит для исследования сельской культуры как ориентированной на постижение вещи в стабильно существующем её статусе, а не в ходе постоянной изменчивости и текучести (как понимает основную позицию противоречия двух подходов М.В. Витушко [1]). Однако следует понимать, что сельская культура помимо признака стабильности также обладает свойством текучести, изменчивости, впрочем, как и любая другая. Вероятно, успешным будет то исследование сельского туризма, в котором ученому удастся сформировать такую методологию, которая сможет разбить проблему на объекты так, чтобы они одновременно могли быть описаны с позиции стабильности имматериализма Хармана и с позиции релятивного материализма Латтура.

Выводы. Проведенный анализ публикаций по теме применения АСТ к проблематике сельского туризма позволил выявить перспективы применения данной методологии относительно заявленной тематики. Это объясняется спецификой и сложностью социальных отношений, складывающихся в сельской местности, вовлеченностью «не-людей» и высокой зависимостью специфики агропромышленного производства и развития туризма от природных и нематериальных факторов. АСТ предполагает учет этой специфики. Как представляется, её применение в исследованиях сельского туризма позволит:

- лучше понять отличительные особенности сельского туризма как комплексного явления, вовлекающего значительное количество акторов, и деятельность этих акторов;
- отразить многообразие отношений, складывающихся в культуре и сельской повседневности современной деревни;
- наглядно показать специфику действия акторов в конкретном региональном измерении.

Список литературы

1. *Витушко М.В.* Имматериализм Грэма Хармана как методология обоснования объектно-ориентированной онтологии // Гуманитарный акцент. 2019. № 2. С. 24-28.
2. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.
3. *Туров Р.С.* Повседневная сельская жизнь и сельская культура в контексте развития сельского туризма: специфика современных подходов к исследованию // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 214-218.
4. *Целых А.А., Дedyulina М.А.* Теоретико-графовые подходы к моделированию актор-сетей в исследованиях науки и технологий // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2018. Т. 6. № 4 (23). С. 244-259.
5. *Caalders, J.* Rural tourism development: a network perspective. Delft: Eburon, 2002. 300 p.
6. *Duim, René & Ren, Carina & Jóhannesson, G.* Ordering, materiality, and multiplicity: Enacting Actor- Network Theory in tourism. *Tourist Studies*. 2013. Vol. 13. pp. 3-20. DOI: 10.1177/1468797613476397
7. *Jóhannesson G.* Tourism translations: Actor-Network Theory and tourism research. *Tourist Studies*. 2005. Vol. 5. pp. 133-150. DOI: 10.1177/1468797605066924
8. *Murdoch, J.* Networks — a new paradigm of rural development? *Journal of Rural Studies*. 2000. Vol. 16(4). pp. 407–419. DOI:10.1016/s0743-0167(00)00022-x
9. *Tang, Guorong & Zhang, Jinhe & Zhang, Yu.* Livestock Animal Displacement on Rural Tourism Destinations: Placing Livestock's "Pest" Role in the Background. *Sustainability*. 2017. Vol. 9. p. 1307. DOI: 10.3390/su9081307.
10. *Zheng, Liaoji & Liu, Huiqing.* Identification of focal actors in the translation of the rural tourism actor-network: a case in China. *Environmental Engineering and Management Journal*. 2018. Vol. 17. pp. 1813-1823. DOI:10.30638/eemj.2018.180.

References

1. *Vitushko M.V.* Graham Harman's immaterialism as a methodology for justification of object oriented ontology. *Gumanitarnyj accent* [Humanitarian accent], 2019, № 2, pp. 24-28. (in Russian)
2. *Latur B.* Reassembling the social. М.: *Izd. dom Vyssh. shk. Ekonomiki* [Publishing House of Higher School of Economics], 2014, 381 pp. (in Russian)
3. *Turov R.S.* Modern approaches to studying rural everyday life and rural culture in the context of rural tourism development // *Manuskript* [Manuscript], 2019, Vol. 12, № 10, 214-218 pp. (in Russian)
4. *Celyh A.A., Dedyulina M.A.* Graph-theoretic approaches to modeling actor-networks in science and technology studies // *Modelirovanie, optimizaciya i informacionnye tekhnologii* [Modeling, optimization and information technology]. 2018. Т. 6. № 4 (23).. 244-259 pp. (in Russian)
5. *Caalders, J.* Rural tourism development: a network perspective, Delft: Eburon, 2002, 300 p.
6. *Duim, René & Ren, Carina & Jóhannesson, G.* Ordering, materiality, and multiplicity: Enacting Actor- Network Theory in tourism, *Tourist Studies*. 2013, Vol. 13, pp. 3-20. DOI: 10.1177/1468797613476397
7. *Jóhannesson G.* Tourism translations: Actor-Network Theory and tourism research. *Tourist Studies*, 2005, Vol. 5, pp. 133-150. DOI: 10.1177/1468797605066924
8. *Murdoch, J.* Networks — a new paradigm of rural development? *Journal of Rural Studies*, 2000, Vol. 16(4), pp. 407–419. DOI:10.1016/s0743-0167(00)00022-x
9. *Tang, Guorong & Zhang, Jinhe & Zhang, Yu.* Livestock Animal Displacement on Rural Tourism Destinations: Placing Livestock's "Pest" Role in the Background. *Sustainability*. 2017, Vol. 9, p. 1307. DOI: 10.3390/su9081307.
10. *Zheng, Liaoji & Liu, Huiqing.* Identification of focal actors in the translation of the rural tourism actor-network: a case in China. *Environmental Engineering and Management Journal*, 2018, Vol. 17, pp. 1813-1823. DOI:10.30638/eemj.2018.180.

УДК 94 (470) 84.8

Упоров Иван Владимирович,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ, город Краснодар,
uporov@list.ru

Перлик Максим Игоревич,

соискатель кафедры Теории и истории государства и права, Краснодарский университет МВД РФ, город Краснодар,
uporov@list.ru

ГУЛАГ И ОТРАСЛЕВЫЕ ГЛАВКИ МВД СССР КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В СОВЕТСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ СИСТЕМЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В научной статье раскрываются правовой статус и организационные основы деятельности ГУЛАГа и других главных управлений МВД СССР (по отраслям промышленности), осуществлявших реализацию пенитенциарной политики советского государства после окончания Великой Отечественной войны. Отмечается, что ГУЛАГ, будучи подразделением МВД СССР, фактически являлся отдельным ведомством в управлении системой мест лишения свободы СССР. Такое положение было обусловлено, прежде всего, огромной экономической выгодой от трудовой эксплуатации содержащихся в исправительно-трудовых лагерях заключенных, и в этом смысле ГУЛАГ представлял собой высокоэффективный управленческий механизм, соответствующий сложившейся в то время жесткой административно-командной системе управления государством. После смерти Сталина и начала «оттепели» этот механизм уже не отвечал потребностям общества и был реорганизован.

Ключевые слова: ГУЛАГ, исправительно-трудовая система, исправительно-трудовой лагерь, главк, экономика, заключенные, трудоиспользование

Ivan V. Uporov,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar,
uporov@list.ru

Maxim I. Perlik,

Applicant, Department of Theory and History of State and Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar,
uporov@list.ru

GULAG AND SECTORAL HEADS OF THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AS MANAGEMENT STRUCTURES IN THE SOVIET CORRECTIVE-LABOR SYSTEM OF THE POST-WAR

Abstract. The scientific article reveals the legal status and organizational foundations of the Gulag and other main departments of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (by industry), which implemented the penitentiary policy of the Soviet state after the end of World War II. It is noted that the GULAG, as a unit of the USSR Ministry of Internal Affairs, was in fact a separate agency in managing the system of places of deprivation of liberty of the USSR. This situation was due, first of all, to the enormous economic benefits of the labor exploitation of prisoners held in labor camps, and in this sense, the GULAG was a highly effective management mechanism that corresponded to the tough administrative-command system that was in place at that time by the state. After the death of Stalin and the beginning of the "thaw," this mechanism no longer met the needs of society and was reorganized.

Keywords: GULAG, forced labor system, forced labor camp, commander in chief, economy, prisoners, labor use

Ключевым звеном в управлении советской исправительно-трудовой системой в период 1930-х – середины 1950-х годов являлся ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний). ГУЛАГ представлял собой подразделение НКВД (МВД) СССР на уровне одного из главков, выполнявшего как управляющие, так и методологические функции.

Первые лагеря для содержания заключенных в советском государстве с целью использования их дешевого труда для решения экономических задач стали создаваться еще в 1920-х годах. [1] При этом система мест лишения свободы несколько лет находилась в процессе трансформации, имея ввиду прежде всего нерешенность вопроса о ведомственной их подчиненности (НКЮ, НКВД, ОГПУ). Но указанный подход (экономическая эксплуатация заключенных) сомнению не подвергался, напротив, он лишь совершенствовался, о чем свидетельствует, в частности, правительственное постановление 1929 года «Об использовании труда уголовно-заключенных».

В этом акте просто и без какой-либо двусмысленности указывалось, в частности: «Осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки на три года и выше передать и передавать впредь для отбытия лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря (далее ИТЛ), организуемые ОГПУ ... ОГПУ для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря (на территории Ухты и других отдаленных районов) в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы» [2].

Позже, на рубеже 1930 годов, вместе с завершением формирования в стране административно-командной системы управления обществом и государством, был создан ГУЛАГ. Сначала в апреле 1930 года СНК СССР утвердил Положение об ИТЛ, и в рамках его реализации в конце апреля было создано Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛАГ) ОГПУ, переименованное в октябре того же года в ГУЛАГ ОГПУ. Затем ГУЛАГ стал одним из главков созданного в 1934 году союзного НКВД СССР.

В довоенное и военное время система управления исправительно-трудовой системой адаптировалась к советскому бюрократическому механизму, в котором ГУЛАГ оставался основным звеном системы, причем масштабы его влияния были столь велики (прежде всего за счет своего вклада в экономику страны), что этот госорган обозначался, как правило, без приставки «НКВД СССР», будучи, де-факто, самостоятельным ведомством.

При этом ввиду того, что НКВД-МВД СССР акцентировало внимание ИТЛ на хозяйственной задаче, часть ИТЛ находилась под организационно-хозяй-

ственным управлением других главков министерства. Подобная организационно-структурная форма участия ИТЛ в хозяйственной деятельности стала приоритетной после окончания Великой Отечественной войны. Вместе с тем такое положение не принижало статус ГУЛАГа, поскольку ГУЛАГ в означенном виде (управляюще-методологическом) являлся единственным главком, в то время как отраслевых главков, выполнявших строительство и эксплуатацию народнохозяйственных объектов в различных отраслях экономики (в основном, связанных с природными ресурсами, энергетикой и транспортом и расположенных в отдаленных районах страны с неразвитой инфраструктурой, где привлечение гражданских лиц было проблематичным) было несколько, и эти главки, по сути, являлись «потребителями» заключенных, содержащихся в ИТЛ, в определенных отраслях, что видно из расшифровки соответствующих аббревиатур: ГУЛЖДС – Главное управление лагерей железнодорожного строительства, Главпромстрой – Главное управление лагерей промышленного строительства, ГУЛГМП – Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий, Дальстрой – Главное управление по строительству Дальнего Севера, ГУШОСДОР – Главное управление шоссейных дорог, ГУЛЛП – Главное управление лагерей лесной промышленности, Главгидрострой – Главное управление лагерей гидротехнического строительства и т.д. В совокупности, как известно, все это создавало крупнейший сегмент советской экономики, основанный на принудительном труде заключенных, и на этот счет имеется обширная литература (работы О.В. Хлевнюка, В.М. Исакова, Н.Б. Портнова, М.Я. Важнова, С.Г. Эбеджанса и др.). И таким образом довоенная структура управления местами лишения свободы была усовершенствована, при этом условия содержания заключенных мало отличались от предвоенного времени [3].

Следует заметить, что отмеченные выше отраслевые главки МВД СССР, ведающие ИТЛ по своей отрасли, отражали ту сферу уголовно-исполнительного труда, которая позже (в 1960-е годы) стала называться «собственным производством» (свои трудовые ресурсы, свои государственные задания, свои основные и оборотные средства). А сфера приложения труда заключенных на объектах «чужих» ведомств (то есть не МВД СССР), позже получила название системы «кооперации» (трудовые ресурсы от МВД СССР, а все остальное, в том числе объект приложения трудовых сил, основные и оборотные средства, – от «чужих» министерств); такие ИТЛ в литературе стали именоваться как «лагеря НКВД-МВД» (в отличие от «лагерей ГУЛЖДС», «лагерей ГУЛЛП» и т.д.).

Процесс формирования, реорганизации и упразднения хозяйственных главков МВД СССР, свя-

занных с трудоиспользованием заключенных ИТЛ, являлся перманентным и зависел от поставленных задач, состояния советской экономики, численности заключенных и других факторов. В частности, в конце 1949 года «во исполнение постановления СМ СССР № 4730-1820с от 15 октября 1949 года приказом МВД СССР № 0751 от 1 ноября 1949 года в составе МВД СССР было решено организовать Главное управление лагерей по строительству заводов искусственного жидкого топлива, нефтеперерабатывающих заводов и других промышленных объектов нефтяной промышленности с присвоением этому главному управлению наименования «11 Главное управление МВД СССР». Этим же приказом все вопросы организации и руководства делами 11 ГУ МВД СССР были возложены на начальника Главпромстроя МВД СССР А.Н. Комаровского и его заместителя – Н.Н.Волгина.

Приказ этот остался нереализованным, а приказом МВД СССР № 00428 от 3 июля 1950 года в составе Главпромстроя МВД СССР было организовано Управление по строительству предприятий нефтяной промышленности во главе с заместителем начальника Главпромстроя МВД СССР полковником Н.Н.Волгиным, а еще через год приказом МВД СССР № 0720 от 8 октября 1951 года на базе этого управления было организовано Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива – «Главспецнефестрой» МВД СССР во главе с полковником Н.Н.Волгиным. Во исполнение постановления СМ СССР № 4960-1909с от 31 октября 1949 года приказом МВД СССР № 0768 от 15 ноября 1949 года Главгидрострой МВД СССР был переведен из Москвы в г. Калач-на-Дону по месту строительства Волго-Донского канала. Этим же приказом Главгидрострой был объединен с управлением Волгодонстроя и получил название «Главгидроволгодонстрой» МВД СССР» [2, с. 60-61]. Перечень такого рода преобразований был весьма обширным.

Здесь же следует добавить, что в ИТЛ отраслевых главков в силу большей либеральности в отношении их руководителей к режимным требованиям и, вероятно, большего понимания того, что заключенные как рабочие будут лучше трудиться, если больше о них заботиться, создавали также более широкие и реальные возможности для удовлетворения заключенными потребностей в культурной сфере. На этот счет существовало утвержденное НКВД СССР Положение о КВР (о культурно-воспитательной работе) в ИТЛ и К (лагерях и колониях), в котором содержались вполне разумные и нужные задачи, которые должны были решаться культурно-воспитательными частями (далее КВЧ), в частности, речь шла о необходимости «перевоспитания заключенных на основе высокопроизводительного общественно-полезного труда, о со-

действию наиболее эффективному и рациональному использованию труда для выполнения и перевыполнения производственных планов» [4, с. 75]. Данные требования были определены затем в Инструкции о режиме содержания заключенных в ИТЛ и К 1947 года и дополнены Распоряжением Министра внутренних дел от 24 ноября 1949 года, которым были утверждены указания об организации КВР в ИТЛ и К [5, с. 135]. Однако в большинстве ИТУ культурному воспитанию заключенных отводилась явно второстепенная, если не третьестепенная роль (после режима и трудоиспользования), и культурная работа велась, зачастую, формально в силу банального отсутствия кадров в этой сфере и непонимания ее важности со стороны лагерной администрации.

Но вот, например, на строительстве участка железной дороги Чум-Салехард-Игарка, которым занималось Северное управление ГУЛЖДС, к этой работе лагерная администрация относилась неформально. Приведем лишь один пример – ту бригаду, которая выполняла сразу двойную производственную норму, при возвращении после окончания рабочего дня в жилой сектор ИТЛ встречал ни много ни мало духовой оркестр (!) и, кроме того, в качестве специфического бонуса, не производился личный «шмон» (досмотр) [6, с. 86]. Здесь можно также отметить использование зачетов (снижение сроков заключения в зависимости от производственных результатов), лекции о значимости для страны строящейся железной дороги, наличие лагерной прессы, которая активно и подробно освещала ход строительства, отмечая лучших и отстающих, драматический театр («Театр управления строительства № 501») и т.д.

Эти и иные меры в литературе В.А. Калининским справедливо оцениваются «как системная работа, достигавшая необходимого эффекта» [7, с. 27]. Не приходится удивляться, что в условиях суровейшего климата Крайнего Севера и тяжелого физического труда и при определенных недостатках (они, бесспорно, имели место) среди заключенные ИТЛ этого управления ГУЛЖДС было относительно небольшое количество нарушений режима содержания. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что в ИТЛ отраслевых главков крупных массовых неповиновений со стороны заключенных почти не было, и практически все они совершались в ИТЛ, которые находились в непосредственном управлении ГУЛАГа и, прежде всего в особых лагерях, созданных в 1948 году. И это несмотря на то, что после войны в ИТЛ заметно больше стало поступать «политических», включая ярых врагов советской власти [8].

Мы полагаем, что данное обстоятельство обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, в ИТЛ отраслевых главков было значительно меньше заключенных, осужденных за тяжкие государствен-

ные преступления, и, соответственно, суживалась субъектная база организаторов и участников возможных массовых неповиновений заключенных. Вторых, отраслевые главки прямо были заинтересованы в экономических показателях, и для них иные задачи, стоявшие перед наказанием в виде лишения свободы, носили весьма абстрактный характер. Соответственно для достижения нужных экономических показателей руководство главков снижало режимные требования для заключенных, особенно в период их нахождения на рабочих объектах, некоторым образом улучшало им питание в целях повышения производительности труда и т.д., и тем самым уменьшались предпосылки для массовых неповиновений по причине несносных условий труда и быта.

Следует заметить, что после смерти И.В.Сталина в рамках преобразований системы ИТУ указанные и другие «хозяйственные» главки стали переводиться из ведения МВД СССР в ведение соответствующих «гражданских» отраслевых министерств, а сами ИТЛ, заключенные которых работали на объектах этих главков, переходили в *непосредственное* ведение ГУЛАГа. Так, уже 25 марта 1953 года советское правительство издало постановление, в соответствии с которым прекращалось сооружение сразу нескольких крупных объектов, где привлекались заключенные в качестве рабочей силы, при этом в перечне такого рода объектов было несколько крупнейших сооружений, таких, например, как Волго-Балтийский водный путь, водный канал в Туркменистане, тоннель под Татарским проливом, ряд участков железнодорожного пути в различных регионах страны (Чум-Салехард-Игарка, Красноярск-Енисей и др.), заводы искусственного жидкого топлива (Араличевский и Черногорский заводы) и многие другие объекты.

Заметим, что развернутые предложения в правительство на этот счет представил не кто иной, как Л.П.Берия, который обосновал свои предложения по сути единственным доводом – дороговизной [9, с. 53], и это при том, что еще недавно он же санкционировал выделение многих миллиардов из бюджетных средств (только в 1953 году объем капиталовложений на указанные объекты доходил до трех с половиной миллиардов рублей) на эти и многие строительства с участием заключенных ИТЛ и требовал их освоения, что в тяжелейших климатических условиях было чрезвычайно сложной задачей и в определенной степени создавало предпосылки для массовых неповиновений заключенных, при этом сама ликвидация многихстроек осуществлялась в необычайно короткие сроки (несколько дней) [9, с. 53; 10, с. 102-107]

Этот процесс резкого изменения планов грандиозных строителей и соответственно снижения роли заключенных в их осуществлении определенным образом повлиял на изменение структуры и

функций ГУЛАГа и, разумеется, свел к минимуму проблему массовых неповиновений заключенных. Сама же структура ГУЛАГа как управляющего звена лагерной системы в рассматриваемый период наиболее четко регулировалась Положением о Главном управлении исправительно-трудовыми лагерями и колониями, которое было утверждено приказом МВД СССР от 15 июля 1949 года [11]

В п. 1 Положения о ГУЛАГе определялись следующие основные задачи ГУЛАГа: «а) Исполнение судебных приговоров и постановлений Особого Совещания при МВД СССР и Особого Совещания при МГБ СССР о содержании в местах заключения (лагерях, колониях) лиц, осужденных к лишению свободы и ссылки на каторжные работы; б) Организация охраны заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях; в) Исправление и перевоспитание заключенных путем вовлечения их в общественно-полезный труд, воспитание заключенных в духе точного и неуклонного исполнения советских законов и уважения к правилам социалистического общежития, честного и бережного отношения к государственному и общественному имуществу и строгого соблюдения дисциплины труда; г) Исполнение судебных приговоров в отношении лиц, осужденных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы; д) Организация исправительно-трудовых и особых лагерей, исправительно-трудовых колоний, пересыльных тюрем и инспекций исправительно-трудовых работ» [11, с. 142].

Нельзя не отметить, что, если не считать упоминания о явно антиконституционных Особых совещаниях при МВД СССР и МГБ СССР, эти задачи вполне созвучны и с задачами ныне функционирующего ФСИН РФ. В рассматриваемом акте, как видно, нет особого отношения к «контрреволюционерам», «врагам народа» и т.д. и в целом классовый подход обозначен незначительно, то есть и в этом акте находит подтверждение заданный после окончания войны тренд на определенную либерализацию уголовно-исполнительных отношений и усиление принципа законности. Однако речь идет только о формальном тренде, поскольку в реальности положение в ИТЛ стало меняться позже, уже после смерти Сталина.

Исходя из указанных задач, Положение о ГУЛАГе закрепляло, и довольно подробно, функции ГУЛАГа, которые были сгруппированы по следующим направлениям:

- 1) По охране заключенных и оперативной работе;
- 2) По режиму содержания и трудовому использованию заключенных;
- 3) По оперативному учету и распределению заключенных;
- 4) По коммунально-бытовому и материальному обеспечению заключенных;

- 5) По медико-санитарной работе;
- 6) По культурно-воспитательной работе;
- 7) По производственно-финансовой деятельности;
- 8) По работе с кадрами офицерского и вольнонаемного состава;
- 9) По организационной работе;
- 10) По железнодорожным и водным перевозкам.

Как видим, на первое место поставлены функции по охране заключенных и оперативной работе, здесь и больше всего функций по количеству – 8. Функции по производственно-финансовой деятельности также восемь:

1) Руководство производственной и финансовой деятельностью ИТЛ, непосредственно подчиненных в производственном отношении ГУЛАГу МВД СССР, а также управлений (отделов) ИТЛ, входящих в состав министерств внутренних дел союзных и автономных республик, управлений МВД по краям и областям;

2) Утверждение планов основной деятельности и капитального строительства ИТЛ, обслуживающих предприятия и хозяйства ГУЛАГа;

3) Представительство в органах Госарбитража;

4) Распоряжение, в соответствии с установленным порядком, всеми средствами, поступающими на бюджетный и расчетный счета Главного управления;

5) Проведение документальные ревизии в ведомственных хозяйствах и предприятиях;

6) Обеспечение фондируемыми материально-техническими ресурсами ИТЛ и ИТК;

7) Разработка указаний по рациональной организации производства и строительства;

8) Организация и руководство работой по обучению производственных кадров массовых профессий из числа вольнонаемных и заключенных [11, с. 143].

Однако эти функции поставлены ближе к концу, что как раз показывает, что они формально не являлись для ГУЛАГа основными, хотя фактически дело обстояло наоборот.

Представляет интерес также регулирование взаимоотношений между ГУЛАГом и отраслевыми главками, которые имели в своем распоряжении отдельные ИТЛ как источник рабочей силы. По этому поводу в п.5 Положения о ГУЛАГе указывалось: «ГУЛАГ МВД СССР поддерживает постоянную связь с Главными производственными лагерными управлениями МВД СССР и осуществляет, в соответствии с требованиями закона, приказами и инструкциями МВД СССР, контроль за их деятельностью в области обеспечения в исправительно-трудовых лагерях для заключенных необходимых режимных и жилищно-бытовых условий, правильного их трудового использования с учетом физического состояния и мероприятиями по массовому производственному обучению заключенных» [11, с. 143]. В этом же контексте следует отметить п.7

Положения о ГУЛАГе, где указывается, что ГУЛАГ контролирует «организацию трудового использования заключенных как на работах, порученных Министерству внутренних дел СССР, так и на предприятиях и строительствах других Министерств и ведомств, в части: соблюдения при формировании бригад режимных требований о подборе однородного состава заключенных по полу, возрасту, статейным признакам; соответствия выполняемых работ физическому состоянию заключенных и обеспечения условий работ, исключающих побег заключенных» [11, с. 144].

Как видно, полномочия и ответственность ГУЛАГа (фактически – его начальника и заместителей, поскольку руководство осуществлялось на основе принципа единоначалия) здесь размыты, так как данные направления должны были контролировать также и отраслевые главки, но в целом, конечно, ответственность ГУЛАГа как управляющего звена во всей исправительно-трудовой системе, была более весомой, с ГУЛАГа спрос был в любом случае, что бы ни случилось в ИТЛ отраслевых главков («почему не контролировали надлежащим образом?»).

Несмотря на утверждение Положения о ГУЛАГе, во властных кругах, в том числе, очевидно, в самом МВД СССР, витали настроения о коренной реорганизации ГУЛАГа или даже вообще об его упразднении. Об этом свидетельствует, в частности, докладная записка заместителя начальника ГУЛАГа П.С.Буланова на имя министра внутренних дел от 10 ноября 1949 года. Он сразу и прямо пишет о том, что, «насколько ему известно» (сама эта ремарка говорит о том, что даже непосредственные руководители лагерного ведомства не владели всей информацией о возможной реорганизации), имеются предпосылки о ликвидации ГУЛАГа, и он считает это ошибкой, и далее приводит подробные аргументы о том, что централизацию управления всеми местами лишения свободы, то есть сам ГУЛАГ, ни в коем случае нельзя упразднить, поскольку это будет связано с существенными негативными последствиями [12]. В итоге эти аргументы оказались, вероятно, достаточно убедительными, и ГУЛАГ остался в неприкосновенности (до начала коренных изменений во всем обществе после смерти Сталина). В целом же, как отмечает В.С.Михайлов, «хотя структура ГУЛАГа с 1930 по 1960 год изменялась неоднократно, его функции в своей основе остались те же. Они лишь уточнялись, расширялись либо сокращались в зависимости от динамики правонарушений и конкретных исторических условий. В частности, на масштабы деятельности и изменения функций ГУЛАГа непосредственное влияние оказали: завершение в СССР ликвидации кулачества как класса (начало 1930-х годов); обострение борьбы с остатками мелкобуржуазных политических партий в период подготовки Германии к войне против СССР (вторая половина

30-х годов); пресечение шпионско-диверсионной и прочей подрывной деятельности враждебных Советскому государству элементов в период Великой Отечественной войны; массовый пересмотр приговоров судебных органов, решений «троек» УНКВД, постановлений Особого совещания ОГПУ – НКВД – МГБ и реабилитация отдельных категорий осужденных (1956 и последующие годы)» [13, с. 231].

С такой совокупностью факторов мы соглашались, однако, считаем нужным сделать некоторые оговорки. Во-первых, структура ГУЛАГа определялась, прежде всего, исходя из хозяйственно-экономических задач, которые ставились перед советской исправительно-трудовой системой, на что ранее мы обращали внимание, а также необходимостью изоляции наиболее опасных для власти государственных преступников (контрреволюционеров), для чего, в частности, были устроены особые ИТЛ. Во-вторых, массовый пересмотр уголовных дел лиц, осужденных за государственные преступления, действительно начался после известного XX съезда КПСС, однако изменение структуры ГУЛАГа и корректировка его функций начались еще до 1956 года и даже еще до смерти Сталина в 1953 году, а именно с 1948-1949 годов, когда был обозначен тренд развития советского общества на некоторую либерализацию (другое дело, что смерть Сталина и последовавшая за этим отмеченная выше широкомасштабная амнистия заключенных активизировала этот процесс, а XX съезд КПСС задал еще большее ускорение). Это некоторым образом находило отражение также и в кадровой политике рассматриваемого периода, когда стали чаще наблюдаться, в частности, случаи привлечения должностных лиц ИТЛ к ответственности за нарушения прав заключенных [14; 15].

Указанные процессы влияли прежде всего на численность заключенных в советских ИТУ, что, в свою очередь, непосредственно определяло структурные изменения ГУЛАГа с точки зрения реорганизации сети ИТЛ, которая, с подачи А.И.Солженицына, именуется «архипелагом ГУЛАГом».

В этой связи отметим, что численность заключенных в рассматриваемый нами период характеризовалась следующим образом (здесь и далее мы за основу берем сведения из статистики по ГУЛАГу, которую представляет известный российский исследователь в этой сфере В.Н.Земсков, используем при необходимости также и другие источники; в любом случае даже при расхождениях по численности заключенных по годам и видам мест лишения свободы это не имеет принципиального значения в контексте нашей проблематики, поскольку почти все исследователи отражают сходные тенденции).

Так, по состоянию на 1 января 1946 года в местах лишения свободы советской исправительно-тру-

довой системы находились 1 703 095 человек, из них 746871 заключенных в ИТЛ [16, с. 12] (здесь и далее данные приводятся без учета содержащихся в тюрьмах, где в среднем в рассматриваемый период отбывали наказание в виде лишения свободы 250-300 тысяч осужденных). В дальнейшем общая численность лишенных свободы нарастала, достигнув к 1950 году 2 561 351 человек, после чего стабилизировалась и затем стала снижаться (по состоянию на 1 января): 1953 год – 2 472 247 осужденных, 1954 год – 1 325 003 осужденных, 1955 год – 1 075 280 осужденных, 1956 год – 781 630 осужденных, 1957 год – 807 977 осужденных [11, с. 435]. Отметим еще, что указанная тенденция к росту обнаруживается и при анализе численности осужденных за контрреволюционные преступления, которые в абсолютном большинстве случаев являлись организаторами массовых неповиновений заключенных в ИТЛ (1946 год – 333 883 заключенных, 1953 год – 465 265 заключенных [16, с. 9], причем «политические» заключенные содержались совместно не только в обычных ИТЛ, но и в особых лагерях, хотя, конечно, пропорции были иные.

Такая особенность имеет свое объяснение. Дело в том, что обстановка послевоенной разрухи советской экономики требовала мобилизации трудовых ресурсов, учитывая, что значительная их часть в виде мужчин работоспособного возраста погибла в боях Великой Отечественной войны, а ресурс немецких военнопленных довольно быстро иссякал, поскольку, как известно, они подлежали возвращению на свою родину (репатриации). Советское государство в этой связи, исходя из своих политико-концептуальных основ на тот момент времени, во-первых, интенсифицировало труд имевшихся в ИТЛ заключенных, в том числе за счет тех многих заключенных, которые ввиду своего истощения и вообще слабого здоровья формально не должны были использоваться на тяжелых физических работах [17, с. 74], и, во-вторых, принимало меры к тому, чтобы население мест лишения свободы увеличивалось, а также совершенствовало меры по более эффективному (с точки зрения сугубо фискальной цели) использованию заключенных в районах с наиболее сложными условиями жизни и труда людей (создание тех же особых ИТЛ, привлечение к уголовной ответственности и водворению в места лишения свободы ЧСИР – членов семей изменников Родины).

И такое положение имело место, как мы отмечали, до смерти Сталина, после чего правящая элита, осознав, что сверхмобилизационная экономика такого рода методами не только не имеет больше резервов для выполнения грандиозных планов, требовавших новые и новые тысячи рабочих рук, но и может вообще разрушительно воздействовать на все государственные отношения в стране, начала довольно

резкий разворот в сторону «оттепели». Соответственно де-факто была пересмотрена концепция государственного принуждения [18], что нашло отражение в отказе от прямой и откровенной эксплуатации заклю-

ченных в рамках лагерной экономики и «сворачивании» ГУЛАГА с последующей трансформацией в обычную систему мест лишения свободы для содержания преступников, что произошло в конце 1950-х годов.

Список литературы

1. *Бондарь О.О., Солонникова Н.В.* Организационно-правовое развитие уголовно-исполнительных отношений в Советской России в годы новой экономической политики и начале 1930-х годов // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 198-202.
2. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД- КГБ: 1917- 1960 гг. Сб. док. / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 1997. 352 с.
3. *Старцев М.О.* Условия содержания заключенных ИТЛ в 1930-е гг. XX в. (на примере Башкирской АССР) // Современная научная мысль. 2018. № 2. С. 94-98.
4. *Селезнева И.В.* Воспитательная система в местах лишения свободы в Советском государстве: организация и правовое регулирование (1917-1956 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 164 с.
5. *Гриценко В., Калинин В.* История «Мертвой дороги». Екатеринбург: Баско, 2010. 240 с.
6. *Марманов В.Г.* Страна деревянного солнца. Тюмень: Тюменский дом печати, 2008. 352 с.
7. *Калинин В.А.* Организация культурно-воспитательной работы в лагерях ГУЛАГа на строительстве трансполярной магистрали Чум-Салехард-Игарка (1947-53 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2015. Т. 15. № 1. С. 24-29.
8. *Турицын И.В.* Идеология и практика бандеровского нацизма (по материалам допросов в НКВД 1944-1945 гг.) // Современная научная мысль. 2015. № 2. С. 5-38.
9. *Калинин В.А.* Трансполярная железная дорога: создание новой реальности и судьба строительства // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность. Матер. конф. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ, 2013. С. 49-57.
10. *Мысляева Н.С., Старцев М.О.* Формирование контингента заключенных исправительно-трудовых учреждений в Башкирской АССР в 1930-50-х гг. // Современная научная мысль. 2018. № 2. С. 102-107.
11. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960. Сб. документов / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. 902 с.
12. Докладная записка заместителя начальника ГУЛАГа П.С. Буланова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову о реорганизации ГУЛАГа от 10.11. 1949 г. // История сталинского ГУЛАГа / Отв. ред. Н.В. Петров. Собрание документов в 7 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2004. С. 360-363.
13. *Михайлов В.С.* К вопросу о структуре и видах системы исполнения наказаний в виде лишения свободы периода 30 – 60-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Серия: «Юридические науки». 2013. N 2. С. 229 – 236.
14. *Дорохов В.Ж., Зинятова М.Н.* Кадры решают всё или проблемы кадрового обеспечения милиции в период ее нахождения в составе МГБ СССР в 1949-1953 гг. (на примере Хабаровского края) // Современная научная мысль. 2017. №1. С. 83-88.
15. *Жадан А.В., Шелудько В.О.* Проблемы отбора и подготовки кадров в органах внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Современная научная мысль. 2016. № 4. С.201-208.
16. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С.3-16.
17. *Цепкалова А.А.* Промышленное строительство в системе ГУЛАГа в 1940-е годы. Дис. ...канд. ист. наук. М., 2012. 242 с.
18. *Харитонов И.К.* Конституционно-правовая сущность государственного принуждения // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 220-225.

References

1. *Bondar O.O., Solonnikova N.V.* Organizational and legal development of criminal executive relations in Soviet Russia during the years of the new economic policy and the beginning of the 1930s // Modern Scientific Thought. 2019.No 1. S. 198-202.
2. Lubyanka. VChK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB: 1917-1960 Sat doc / Comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. M. : MFD, 1997.352 s.
3. *Startsev M.O.* Prison conditions in the ITL in the 1930s XX century (on the example of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic) // Modern scientific thought. 2018. No. 2. P. 94-98.
4. *Selezneva I.V.* The educational system in prisons in the Soviet state: organization and legal regulation (1917-1956). Dis. ... cand. legal sciences. Vladimir, 2006.164 s.
5. *Gritsenko V., Kalinin V.* History of the Dead Road. Yekaterinburg: Basco, 2010.240 s.
6. *Marmarov V.G.* Country of the wooden sun. Tyumen: Tyumen Printing House, 2008.352 s.

7. *Kalinin V.A.* The organization of cultural and educational work in the camps of the Gulag on the construction of the trans-polar highway Chum-Salekhard-Igarka (1947-53) // Bulletin of the South Ural State University. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 24-29.
8. *Turitsyn I.V.* The ideology and practice of Bandera Nazism (based on interrogations in the NKVD 1944-1945) // Modern scientific thought. 2015. No. 2. P. 5-38.
9. *Kalinin V.A.* Transpolar railway: the creation of a new reality and the fate of construction // Regional socio-humanitarian research. History and modernity. Mater. conf. Prague: Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ, 2013. S. 49-57.
10. *Myslyayeva N.S., Startsev M.O.* Formation of a contingent of prisoners of correctional labor institutions in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic In the 1930s and 1950s // Modern scientific thought. 2018. No. 2. P. 102-107.
11. The Gulag (General Directorate of Camps). 1917-1960. Sat documents / Comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. M.: MFD, 2000. 902 p.
12. Memorandum of the deputy head of the Gulag P.S. Bulanova mini-jet of internal affairs of the USSR S.N. Kruglov on the reorganization of the Gulag from 10.11. 1949 // History of the Stalinist Gulag / Otv. ed. N.V. Petrov. Collection of documents in 7 vols. T. 2. M.: ROSSPEN, 2004. S. 360-363.
13. *Mikhailov V.S.* To the question of the structure and types of the system of execution of punishments in the form of imprisonment of the period of 30-60s of the XX century // Bulletin of Perm University. Series: "Jurisprudence". 2013. N 2. P. 229 – 236.
14. *Dorokhov V.Zh., Zinyatova M.N.* Personnel solve all or problems of staffing the police during their stay as part of the Ministry of State Security of the USSR in 1949-1953. (on the example of the Khabarovsk Territory) // Modern scientific thought. 2017. No1. S. 83-88.
15. *Zhadan A.V., Sheludko V.O.* Problems of selection and training of personnel in the internal affairs bodies of the Primorsky Territory during the Great Patriotic War (1941-1945) // Modern scientific thought. 2016. No 4. S.201-208.
16. *Zemskov V.N.* GULAG (historical and sociological aspect) // Sociological studies. 1991. No. 7. P.3-16.
17. *Tsepkalova A.A.* Industrial construction in the Gulag system in the 1940s. Dis. ... cand. East. sciences. M., 2012. 224 s.
18. *Kharitonov I.K.* Constitutional and legal essence of state coercion // Modern scientific thought. 2018. No. 5. P. 220-225.

УДК 343.359.2

Крымская Ильмира Сяитъевна,

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург,
mira155z@gmail.com

ПРОБЛЕМА НЕПРАВОМЕРНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПО НАЛОГОВЫМ СОСТАВАМ¹

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается вопрос привлечения к уголовной ответственности предпринимателей по налоговым составам преступлений. Анализируя данные жалоб Уполномоченного по защите прав предпринимателей, автор делает вывод о распространенности незаконного уголовного преследования представителей бизнеса за нарушения налогового законодательства. Данная практика в целом негативно отражается на деловом климате в Российской Федерации. Одним из необходимых условий стимулирования развития предпринимательской деятельности является минимизация уголовно-правовых рисков, связанных с налоговой сферой. Автором были выделены основные составляющие проблемы неправомерного уголовного преследования, а также показаны возможные пути их митигирования.

Среди аспектов поставленной проблемы отмечены: недостаточное разделение административной и уголовной ответственности за нарушение налогового законодательства; применение «универсальной» ст. 159 УК РФ «Мошенничество»; квалификация налоговых преступлений как длящихся; недостаточность критериев для признания незаконности процедуры дробления бизнеса; коррупционные практики, являющиеся следствием правовых коллизий и неопределенностей, а также противоречивой правоприменительной практики.

Актуальность теме придает современный экономический кризис, связанный с пандемией COVID-19, для успешного преодоления которого необходимо стимулирование деловой активности, что возможно частично добиться путем решения проблемы необоснованного уголовного преследования предпринимателей.

По результатам исследования автор приходит к выводу о необходимости решения проблемы необоснованного уголовного преследования предпринимателей по налоговым составам посредством четкой демаркации административной и уголовной ответственности за нарушение налогового законодательства, возможного введения отдельного состава «налоговое мошенничество» в целях снижения случаев злоупотребления ст. 159 УК РФ, а также совершенствования правоприменительной практики, в особенности касающейся квалификации налоговых преступлений как длящихся и недостаточно обоснованного признания процедуры дробления бизнеса незаконной.

Ключевые слова: налог, бизнес, уголовное преследование предпринимателей, административная ответственность, уголовная ответственность, налоговое преступление, налоговое правонарушение, налоговое мошенничество, коррупция, дробление бизнеса, длящиеся преступления.

Ilmira S. Krymskaya,

4th year student, Saint Petersburg state University of industrial technologies and design, Saint Petersburg,
mira155z@gmail.com

THE PROBLEM OF ILLEGAL CRIMINAL PROSECUTION OF ENTREPRENEURS BASED ON TAX CRIMES

Abstract. The present study considers the criminal prosecution of the businessmen for tax evasion. Analyzing the data of complaints of the Commissioner for the protection of entrepreneurs' rights, the author concludes that illegal criminal prosecution of business representatives for violations of tax legislation is widespread. This practice has a negative impact on the business climate of the Russian Federation. One of the necessary conditions for stimulating the development of business activity is to minimize criminal and legal risks associated with the tax sphere. The author highlighted the main components of the problem of unlawful criminal prosecution, as well as possible ways to mitigate them.

¹ Научный руководитель: **Поросенков Геннадий Андреевич**, эксперт проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, gporosenkov@hse.ru

Among the aspects of the problem are: insufficient division of administrative and criminal responsibility for violation of tax legislation; application of the «universal» article 159 «Fraud» of the criminal code of the Russian Federation; qualification of tax crimes as continuing; insufficient criteria for recognizing the illegality of the business splitting procedure; corruption practices resulting from legal conflicts and uncertainties, as well as contradictory law enforcement practices.

The current economic crisis associated with the COVID-19 pandemic makes the topic relevant. To successfully overcome this crisis, it is necessary to stimulate business activity, which is partially possible by solving the problem of unjustified criminal prosecution of entrepreneurs.

According to the research the author comes to the conclusion about the need to solve the problem of unjustified criminal prosecution of businessmen for tax evasion by a clear demarcation of administrative and criminal responsibility for violation of tax legislation, the possible introduction of a separate corpus delicti of “tax fraud” in order to reduce cases of abuse of article 159 of the criminal code, as well as improvement of law enforcement practice, in particular relating to the qualification of tax crimes as a continuing and insufficiently informed recognition procedure business fragmentation illegal.

Keywords: tax, business, criminal prosecution of entrepreneurs, administrative responsibility, criminal liability, tax crime, tax offense, tax fraud, corruption, business fragmentation, continuing crimes

Согласно данным, приведенным в докладе Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, доля представителей бизнеса, обратившихся в связи с необоснованным уголовным преследованием в 2019 году, увеличилась более чем на 20% в сравнении с предыдущим годом, что составило в сумме более 10 тыс. жалоб. На фоне других уголовных статей наиболее существенно возросло количество обвиняемых в налоговых преступлениях (ст. 198-199.2 УК РФ), которое увеличилось почти вдвое в сравнении с 2018 годом [18].

Генеральный прокурор И.В.Краснов в своем докладе Совету Федерации в июне 2020 года также подтвердил наличие существенного давления на предпринимателей путем возбуждения на них уголовных дел. Так, согласно приведенной им статистики, в 2019 году было выявлено порядка 187 тыс. нарушений в сфере прав предпринимателей. Кроме того, Краснов отметил, что надзор за исполнением налогового законодательства является одним из приоритетных направлений деятельности Прокуратуры РФ [10].

В настоящее время из-за распространения новой коронавирусной инфекции бизнес несет существенные издержки [13]. Более половины предпринимателей характеризуют свое положение как «катастрофа», и еще больше оценивают шанс на выживание их бизнеса ниже 50% [18]. Меры государственной поддержки бизнеса являются недостаточными [14], так как часть из них являются неэффективными в силу сложности их получения. В их числе поддержка в виде федерального МРОТ на каждого сотрудника, при сохранении 90% штата [15] во второй половине мая (т.е. спустя полтора месяца карантина), льготные займы, кредитные каникулы, налоговые отсрочки и рассрочки для пострадавших отраслей [3]. Несмотря на то, что летом 2020 года часть предприятий открывается, убытки, понесенные в предыдущие месяцы,

практически не покрываются, что стало преградой для возобновления деятельности существенной части бизнеса.

В этих условиях эффективное налогообложение является одним из основных инструментов поддержки пострадавшего бизнеса. Эта поддержка может достигаться, с одной стороны, путем снижения налогового бремени юридического лица (предпринимателя), с другой стороны, в сокращении налоговых рисков, связанных в т.ч. с отмеченной автором проблемой необоснованного привлечения к уголовной ответственности за неуплату налогов по различным причинам. Второй инструмент особенно актуален, т.к. не требует существенных экономических затрат, однако при этом может значительно улучшить бизнес-климат и инвестиционную привлекательность российской экономики в целом.

Проблема незаконного уголовного преследования предпринимателей за нарушения в налоговой сфере является следствием нескольких правовых аспектов.

Одним из ключевых аспектов по мнению автора является отсутствие четкого разграничения между уголовной и административной ответственностью за нарушение налогового законодательства. С целью их разграничения Пленум Верховного Суда РФ трижды за время существования действующего УК РФ принимал постановления по вопросу ответственности за налоговые преступления. Налоговые преступления и налоговые правонарушения имеют общую объективную сторону, но отличительной особенностью налогового преступления является его общественная опасность. В данном случае под общественной опасностью подразумевается не поступление денежных средств в бюджет РФ.

Следующее отличие налогового преступления от правонарушения заключается в наличии прямо-

го умысла. В случаях, когда умысел не доказан, дело должно быть закрыто из-за отсутствия состава преступления в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ [4]. Таким образом, нельзя говорить о налоговом преступлении исходя только из размера неуплаченного налога, деяние также должно иметь умышленный характер. Так, статья 111 НК РФ предусматривает обстоятельства, исключаящие вину, одним из которых является выполнение письменных разъяснений налоговых или иных уполномоченных органов [1]. Кроме того, существует п. 7 ст. 3 НК РФ, который гласит, что все неустраняемые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства должны толковаться в пользу налогоплательщика, что еще раз было выделено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 года №48 [1; 2].

Однако практика показывает, что сотрудники правоохранительных органов заводят уголовные дела по «налоговым» статьям без достаточного обоснования умысла со стороны лица, обязанного уплатить налог, а только исходя из суммы неуплаченного им налога. Следственный Комитет РФ (далее СК РФ) возбуждает уголовные дела по ст. 199 УК РФ независимо от квалификации правонарушения, установленной инспекцией Федеральной налоговой службы (далее ИФНС), как неосторожного или умышленного []. Налицо противоречие. Несмотря на то, что только внутренняя налоговая проверка служит основанием для возбуждения уголовного дела СК РФ, правоохранительные органы не учитывают решение налогового органа о квалификации правонарушения, что противоречит п. 1 ст. 30 НК РФ [1], которая гласит, что налоговые органы являются единой централизованной системой контроля, которые уполномочены определять соблюдение или нарушение законодательства о налогах и сборах.

С 2017 года, согласно ФЗ №250 от 29.07.2017 года, размер неуплаченного налога, за который можно было привлечь к уголовной ответственности в крупном размере, соответствовал 5 млн рублей за 3 года подряд при условии соблюдения превышения 25% порога от подлежащих к уплате суммы платежей, а в особо крупном - 15 млн при условии превышения 50% порога, или должен был превышать 45 млн рублей [6]. В последних изменениях прим. 1 ст. 199 УК РФ, внесенных ФЗ №73 от 01.04.2020 года, была впервые закреплена исключительно твердая денежная сумма, которая позволяет привлекать предпринимателя к уголовной ответственности. Так, на данный момент крупным размером неуплаты налога за 3 года подряд является сумма в размере 15 млн руб., особо крупным – 45 млн руб. за тот же период [5]. Стоит отметить, что в эту сумму входят не только налоги, но также сборы и страховые взносы, подлежащие уплате в бюджет.

Вторым аспектом, который позволяет необоснованно привлекать предпринимателей к уголовной ответственности является «резиновая» ст. 159 УК РФ. Однако мошенничество по своей сути многолико. Цифры, приведенные в докладе Президенту РФ бизнес-омбудсмена Б.Ю.Титова, показывают, что более половины обратившихся к нему за помощью предпринимателей были связаны с уголовным преследованием по 159 УК РФ [18].

Отсутствие четкого разграничения составов преступления в ст. 159 и ст. 198, 199 УК РФ позволяет правоохранительным органам трактовать одни и те же нарушения по-разному. Несмотря на то, что законом предусмотрен приоритет специальной нормы при ее наличии, а не общей, какой является в этом случае ст. 159 УК РФ, судебная практика показывает, что в случае, когда деяние не подпадает под установленную в ст. 199 УК РФ твердую денежную сумму, правоохранительные органы могут привлечь ответственное лицо к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ, квалифицировав его как мошенничество [16]. При этом ответственность, предусмотренная ст. 159 УК РФ, проще имплементируется, так как суммы крупного и особо крупного размера меньше, чем предусмотрено ст. 198, 199 УК РФ. Так, уже давно устоялась практика привлечения по ст. 159 УК РФ за незаконный возврат НДС, а также за мошенничество в отношении имущественных вычетов по НДС. Таким образом, относительно низкие показатели преступлений по ст. 198, 199 УК РФ не репрезентативны, пока будут высокие показатели привлечения к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ.

В связи с отмеченной выше проблемой существует предложение о том, что следует выделить «налоговое мошенничество» в отдельную статью Уголовного кодекса [8]. Подобная практика присутствует в Великобритании: понятие «налоговое мошенничество» отдельно закреплено и регулируется законом 2017 года «Об уголовных финансах» [20]. Автор считает, что введение данного понятия и статьи, посвящённой ему, могли бы способствовать их более четкому разграничению со ст. 198, 199 УК РФ, и лишить возможности правоохранительные органы злоупотреблять служебными полномочиями с помощью этой неопределенности законодательства.

Третьим аспектом проблемы является схема «дробления бизнеса», а именно вопрос разграничения добросовестного разделения бизнеса и искусственного, который является неправомерным. Так, предприниматели часто для оптимизации налоговой базы производят дробление бизнеса, однако это нарушение может быть уголовно наказуемо вплоть до ст. 199 УК РФ, при достижении установленной суммы неоплаченного налога. Для привлечения к любой ответственности за «дробление», согласно ст. 54.1 НК РФ, должна отсутствовать деловая цель сделки, т.е.

основной целью сделки не должна являться неуплата налога. Однако правоприменительная практика показывает, что отмеченный критерий не является обязательным и запрет дробления становится инструментом давления на бизнес.

Следующим аспектом проблемы является вопрос квалификации налогового преступления как длящегося. Если понимать под налоговым преступлением обман, то он не является длящимся, так как он совершается одновременно в момент подачи налоговой декларации. Если же под преступлением понимать саму неуплату налога, то преступление действительно следует считать длящимся. Проект последнего Постановления Пленума ВС РФ от 26.11.2019 года №48, изначально предусматривал квалификацию уклонения от уплаты налогов как длящегося преступления, что могло бы привести фактически к отмене срока давности по ст. 198, 199 УК РФ. Данное изменение вызвало негативные коннотации многих экспертов и бизнесменов, так как, если бы налоговые преступления признали длящимися, то это могло бы стать еще одним основанием давления на бизнес [9]. В итоге, в конечной редакции Постановления Пленума ВС РФ от 26.11.2019 года № 48, было решено отказаться от квалификации налоговых преступлений как длящихся и считать моментом окончания преступления фактическую неуплату налогов, сборов, страховых взносов в срок установленный законодательством [2]. Однако практика признания налоговых преступлений длящимися, несмотря на это, сохраняется [18].

Отмеченные аспекты одной общей проблемы позволяют сотрудникам правоохранительных ведомств злоупотреблять своим положением, что является, помимо всего прочего, существенным коррупционным риском. Сотрудники следствия могут использовать отмеченные выше нормы в личных целях или в целях отдельных стейкхолдеров. Например, отмечается участие следователей в выездных налоговых проверках, с целью принуждения предпринимателей не оспаривать решения налоговых органов под угрозой «приписывания» умысла в совершении налоговых правонарушений, что влечет за собой уголовную ответственность [11].

Кроме того, практика незаконного уголовного преследования предпринимателей по налоговым

составам используется в целях ликвидации или отчуждения бизнеса, что является одним из главных механизмов «черного» рейдерства [7]. Согласно судебной статистике за 2019 год, большинство наказаний по ст. 199-199.2 УК РФ предусматривали условное лишение свободы или штраф [17]. Однако предприниматели, попадая под уголовное следствие, фактически теряют свой бизнес, так как их бизнес «разваливается» пока они сидят в следственном изоляторе [12].

Подводя итоги, отметим, что проблема неправомерного уголовного преследования предпринимателей за налоговые составы является особенно значимой в условиях настоящего кризиса, т.к. при ее решении может быть существенно улучшен бизнес-климат в России.

Среди аспектов этой проблемы автором выделены: отсутствие четкого разграничения между уголовной и административной ответственностью за нарушение налогового законодательства; отсутствие четкой демаркации между составами ст. 159 УК РФ и 198, 199 УК РФ; практика квалификации налогового преступления как длящегося; практика неправомерного признания бизнеса незаконно раздробленным при наличии деловой цели.

Приведенные аспекты, в свою очередь, становятся источником коррупционных практик. В числе этих практик незаконное уголовное преследование в рейдерских целях.

Для борьбы с неправомерным преследованием предпринимателей нам представляется необходимым внести ряд изменений в законодательство РФ. Во-первых, следует четко демаркировать административную и уголовную ответственность за налоговые правонарушения и преступления, а также обязать следственные органы руководствоваться результатами проведенных налоговых проверок. Во-вторых, ввести в Уголовный кодекс категорию налоговое мошенничество, которая четко разграничит составы преступлений по ст. 159 и ст. 198, 199 УК РФ. Кроме того, правоприменительная практика по налоговым составам должна полностью соответствовать действующему законодательству и не допускать развитие событий по усмотрению со стороны должностных лиц.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 22.06.2020).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 22.06.2020).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 2.04.2020 г. № 409 о мерах по обеспечению устойчивого развития экономики / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349463/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 20.06.2020).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.06.2020).
5. Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349050/ (дата обращения: 22.06.2020).
6. Федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221216/ (дата обращения: 22.06.2020).
7. Казун А.П., Титова М.М. На пятьдесят оттенков светлее: как изменилось рейдерство в России с 2011 по 2015 год // Общественные науки и современность. № 4. 2018. С. 22—36.
8. Попова Н.Ф., Чикалина Н.А. Мошенничество в сфере налогообложения в России // МНИЖ. 2020. №1-2 (91). С. 68-73.
9. Адвокаты и юристы проанализировали Постановление Пленума ВС о налоговых преступлениях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-proanalizirovali-postanovlenie-plenuma-vs-o-nalogovykh-prestupleniyakh/> (дата обращения: 22.06.2020).
10. Законность до пандемии и во время нее // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4380108> (дата обращения: 19.06.2020).
11. Иванов А.А., Пепеляев С.Г. Налоговые преступления. Умысел. Youtube. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hXBBsDPsiU> (дата обращения: 18.06.2020).
12. Количество уголовных дел против бизнеса резко выросло [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/02/19/823451-kolichestvo-ugolovnih> (дата обращения: 22.06.2020).
13. Нам осталось несколько недель: как коронавирус убивает малый бизнес в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoiy-biznes/395715-nam-ostalos-neskolko-nedel-kak-koronavirus-ubivaet-malyy-biznes-v-rossii> (дата обращения: 20.06.2020).
14. Недостаточно и мимо цели: экономисты о новом пакете помощи населению [Электронный ресурс]. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/194274?fcc> (дата обращения: 20.06.2020).
15. Правительство начнет давать деньги бизнесу на выплату зарплат - Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/04/16/828173-pravitelstvo-dengi-na-viplatu-zarplat> (дата обращения: 20.06.2020).
16. Стенькин А. И. Мошенничество или налоговое преступление: что говорит проект постановления Пленума Верховного Суда РФ о преступлениях в налоговой сфере [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/28/moshennichestvo_ili_nalogovoe_prestuplenie_chno_govorit_proekt_postanovleniya_plenuma_verhovnogo_sud (дата обращения: 22.06.2020).
17. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 22.06.2020).
18. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Доклад Президенту РФ – 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html (дата обращения: 19.06.2020).
19. Ханов А.А. Без вины виновный, или Незаконность приговоров, вынесенных в отношении генеральных директоров по ст.199 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/09/bez_viny_vinovnyj_ili_nezakonnost_prigovorov_vynesennye_v_otnoshenii_generalnyh_direktorov_po_st199 (дата обращения: 22.06.2020).
20. Criminal Finances Act 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/enacted> (дата обращения: 22.06.2020).

References

1. Tax Code of the Russian Federation (Tax Code) / ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (accessed: 06.22.2020).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 No. 48 "On the practice of the application by the courts of the legislation on liability for tax crimes" / ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (accessed: 06.22.2020).
3. Decree of the Government of the Russian Federation of April 2, 2020 No. 409 on measures to ensure sustainable economic development / Consultant Plus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349463/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed: 06.20.2020).
4. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Code of Criminal Procedure) dated December 18, 2001 No. 174-ФЗ (latest revision) / ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 06.19.2020).
5. Federal Law of 01.04.2020 No. 73-FZ "On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Article 28.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" / Consultant Plus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349050/ (accessed: 06/22/2020).

6. Federal Law of July 29, 2017 No. 250-ФЗ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the improvement of the legal regulation of relations related to the payment of insurance premiums in / ConsultantPlus [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221216/ (accessed: 06.22.2020).
7. *Kazun A.P., Titova M.M.* Fifty shades lighter: how raiding in Russia changed from 2011 to 2015 // *Social Sciences and the Present*. No. 4. 2018. P. 22-36.
8. *Popova N.F., Chikalina N.A.* Tax fraud in Russia // *MINIZH*. 2020. No. 1-2 (91). P. 68-73.
9. Lawyers and lawyers analyzed the Resolution of the Plenum of the Supreme Court on tax crimes [Electronic resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-proanalizirovali-postanovlenie-plenuma-vs-onalogovykh-prestupleniyakh/> (accessed: 06.22.2020).
10. Legality before the pandemic and during it // *Kommersant*. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4380108> (accessed: 06/19/2020).
11. *Ivanov A.A., Pepelyaev S.G.* Tax crimes. Intent. Youtube [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hXBBSsDPsiU> (accessed: 06.22.2020).
12. The number of criminal cases against business has increased dramatically [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/02/19/823451-kolichestvo-ugolovnih> (accessed: 06.22.2020).
13. We have a few weeks left: how the coronavirus kills small businesses in Russia [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/395715-nam-ostalos-neskolko-nedel-kak-koronavirus-ubivaet-malyy-biznes-v-rossii> (accessed: 06.22.2020)
14. Not enough and past the goal: economists about a new package of assistance to the population [Electronic resource]. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/194274?fcc> (accessed: 06.22.2020).
15. The government will begin to give money to businesses to pay salaries - *Vedomosti* [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/04/16/828173-pravitelstvo-dengi-na-viplatu-zarplat> (accessed: 06.22.2020).
16. *Stenkin A.I.* Fraud or tax crime: what does the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on tax crimes say [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/28/moshennichestvo_ili_nalogovoe_prestuplenie_chno_govorit_proekt_postanovleniya_plenuma_verhovnogo_sud (accessed: 06.22.2020).
17. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (accessed: 06.22.2020).
18. The Presidential Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs. Report to the President of the Russian Federation - 2020 [Electronic resource]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html (accessed: 06.22.2020).
19. *Khanov A.A.* Guilty, or Unlawfulness of sentences imposed on general directors under Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource] without fault. URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/09/bez_viny_vinovnyj_ili_nezakonnost_prigovorov_vynesennye_v_otnoshenii_generalnyh_direktorov_po_st199_ (accessed: 06.22.2020).
20. Criminal Finances Act 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents/enacted> (accessed: 06.22.2020).

УДК 336.69

Яценко Евгений Алексеевич,студент 4 курса, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, город Симферополь,
lotner.zhenia@yandex.ru

МИРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ЦЕНТРЫ И ИХ РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ КАПИТАЛА

Аннотация. Предметом исследования в статье выступает роль мировых финансовых центров в международном движении капитала и проблема вывода национального капитала в оффшорные зоны. Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время движение капитала является одной из главных характеристик мировой экономики, а основной ее проблемой выступает высокий уровень оффшоризации. Цель исследования заключается в рассмотрении влияния мировых финансовых центров на движение капиталов в современных условиях в глобализирующейся мировой экономике. Автор рассматривает движение капитала в наиболее популярной и набирающей обороты среде – в оффшорных финансовых центрах. В статье показано, какую роль в мировом движении капитала играет деятельность мировых оффшорных финансовых центров, как это влияет на экономику мира и отдельных стран, в т.ч. в Российской Федерации. В ходе проведения исследования на основе имеющихся данных официальной статистики проведен анализ финансовых потоков, проходящих между Российской Федерацией (в форме частного капитала) и оффшорными финансовыми центрами за 1996-2019 годы. Показано, что отток капитала в оффшорные финансовые центры является негативным фактором для национальной экономики ввиду того, что убывание капитала в оффшорные зоны представляет собою малоэффективный его кругооборот. Сделан вывод, что кругооборот капитала между странами и оффшорными финансовыми центрами в случае возвращения в экономику страны способствует ее инвестиционному развитию, хоть и в достаточно искаженной форме. При данной схеме снижаются налоговые поступления, что приводит к ограничению использования внутренних инвестиций.

Ключевые слова: капитал, экономика, мировой финансовый центр, оффшорная зона, движение капитала, отток капитала, экономика мира, финансы, экономика страны

Yevgeny A. Yashchenko,4th year student, Crimean Federal University of V.I. Vernadsky, Simferopol city,
lotner.zhenia@yandex.ru

WORLD FINANCIAL CENTERS AND THEIR ROLE IN THE INTERNATIONAL MOVEMENT OF CAPITAL

Abstract. The subject of the study is the role of world financial centers in the international movement of capital and the problem of the withdrawal of national capital in offshore zones. The relevance of the study is determined by the fact that currently the movement of capital is one of the main characteristics of the world economy, and its main problem is a high level of offshoreization. The purpose of the study is to consider the influence of world financial centers on the movement of capital in modern conditions in a globalizing world economy. The author considers the movement of capital in the most popular and gaining momentum environment – in offshore financial centers. This interest is caused by the fact that in many (including in developed countries) large corporations, companies, and even banks, store their financial assets in offshore zones. The article shows what role the world offshore financial centers play in the global capital flow, how this affects the economies of the world and countries individually, for example, the Russian Federation. In the course of the study, based on the available official statistics, an analysis was made of the financial flows between the Russian Federation (in the form of private capital) and offshore financial centers for the period 1996-2019. It is shown that the outflow of capital to offshore financial centers is a negative factor for the national economy due to the fact that the decrease in capital in offshore zones is an ineffective capital cycle. It is concluded that the capital circulation between countries and offshore financial centers, if returned to the country's economy, contributes to its investment development, albeit in a rather distorted form. But with this scheme, tax revenues are reduced, which leads to a restriction on the use of domestic investment.

Keywords: capital, economy, world financial center, offshore zone, capital flow, capital outflow, world economy, finance, country's economy

В современной ситуации глобализации и интеграции экономических связей важнейшее значение в мировой экономике имеют финансовые центры, выступающие основными источниками формирования и накопления капитала.

Мировой финансовый центр является местом сосредоточения банков и специализированных кредитно-финансовых институтов, осуществляющих международные валютные, кредитные, финансовые операции и реализующих соглашения, связанные с приобретением ценных бумаг и золота [5, с. 11].

Как отмечают Е.Ю. Давыдова и К.В. Блошенко [4], сегодня мировые финансовые центры выступают основными источниками капитала, т.к. сами являются сосредоточением его внутри себя. Соответственно, движение капитала мировых финансовых центров играет важную роль в формировании экономики стран, как с развитой, так и с развивающейся экономикой.

На данный момент в мире существует большое разнообразие финансовых центров. По мнению автора, в аспекте рассматриваемой нами темы представляет научный интерес классификация С.С. Бабаева [2], который разделил существующие сегодня в мире финансовые центры на следующие группы:

1) Финансовые центры мирового уровня с развитой инфраструктурой, расположенные в столицах государств с развитой экономикой (например, Лондон, Нью-Йорк, Токио, Цюрих, Париж, Люксембург, Франкфурт-на-Майне и др.);

2) Финансовые центры, расположенные в развивающихся странах мира (например, Сингапур, Гонконг, страны Аравийского полуострова и др.);

3) Оффшорные финансовые центры (расположенные, например, на Кипре, Нормандских островах, острове Мэн, Бермудских островах, Каймановых островах, Багамских островах и др.).

Финансовые центры, принадлежащие к первым двум группам, выступают отражением развития национальных экономик государств и сосредоточением национального финансового капитала. Деятельность же оффшорных финансовых центров базируется на использовании вывозимого из других государств капитала.

По мнению К.Г. Асланян [1], этому способствуют ряд специфических черт оффшорных финансовых центров:

- введенные упрощенные правила по оформлению сделок;
- применение низких ставок регистрации в юрисдикции финансового центра;
- введение льготного налогообложения;
- низкие требования к кредитным организациям по формированию резервов при предоставлении кредитных линий;
- наличие гарантии конфиденциальности деятельности и осуществляемых операций;

– применение освобождения валютных операций от проведения валютного контроля и др.

Как отмечает В.В. Волков [3], для большинства оффшорных центров свойственна специализация на проведении ограниченного видов финансовых операций. Вместе с тем, именно они притягивают внимание владельцев крупнейшего бизнеса, т.к. позволяют уйти от национального налогообложения и значительно снизить финансовую нагрузку на бизнес. Поэтому использование оффшорных инструментов привело ряд крупнейших мировых и российских компаний к многочисленному выводу капитала.

Следует признать, что на сегодняшний день в Российской Федерации многие представители крупного бизнеса (компании металлургического комплекса, крупнейшие коммерческие банки, энергетические компании, машиностроительные предприятия и т.д.), являющиеся основой экономики государства, активно используют оффшорные зоны для проведения финансовых операций, вывода капитала, ухода от налогообложения.

Поэтому крайне важно в современных условиях звучит вопрос оффшоризации российских компаний. Данный процесс негативно влияет на развитие национальной экономики ввиду того, что подобные действия владельцев крупного бизнеса ведут к потере потенциала использования капитала внутри государства, и, наоборот, его приумножению в оффшорных юрисдикциях.

На сложность проблемы и поиск путей ее решения неоднократно обращали внимание и высшие лица российского государства. Так, 25 марта 2020 года Президент В.В. Путин предложил увеличить с 2% до 15% величину налога на выводимые отечественными компаниями и крупным бизнесом на оффшорные счета дивиденды и другие виды доходов [6].

Указанные аспекты определяют актуальность проведения анализа функционирования мировых финансовых центров, прежде всего, оффшорных юрисдикций, оценку их влияния на развитие национальной экономики государств и решение проблемы оттока капитала.

Как показывает анализ данных, представленных в российских официальных статистических источниках [8], отток денежных средств за последние несколько десятилетий превратился в Российской Федерации в серьезную проблему. Только за период 1996-2019 годы общий объем оттока капитала из Российской Федерации составил 694,7 млрд долл. США.

Более детально сведения об изменении объема чистого ввоза/вывоза капитала частным сектором Российской Федерации в 1996-2019 годах представлены в Таблице 1.

Как показывает анализ представленных данных, в 2016 году отток российского капитала в миро-

Динамика чистого ввоза/вывоза капитала частным сектором Российской Федерации в 1996-2019 годах, млрд долл. США [8]

Год	Чистый поток ввоза/ вывоза капитала	Год	Чистый поток ввоза/ вывоза капитала
1996	-12,7	2008	43,7
1997	-7,8	2009	87,8
1998	-22,4	2010	-133,6
1999	-18,4	2011	-57,5
2000	-22,6	2012	-30,8
2001	-19,6	2013	-81,4
2002	-23,1	2014	-53,9
2003	-13,6	2015	-60,3
2004	-7,0	2016	-152,1
2005	-0,3	2017	-57,0
2006	-8,6	2018	-18,4
2007	-0,3	2019	-24,8

Примечание: знак «-» указывает на отрицательное сальдо финансового потока (преимущественно вывоз капитала), положительное значение – на преимущественный ввоз капитала в страну

вые финансовые центры достиг своего исторического максимума – 152,1 млрд долл. США.

Интересным выглядит то, что именно в этот период был отмечен и максимальный показатель ввоза российского капитала в офшорных финансовых центрах (Таблица 2).

Суммарный же объем ввоза капитала из Российской Федерации в мировые финансовые центры третьей группы (офшорные финансовые центры) за период 1996-2019 годы составил 766,2 млрд долл. США.

Наглядно динамика чистого потока ввоза/вывоза российского капитала в офшорные финансовые центры в 1996-2019 годах представлена на Рисунке 1.

Как видно из данных Рисунка 1 и Таблицы 2, отток капитала из страны-донора в международные финансовые центры 3-ей группы выступает положительным притоком капитала именно для них, а значит и их инструментом роста. Такая ситуация формируется не только в России, но и в других странах, крупные компании и корпорации которых выводят свои средства в офшорные мировые финансовые центры.

По данным Российского статистического ежегодника [7], в 2019 году главными инвесторами в экономику Российской Федерации являлись страны с офшорными юрисдикциями: Кипр, Багамские, Бермудские острова, Джерси, т.е. те мировые финансовые центры, которые были ранее определены нами в третью группу.

Согласно экспертным оценкам, ранее выведенные в офшоры финансовые средства ежегодно составляют до 85% от размера прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ), поступивших в Российскую Федерацию [2]. Но, учитывая объем выводимо-

го капитала из нашей страны, следует полагать, что в данном случае в российскую экономику инвестируются денежные средства отечественных компаний, которые ранее были выведены в офшорные зоны, поэтому их крайне сложно отнести к категории ПИИ, имеющих значение для стратегического развития экономики любого государства мира.

Также следует полагать, что данные капиталовложения не могут служить показателем улучшения инвестиционного климата в Российской Федерации, а, напротив, характеризуют его с негативной стороны.

В результате сегодня в России формируется неэффективная циркуляция денежных средств из национальной экономики в офшорные области и назад, что еще более усугубляет неблагоприятный инвестиционный климат государства.

Негативные тенденции на мировом рынке, вызванные пандемией коронавируса COVID-19, приводят к тому, что компании вывозят капитал в международные финансовые центры, которые являются гарантом его сохранения. Выведенные средства фактически выступают кредитным плечом, позволяющим компаниям и корпорациям снизить риски ликвидности и платежеспособности. Нарастивая свое кредитное плечо для защиты от риск-факторов, бизнес все больше выводит свои денежные средства в офшорные зоны, тем самым стимулирует отток капитала из страны и способствует притоку капитала в международные финансовые центры. В результате подобные действия крупных компаний и корпораций стимулируют развитие и рост международных финансовых центров, делая зависимость национальной экономики от них еще сильнее.

Таблица 2.

Динамика притока/оттока капитала из Российской Федерации в офшорные финансовые центры в 1996-2019 годах, млрд долл. США [8]

Год	Чистый поток ввоза/вывоза капитала	Год	Чистый поток ввоза/вывоза капитала
1996	14,4	2008	-43,7
1997	3,9	2009	-87,8
1998	23,8	2010	133,6
1999	18,2	2011	57,5
2000	21,7	2012	30,8
2001	20,8	2013	81,4
2002	24,8	2014	53,9
2003	15,0	2015	61,0
2004	8,1	2016	154,1
2005	1,9	2017	56,9
2006	8,9	2018	15,4
2007	0,3	2019	31,3

Примечание: знак «-» указывает на отрицательное сальдо финансового потока (преимущественно вывоз капитала), положительное значение – на преимущественный ввоз капитала.

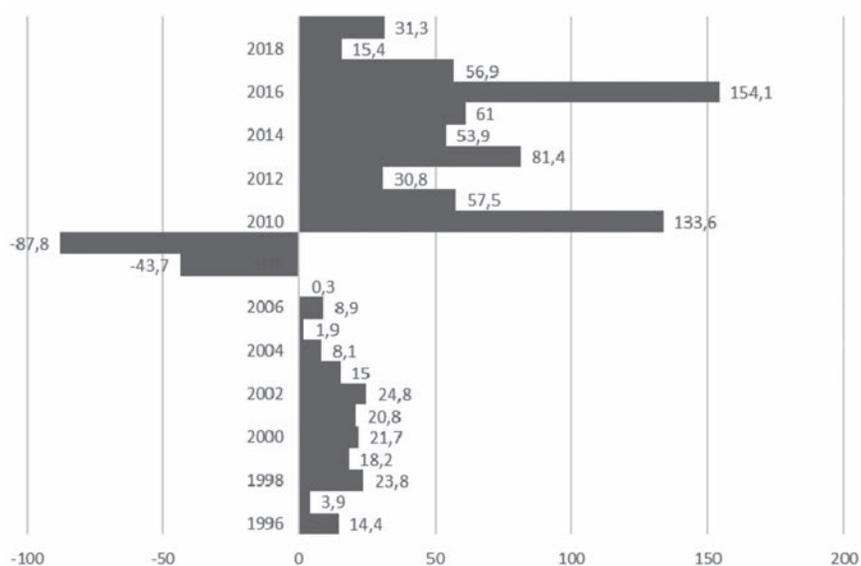

Рисунок 1. Динамика ввоза/вывоза российского капитала в международных финансовых центрах третьей группы (офшорные финансовые центры) в 1996-2019 годах, млрд долл. США

Также важно учитывать, что отток капитала – это еще и ввоз импортных товаров. Для их приобретения из страны нужно вывести денежные средства. Но средства также нужны и для погашения внешних заимствований, будь то государственный долг или долг частных компаний перед иностранными кредиторами. Это приводит к двоякой ситуации, когда сокращается внутренний рынок, а денежные средства, которые могли бы способствовать его расширению, выводятся за границу.

Таким образом, на примере Российской Федерации, мы показали, что отток капитала в мировые финансовые центры третьей группы (офшорные фи-

нансовые центры) является негативным фактором для национальной экономики, т.к. убывание капитала в офшорные зоны в целом представляет собою малоэффективный кругооборот капитала.

Вместе с тем, отток капитала – это только один индикатор текущей финансовой ситуации. До тех пор, пока увеличение оттока капитала не оказывает значительного влияния на изменение курса валют, его существенное влияние на экономику государства незначительно.

Образовавшийся кругооборот капитала между странами и международными финансовыми центрами, при условии, что выведенные капиталы снова

возвращаются в экономику страны, способствует ее инвестиционному развитию, хоть и в достаточно искаженной форме. Но в данном случае напрямую страдает налоговая система страны, недополучающая выпадающих доходов, что выглядит крайне негативно для внутреннего инвестиционного процесса.

Несомненно, что существующая ситуация неэффективного оборота национального капитала в условиях экономического спада требует своего скорейшего разрешения. Принимаемые же сегодня государством меры хоть и позитивны, но пока единичны

и недостаточны для изменения ситуации. Следует полагать, что необходима скорейшая разработка комплексной и системной программы, направленной не деофшоризацию российской экономики и дальнейшее создание барьеров для вывода капитала.

Другим важнейшим направлением противодействия негативной динамике оттока капитала в офшорные юрисдикции должно стать создание крупного и привлекательного мирового финансового центра в России, предоставляющего преимущества как для национальных компаний, так и для иностранных инвесторов.

Список литературы

1. Асланян К.Г. История создания, функции и назначение мировых финансовых центров // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 19-23.
2. Бабаев С.С. [и др.] Международные финансовые центры и их роль в развитии мировой экономики. Аналитический обзор. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 2017. 444 с.
3. Волков В.В. Роль современных международных финансовых центров в мировой экономике // Микроэкономика. 2017. №4. С. 18-22.
4. Давыдова Е.Ю., Блошенко К.В. Мировые финансовые центры: формирование в современных условиях // Территория науки. 2017. №5. С. 87-91.
5. Матюхин Г.Г. Мировые финансовые центры. М.: Ленанд, 2016. 216 с.
6. Обращение к гражданам России. 25 марта 2020 года [Электронный ресурс] // оф. сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061>.
7. Российский статистический ежегодник 2019. М.: Росстат, 2020. 84 с.
8. Центральный Банк РФ: Экспорт капитала частным сектором в 1996-2019 годах и I квартале 2020 года [Электронный ресурс] // оф. сайт. URL: <https://www.cbr.ru>.

References

1. Aslanyan K.G. The history of creation, functions and purpose of world financial centers. Moscow Economic Journal. 2019. No 7. P. 19-23.
2. Babayev S.S. and others. International financial centres and their role in the development of the world economy. An analytical review. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation. 2017. 444 p.
3. Volkov V.V. The role of modern international financial centers in the global economy. Microeconomics. 2017. No 4. P. 18-22.
4. Davydova E.Yu., Bloshenko K.V. World financial centers: formation in modern conditions. Territory of science. 2017. No 5. P. 87-91.
5. Matyukhin G.G. World financial centers. Moscow: Lenand, 2016. 216 p.
6. Appeal to the citizens of Russia. March 25, 2020 [Electronic resource]: official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061>.
7. Russian Statistical Yearbook 2019. Moscow: Rosstat, 2017. 84 p.
8. The Central Bank of the Russian Federation: Net import / Export of capital by the private sector in 1994-2019 and I quarter of 2020 [Electronic resource]: official website. URL: <https://www.cbr.ru>.

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, полковник юстиции в отставке, Москва
e-mail: svb-1956@mail.ru

Stanislav V. Bazhanov,

Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, retired colonel of justice, Moscow

Биченова Сирана Шалвовна,

старший преподаватель кафедры Уголовного права и процесса, ФГБОУ ВО Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, город Владикавказ
e-mail: sshbichenova@nosu-team.ru

Sirana Sh. Bichenova,

senior lecturer of the Criminal Law and Procedure Department of K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz

Борисова Елена Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Экономики и финансового права, АНО ВО «Институт деловой карьеры», Москва
e-mail: e.v.borisova@bk.ru

Elena V. Borisova,

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Department of Economics and Financial Law, Institute of a business career, Moscow

Ветрова Ольга Алексеевна,

инспектор по надзору ОП Марьинский ОМВД России по району Марьино города Москвы, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Москва
e-mail: vetrova.olga.alekseevna@yandex.ru

Olga A. Vetrova,

Oversight Inspector Maryinsky OMVD of Russia in the Maryino district of Moscow, candidate for legal degree, Moscow

Глухов Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, полковник юстиции, заместитель начальника кафедры Уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург
e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru

Evgeny A. Glukhov,

Candidate of Law, Colonel of Justice, deputy head of the department Criminal Procedure and Forensics, St. Petersburg Military Institute of Forces National Guard, St. Petersburg

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД РФ, Москва
e-mail: Gostevan@inbox.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Theory and Methodology of State Management, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Управления персоналом и кадровой политики, Российский государственный социальный университет, Москва
e-mail: tstarshinova@mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Personnel Policy, Russian State Social University, Moscow

Кашбразиев Ринас Васимович,

доктор экономических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань
e-mail: rkashbra@gmail.com

Rinas V. Kashbrasiev,

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Institute of international relations, Kazan Federal University, Kazan

Крымская Ильмира Сяитьевна,

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург
e-mail: mira155z@gmail.com

Ильмира С. Крымская,

4th year student, Saint Petersburg state University of industrial technologies and design, Saint Petersburg

Кузнецов Александр Анатольевич,

соискатель Университета прокуратуры Российской Федерации, следователь по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, Москва
e-mail: onikudaki@inbox.ru

Alexander A. Kuznetsov,

candidate of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, investigator for particularly important cases of the Main investigative Committee Department of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of justice, Moscow

Малахов Андрей Аркадьевич,

доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, полковник МВД РФ в отставке, город Владимир

e-mail: forensic.expert@outlook.com

Andrey A. Malakhov,

master of law, associate Professor of the Department of criminal law disciplines of the Vladimir branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation, retired police Colonel, Vladimir

Милов Павел Олегович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданского права и процесса», АНО ВО «Институт деловой карьеры», город Москва

e-mail: nauka@ideka.ru

Pavel O. Milov,

PhD in law, associate Professor of the Department of Civil law and process, Institute of business career, Moscow

Пантелеева Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой Менеджмента, Институт мировых цивилизаций, Москва

e-mail: tatata070707@mail.ru

Tatyana A. Panteleeva,

candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Institute of World Civilizations, Moscow

Перлик Максим Игоревич,

соискатель кафедры Теории и истории государства и права, Краснодарский университет МВД РФ, город Краснодар

e-mail: uporov@list.ru

Maxim I. Perlik,

Applicant, Department of Theory and History of State and Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar

Петрова Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД РФ, Москва

e-mail: 5elfxf@mail.ru

Olga V. Petrova,

Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow,

Сазин Сергей Тихонович,

кандидат юридических наук, профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации», Санкт-Петербург

e-mail: szsut.sazin@mail.ru

Sergey T. Sazin,

PhD in law, Professor of the Department of State and legal disciplines, «Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation», Saint Petersburg

Туров Ростислав Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры Философии и социально-гуманитарных наук, Государственный аграрный университет Северного Зауралья, город Тюмень

e-mail: turov.rostislav@yandex.ru

Rostislav S. Turov,

candidate of Philosophy, Associate Professor Department of Philosophy and Social Sciences,
State Agricultural University Northern Trans-Urals, Tyumen

Упоров Иван Владимирович,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного
и административного права, Краснодарский университет МВД РФ, город Краснодар

e-mail: uporov@list.ru

Ivan V. Uporov,

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor, Chair of Constitutional and Administrative
Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar

Чжан Дали,

соискатель Института международных отношений, Казанский федеральный университет, город Казань

e-mail: zhangdali@yandex.ru

Zhang Dali,

PhD candidate, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan

Яценко Евгений Алексеевич,

студент 4 курса, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, город Симферополь

e-mail: lotner.zhenia@yandex.ru

Yevgeny A. Yashchenko,

4th year student, Crimean Federal University of V.I. Vernadsky, Simferopol city